

Санкт-Петербургский государственный университет

НИКИТИНА Мария Евгеньевна

Выпускная квалификационная работа

«Записи Ицзяня» Хун Мая: представления о неприкаянных душах

Уровень образования: Бакалавриат

Направление 58.03.01 *«Востоковедение и африканистика»*

Основная образовательная программа СВ.5133.2019 *«Китайская филология»*

Научный руководитель:
профессор кафедры китайской
филологии Восточного факультета
СПбГУ, д.ф.н., Сторожук А.Г.

Рецензент: доцент кафедры
китайской филологии Восточного
факультета СПбГУ, к.и.н.,
Сомкина Н. А.

Санкт-Петербург

2024

Содержание

Глава 1. Жанр прозы сяошо, история становления китайской сунской новеллы, основные периоды её развития.	6
Глава 2. Представление о неприкаянных душах в сунском Китае	15
2.1. Трансформация представлений о загробном мире китайского населения с древности до эпохи Сун	15
2.2. Представления о голодных душах эгуй и неприкаянных душах гухунь	25
2.3. Влияние представлений о неприкаянных душах на содержание китайской новеллы эпохи Сун	30
Глава 3. Отражение представлений о неприкаянных душах в «Записях Ицзяня»	33
Заключение	69
Список используемой литературы	72
Приложение 1	77

Введение

Души людей, одержимые жаждой мести, бесприютные и забытые своими предками, неоднократно встречаются нам на страницах повествовательной прозы Китая эпохи Сун. Неприкаянные души часто воспринимаются современным читателем как фантастический феномен, не имеющий рационального обоснования. Однако, углубляясь в корни народных верований, а также религиозных представлений китайцев, тема голодных духов теряет в наших глазах тень наивности. Ведь, представления о духах, обитающих рядом с людьми, составляли неотъемлемую часть психической культуры китайцев. Авторы, описывающие происшествия, в которых замешаны духи, вкладывали в свои произведения информацию, особые координаты, считывая которые мы можем попытаться восстановить тот мир, каким его видел обычный китаец, проживающий в Китае классического периода. Ведь произведения китайских новеллистов тех времен – это часть их мировоззрения, часть их духовной жизни.

Наше исследование направлено на то, чтобы путем изучения китайской литературы, философских произведений, а также трудов синологов, правильно реконструировать представления, которыми руководствовались китайцы относительно неприянных душ.

Актуальность: Китайские новеллисты классического периода часто обращались к теме неприянных душ в своих произведениях. Несмотря на это, представлениям о них, их роли в религиозной жизни Китая уделялось мало внимания, следовательно, данная тема выступает открытым полем для научных и творческих изысканий. Она тесно переплетается с китайскими представлениями о загробном мире, о жизни после смерти и требует глубокого и длительного изучения философских и религиозных китайских трудов и множества аспектов менталитета китайского общества. Исследованием повествовательных жанров Китая занимались многие отечественные и зарубежные синологи, такие как Алимов И.А. , Фишман О.Л., Соколова И.И., Сторожук А.Г. , Голыгина К.И. , Я. Я. М. де Гроот, Г. Джайлс и другие.

Взгляды, изложенные в их трудах, зачастую разнятся и порождают научные дискуссии, это вызывает еще больший интерес к изучению вопроса. Необходимо обратиться к исследованию текстов, делая анализ особой китайской специфики восприятия окружающего мира и построения его модели. Данное исследование может привлечь специалистов разного рода областей, помочь взглянуть на некоторые предметы с совершенно другой стороны.

Объект исследования: сборник новелл сунского литератора Хун Мая «Записи Ицзяня»

Предмет исследования: отражение представлений о неприкаянных душах в традиционной китайской новелле на примере сборника сунского литератора Хун Мая «Записи Ицзяня»

Цель: определение роли неприкаянных душ в сюжетах литературных произведений Китая эпохи Сун.

Исходя из поставленной цели, в работе стоят следующие **задачи:**

- Проследить историю становления китайской сунской новеллы и ее влияния на литературный процесс;
- Выявить особенности новеллы *чуаньци*, выделяющие ее среди других повествовательных жанров Китая;
- Составить представление китайского сунского общества о феномене неприкаянных душ;
- Рассмотреть, как трансформировались китайские представления о загробном мире с древности до эпохи Сун;
- Изучить биографию и творческий путь сунского литератора Хун Мая;
- Проанализировать рассказы из сборника Хун Мая «Записи Ицзяня»;
- Перевести часть рассказов, в которых фигурирует мотив неприкаянных душ;
- Определить функции, которые выполняют неприкаянные души в сюжетах сунской повествовательной прозы на примере сборника «Записи Ицзяня».

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов в области исследования китайской средневековой литературы и китайских представлений о загробной жизни, а также китайские философские трактаты.

Глава 1. Жанр прозы сяошо, история становления китайской сунской новеллы, основные периоды её развития.

Впервые термин «сяошо» (小說) употребляется в III веке до н.э. в книге притч «Чжуан-цзы», названной по имени автора и являющейся основополагающим текстом в даосизме:

«Если, взяв бамбуковую палку и веревку, прийти к придорожной канаве и взяться в ней ловить мелкую рыбешку, трудно добыть крупную рыбу; рассказывать низкие побасенки сяошо к удовольствию начальника уезда — столь же далеко от великих свершений[4, с.20]!»

Здесь *сяошо* представляет собой противопоставление канону, некие маленькие рассказы, способные лишь усладить слух, но не являющиеся оформившимся жанром, т.е. произведением передающим представление о Пути-Дао, отражающим ритмическую организацию текста и опирающимся на устав. Поэтому, даже если предположить, что на данном этапе проза, будучи воплощенной в письменном виде, имела некий литературоведческий смысл и представляла собой особый тип повествования, то все же всерьез не воспринималась и оценивалась как произведение низкое.

В значении близком к литературному жанру *сяошо* упоминается в трактате «Синьлунь» философа и литератора ханьского времени Хуань Таня (ок. 43 до н. э. — 28 н. э.):

«Что же касается школы *сяошо*, то [они] собирают мелкие забытые рассказы, добавляя сходные рассуждения из современности, итак составляют небольшие сочинения — а [там] попадаются высказывания, приемлемые для самоусовершенствования или управления [своей] семьей» [4, с.21].

Данный критический отзыв важен, прежде всего, самим упоминанием «школы *сяошо*» как особого направления, имеющего свои характеристики содержания и формы. Примечательно и то, что «школа» имеет философский характер, ставя своей задачей проанализировать народные, чаще всего имеющие устные формы рассказы и притчи и провести аналогию с современным

состоянием. Это явление уже приближает прозу *сяошо* клитературному канону и отмечает начальный этап обособления ее как отдельного жанра.

Знаменитый историк Бань Гу в своем «Трактате о литературе [шести классов] искусств» («И вэнь чжи») причислил школу *сяошо* к одному из десяти основных философских направлений. По этому поводу он приводит в пример слова Конфуция: «Даже в малом знании есть некоторая ценность». Однако, «заходя слишком далеко, практика таких знаний становится препятствием, и поэтому благородный муж этим знаниям не следует». Бань Гу так же связывает причину ее возникновения с деятельностью чиновников-*байгуань*: «Школа *сяошо*, видимо, происходит из *байгуань*. Это то, что складывалось из бесед на улицах, пересудов в переулках, оформилось из слышанного в пути и рассказанного по дороге». [6, с.33] В отечественном востоковедении нет устойчивого мнения об определении должности *байгуань*. И.А. Алимов в своем исследовании «Сад удивительного» утверждает: «*байгуань* как отдельной должности, специально учрежденной для сбора слухов и сплетен, никогда в Китае не существовало; под термином «*байгуань*» (по аналогии с *сяогуань*) следует понимать «not a title», но широкий круг чиновных лиц не самого высокого ранга, чьи служебные обязанности так или иначе могли быть связаны с возможностью получения информации об умонастроениях простого народа в самых разных их проявлениях» [4, с.25]. Тем не менее, собранную информацию фиксировали в письменном виде и оформляли в специальные сборники. В «Цянь Хань шу» перечислено 15 таких сборников. Они состояли из отрывочных фрагментов разного рода сочинений, редко - художественно завершенных рассказов, имеющих сюжет. Как правило, они не были логически связаны друг с другом. Иногда к сборникам приписывали те тексты, которые нельзя было причислить ни к одному другому жанру. В общем эти тексты представляли собой или объединенные именем известного персонажа древности собрания случаев, историй и высказываний, или записи о событиях древности [6, с.40].

Сяошо эпохи Шести династий мы тоже не можем выделить жанровых дефиниций, они так же существовали лишь в составе сборников. Популярность

их составления значительно возросла, но это объясняется не столько стремлением реализовывать собственные творческие интересы и формировать национальные литературно-эстетических концепции, сколько следование неким поведенческим стереотипам образованных и служилых людей эпохи Хань. Поэтому ставится под сомнение наличие авторского творческого начала в данных произведениях и особой стилистики. Вполне возможно, что дело сводилось лишь к механизированному структурированию уже имеющейся информации.

Тем не менее, проза *сяошо* достигла настоящего расцвета именно в это время. Это обусловлено рядом причин, включая массовое увлечение сверхъестественным на волне складывания религиозной даосской традиции. Также еще в I в. н. э. в Китае стал распространяться буддизм, появились многочисленные переводы буддийских сочинений, привнесшие новые критерии для восприятия прекрасного. Немного позднее особой популярностью стала пользоваться концепция загробного судилища, где каждый после смерти непременно получает по заслугам.

Принятая в китайской традиции хронологическая периодизация, привязанная обычно к правлению той или иной династии, является не совсем подходящей, и потому исследователи для обозначения прозы *сяошо* этого времени используют обобщающие термины — *лючао сяошо* («проза *сяошо* Шести династий»), *танцзянь сяошо* («дотанская проза *сяошо*»), *вэй цзинь наньбэйчао сяошо* («проза *сяошо* эпох Вэй, Цзинь и Наньбэйчао») [4, с.146].

Количество дошедших до наших дней сборников позволяет, в отличие от ханьских текстов, предложить их тематическую классификацию на две основные группы: *чжигуай сяошо* (志怪), то есть рассказы об удивительных событиях, существах и предметах, а также *чжижэнь сяошо* (志人), то есть рассказы, представляющие собой записи реальных происшествий, событий и случаев с людьми, часто достаточно известными [4, с.147].

К танскому времени развитие *сяошо* вызвало качественный скачок, в ней зародился и получил развитие особенный вид китайской новеллы, гораздо

позднее названный *чуаньци* (傳奇). При этом *чуаньци* долгие годы существовали параллельно с традиционными *сяошо* типа *чжигуай* и *чжижэнь* [4, с.147].

Впервые термин «*чуаньци*» был использован в названии одноименного сборника рассказов танского литератора Пэй Сина (裴銑 VIII в.) «Чуань ци» (傳奇, «Повествования об удивительном»). Он обозначил фабульное прозаическое произведение танского времени, отделив его от *чжигуай сяошо*. Дословно «*чуаньци*» переводят как «передавать удивительное». Современные китайские ученые для обозначения танской новеллы помимо собственно «*чуаньци*» используют также термины «*чуаньци сяошо*» (傳奇小說 «проза чуаньци»; также чуаньцити 傳奇體, «жанр чуаньци»; чуаньцивэнь 傳奇文, «литературачуаньци») [5, с.18-19].

В вопросе же появления *чуаньци* и выделения ее как отдельного жанра новеллы даже традиционный хронологический подход является неэффективным. С этим связаны и трудности, возникающие при выявлении жанровых характеристик и определении, какие именно произведения следует относить к *чуаньци*. Именно поэтому большинство исследователей сводятся к выводу о том, что *чуаньци* – закономерный этап развития прозы *сяошо*, в рамках которого авторское отношение к повествованию выводится на новый уровень. Данный фактор сказался на сюжетном и стилистическом оформлении текста, что и предопределило обособление *чуаньци* как отдельного жанра [6, с.19-23].

В истории развития танской новеллы обычно принято выделять три периода, примерно соответствующих трем этапам танской эпохи: начальный (618—779, зарождение новеллы *чуаньци*, ее периферийное положение между дотанской *сяошо* и *чуаньци*), средний (780—907, массовое появление новелл, но жанр все еще не был осознан современниками) и поздний (907—960, появление целых сборников, состоящих из *чуаньци*). Однако далеко не все исследователи придерживаются такого хронологического деления, наиболее уместно, по их мнению, делить *чуаньци* на несколько устойчивых тематических групп [5, с.34].

Процесс становления китайской художественной прозы как аутентичного

жанра имел эволюционный характер. Он происходил на волне формирования национальной литературно-эстетической концепции и воплотил в себе ее черты. В китайской прозе тесно переплетаются два начала – иррациональное, народное и философское, каноническое. Одна из главных особенностей, выделяющих китайскую новеллу и не дающих ей аналога среди литературных форм мирового художественного опыта, заключается в том, что низкая словесность – первое начало питало второе – словесность высокую.

Концепция конфуцианского учения, являющегося фундаментом всех сфер жизни китайского общества, строится на представлении литературы, как словесного выражения высоких абстрактных понятий, являющихся основными для человека, а точнее одного, еще более значительного чем истина [1, с. 88]. Это понятие проникает сквозь всю историю китайской цивилизации, складывает представление народа о времени, мире, душе. Ему нет аналогов в нашем, европейском, осознании действительности, оно может быть понято лишь на эмпирическом уровне. В китайской традиции его именуют *дао* (道). *Дао* – это бесконечное движение всего и вся, любое изменение подчинено его ритму, это механизм и программа эволюции мира, его трансформация в пространственно-временном континууме. Оно закладывает в мире гармонию и предопределенность, являя себя в вещах, подвластных и не подвластных человеческому восприятию.

Поэтому литература изначально воспринималась не как продукт индивидуальной творческой деятельности, а как словесное самовоплощение Высшего закона, выражение основ бытия. Она рассматривалась как порыв тончайших субстанций *ци* (氣), являющихся изначальной детерминированностью, которая заложена в человека Абсолютом. Это словесный узор *вэнь* (文), в котором являет себя *дэ* (德) и который благодаря свойственной ему упорядочивающей функции *ли* гармонизирует отдельные части мирового целого и их взаиморасположение.

Конфуций говорил о *вэнь*, как о совокупности вечных истин, квинтэссенции культуры, возводящей человека со стадии варвара на стадию

цивилизованного существа. В. М. Алексеев пишет: «*Вэнь* есть выражение высшей мудрости, есть лучшее слово, сообщающее нас с идеей абсолютной правды» [1, с.52].

Частицы *ци* - носители движения, которое проистекает из *дао* и один из главных побудительных начал творческого процесса. Именно поэзия подчинена строгому принципу ритма, определенного устава, который способен упорядочивать могущественные вибрации *дао* и способствует слиянию внутреннего *ци* с всеобщим потоком духовности. Именно поэт признается приемником импульса *дао*, который способен излить движение его *ци* в таком направлении, чтобы гармонизировать окружающий его мир. Алексеев пишет, что «через посредство стихов, верно отражающих искренние чувства народа, покорного своему правителю, добродетельные государи древности смогли установить идеальный порядок и упрочить сущность социального порядка до такой степени, что он уже более не нарушался. Преуспев во всем этом, они создали красоту цивилизации, которая превращает дикарей в образованных и хороших людей и вообще до неузнаваемости исправляет нравы народа» [1, с.89].

Поэзия долго выступала в роли единственного элемента, являющегося словесным выражением Высшего ритуала и способным установить коммуникацию людей с высшими силами. Конфуцианский литературный канон зиждился на установлении гармонии в мире с помощью ритмической упорядоченности, чередовании структурных элементов в произведении, пропорциональности заполненного и незаполненного. В связи с этим именно поэзия была достойна называться *вэнь*. Культ старины и обращенность всем своим существом к средним векам просто не позволяла китайцам прерывать традицию и отрываться от конфуцианских канонов. Это ограничивало эволюцию китайской литературной мысли [13, с. 8-32].

Чем же тогда выступает в истории китайской литературы новелла? Достойна ли она на определенном этапе развития выделиться из словесности и трансформироваться в область, обладающую ценностью прекрасного, способной, как и поэзия, стать призмой восприятия мира, связующим звеном между

Высшим Законом и людьми?

Сяошо всегда оставалась за пределами *вэнь* и не считалась достойной внимания «благородного мужа». На ее репутации сказалось и отрицательное отношение к ней Конфуция. Но из *сяошо* выкристаллизировались жанры и других форм, таких как *чжигуай сяошо*, *чжижень сяошо* и *чуаньци*.

В *чжигуай сяошо*, *чжижень сяошо* имеется определенное послание, сообщение, предостерегающее читателя и имеющее определенную дидактику. Здесь описываются те условия и обстоятельства, в которых может оказаться человек, некие объяснения происходящего в окружающем мире. Записывались они со слов свидетелей и выступали своеобразным зеркалом социального сознания эпохи. Было ли это лишь отпечатком той ассоциативности, которая определяла характер мышления китайцев и их представлений, что все состояния, в том числе и душевные, имеют свои материальные воплощения и пересматривались ими в свете веры в духов, или же реальные, неподвластные нашему восприятию и осознанию происшествия, мы сказать не можем. Но можно с уверенностью утверждать, что в этих новеллах определялась парадигма китайцев, их карта и осмысление окружающего мира.

Тогда *чуаньци* в данной связи выступает тем жизненным опытом, который был пройден сквозь призму послания, изложенного в *чжижень* и *чжигуай сяошо*. Это реальные переживания, которые были пройдены в данных условиях и чувства и эмоции, которые были ими вызваны. Именно они дали импульс животворящим частицам ци, способствовали рождению авторского вдохновения. Это открыло автору новую точку не только восприятия действительности, но и ту точку, отстоя от которой можно найти связь с высшими силами. В данном жанре невозможно выделить определенных характеристик, дефиниций, которые четко указывали бы нам на принадлежность к нему того или иного произведения. Дело в особой ткани художественного текста, в органичном сочетании всех его компонентов, идей и частей и, конечно же, в тех чувствах, что оно у нас вызывает. Автор излагает те ощущения, которые его переполняют, так как без этого он не может представить свое дальнейшее существование. Он, как и поэт, является

реципиентом энергии Дао и призван передать ее людям, а точнее показать ту точку, с которой ее можно воспринять. *Чуаньци* же в данном случае является связующим звеном между автором и читателем. Отсюда происходит трансформация понимания литературы и места новеллы в ней.

Распространена позиция, что эволюция *чжижень* и *чжигуай сяошо* к *чуаньци* – это эволюция сюжета и героя от сказочного к бытовому [10, с.101]. Но можно ли назвать сказочными те сюжеты, в которых нет вымысла, которые народ не просто выдает за достоверные происшествия, но и сам не сомневается в их реальном воплощении в мире, можно ли назвать бытовым сюжет, который ставит своей целью добраться до пути соединения с Высшими силами и опирается на данные происшествия? В данном ключе опять же видно абсолютную автохтонность китайской литературной традиции и неуместность ее сравнения с европейской.

Многие историки китайской литературы пишут, о том, что новелла становится объектом сознательного художественного творчества уже в эпоху Тан, что следует из живой и красивой стилистики, сюжетной сложности, композиционной завершенности и по-особенному изложенного в нейавторского мировоззрения. По замечанию Лу Синя, «проза сяошо, как и стихи, с наступлением танской эпохи изменилась и, хотя и не ушла от собраний удивительного и записей утраченного, однако изложение стало искуснее, а стиль — изысканнее; приметы развития весьма очевидны; столь же ясно, что как раз в это время впервые появляется осознанное стремление создавать прозу» [5, с.16-24]. Действительно, сравнивая тексты разных новеллистических жанров эпохи Тан и Сун, в *чуаньци* наблюдается выход на совершенно новый уровень языка изложения, организации композиции и описания персонажей произведения.

Китайская литературная традиция руководствуется, в первую очередь, сугубой и рациональной функциональностью, всегда опирающуюся на авторитет предшественников. Но все же в рамках этой канонической формы авторы *чуаньци* проявляют оригинальность, изобретательность и экспериментируют с приемами изложения, с помощью которых стремятся объяснить читателю

загадочные явления окружающего мира. К.И. Голыгина комментирует это как «момент сознательного создания индивидуальной сюжетной конструкции в рамках канона» [11, с.64-65]. Так же она пишет: «*Чуаньци* — своеобразный средневековый жанр ранней беллетристической прозы — представляет собой завершенное тематическое и стилистическое целое, со своими собственными приемами и способами построения повествования... Авторам же свойственен один тип высказывания идеи, один тип понимания действительности. Они однотипны в идеологическом и социальном обобщении» [11, с.65].

Литература эпохи Сун часто носила дидактический подтекст, ведь для художественного сознания этой эпохи все же в большей степени характерно восприятие художественного творчества как функционально направленной деятельности, главной функцией которого являлось совершенствование общества. Писатели вводили в рассказ философские размышления, элементы социальной сатиры, а также демонстрировали или утверждали определенные религиозные догмы и нормы поведения.

Глава 2. Представление о неприкаянных душах в сунском Китае

Человеческое сознание может весьма виртуозно формировать жизненные принципы и определять границы воли человека. Это сложный механизм, который пропускает сквозь себя все внешние явления и определяет им свое место. По природе мы не можем жить в состоянии, когда есть нечто неподвластное нашему объяснению и внутреннему оправданию, ведь в случае, если что-то не пройдет наш контроль, пропускная система не сработает - разрушится установленный порядок, а мы окажемся среди обломков наших мыслей и чувств наедине с ледящим, страшным неизведанным миром, потерянные в системе общественных ценностей. Человеку свойственно опасаться такого состояния, а мир за пределами нашего воображения тем временем наполнен многими вещами, которых не может объять наша система. У человека, живущего в Китае классического периода была своя выстроенная модель взаимоотношений с миром, существующим за гранью восприятия человеческого сознания. И для того, чтобы понять дискурс работы китайских авторов, которые творили в эпоху Сун, мы попытаемся ее реконструировать. Рассмотрим основные понятия, касающиеся восприятия древними китайцами потустороннего мира и организации их взаимоотношений с душами умерших, в том числе с неприкаянными душами.

2.1. Трансформация представлений о загробном мире китайского населения с древности до эпохи Сун

Когда мы сталкиваемся с образом духов на страницах китайских произведений, прежде всего, интересно узнать предысторию религиозных верований и обычаев, связанных со смертью и загробной жизнью, на фоне которых их появление обретает смысл. Это открывает нам глаза на различные явления религиозной жизни китайцев на момент создания произведения.

Еще в глубокой древности считалось, что мертвые обладают огромной

властью над повседневными событиями. Духи потустороннего мира могли вызвать болезнь или наслать беду на население, это побуждало людей проводить регулярные ритуалы, в том числе и с человеческими жертвоприношениями для умилоствления злых духов. Уже в яншаоских и луншаньских захоронениях археологами были обнаружены следы существования в то время развитого погребального обряда, отражавшие верования жителей неолитического Китая в загробный мир. В захоронения людей клали вещи, которыми мог пользоваться умерший при жизни [9, с.42]. Это показывает нам, что древние китайцы верили, что после смерти человек не исчезал, а продолжал свое существование только в другой форме. Силы загробного мира не олицетворяли собою зло, и, следовательно, не были антагонистами неким «добрым силам» они являлись неотъемлемой частью общего целого. [9, с.45] Оказывая постоянное влияние на земную жизнь людей, они выступали регуляторами их поступков и организации жизни. Призраки в те времена представлялись в виде полулюдей, полужверей. Звери, пожирающие людей, являлись самыми страшными тварями, они и становились мифологизированными чудовищами. С развитием истории призраки в виде зверей и полулюдей трансформировались в человекоподобных призраков [28, с.21-23].

При династии Шан ритуалы подношения духам были частью хорошо организованной системы, которая регулировалась на правительственном уровне. Система строилась на четком календарном принципе, где были установлены жертвенные дни, посвященные определенным предкам. Во многих из сохранившихся надписей на костях оракул требует, чтобы предок сделал собственное подношение еще более высокой силе, это свидетельствует, что уже в те времена были представления о системе иерархии в потустороннем мире. Это становится очевидно, если иметь в виду, что уже при династии Шан социальное расслоение достигло большого уровня, а представление о загробном мире строилось по принципу его зеркальности с миром живых. Иерархия потусторонних сил исходила из социального статуса, занимаемого умершим на его жизненном пути, также значение имело и время его пребывания в мире

мертвых, поэтому души людей, умерших молодыми, могли занимать более высокую должность, чем души людей, отошедших в старческом возрасте [9, с.49-51].

В эпоху Чжоу на смену человеческим жертвоприношениям пришли подношения человеческих фигурок и копий или изображений вещей из повседневного обихода населения. Был также разработан иерархических церемониал, который регулировал вопросы жертвоприношений. Уже в это время культ мертвых достиг кульминации своего развития и превратился, как выразился Л.С. Васильев, в «центральный пункт всей религиозно-этической системы Китая».[9, с.50] Если в эпоху Инь и ранней Чжоу привилегией почитать своих предков пользовались только аристократические и императорская семьи, то уже в эпоху поздней Чжоу это стало обязанностью каждого китайца. Это было связано в первую очередь с появлением конфуцианского учения, которое сумело облагородить культ мертвых, и придать ему глубокий смысл. Культ предков с конфуцианской точки зрения был одним из основополагающих пунктов, которые составляли идеал благородного человека. Это проявление на практике важнейшего конфуцианского учения – учения о сыновней почтительности – *сяо* (孝) [9, с.126]. Несмотря на то, что с первого взгляда такая заповедь кажется очень понятной и простой, при детальном рассмотрении эта наивность уходит. *Сяо* — это очень комплексный принцип, включающий в себя различные понятия и обязанности со стороны предков, главная же его идея заключается в уважении и почитании своих предков и при жизни, и при смерти. После смерти своего родителя человек обязан был соблюсти ряд церемоний, включающий в себя различные ритуалы погребения, траур и в дальнейшем регулярное выполнение жертвоприношений своему предку. Приносить жертву могли лишь старшие мужчины в роду, что объясняет такую заботу китайского населения о мужском потомстве [9, с.119-120].

Китайцы верили, что ритуальные обычаи, связанные с поклонением мертвым, были направлены лишь на членов своей родственной линии. В комментарии к хронике «Чуньцю» «Цзо Чжуань» говорится: «Души [умерших] непринимает [подношений] не от своих потомков, люди не приносят жертвы [духам], не принадлежащим к их клану» [31, с.57]. (神不歆非類, 民不祀非族) (10-й год правления Си Гуна) Здесь мы видим, что совершение жертвоприношений умершим, не принадлежавшим к линии родства, было морально неприемлемо.

Конфуцианское учение смогло организовать систему ритуалов, построить идеологический фундамент, который на протяжении тысячелетий удерживал на себе огромное строение китайской истории, наполненное различными противоречиями и смутами. Однако сознание народа все еще не было удовлетворено и жаждало объяснений трансцендентных явлений. На вопросы о строении потустороннего мира и о форме существования человека после смерти конфуцианство не отвечало. Это рождало некую неопределенность в народной среде.

Дополнила представления о потустороннем мире даосская теория о существовании душ. В Китае считалось, что многочисленные души человека делятся на эфирные *хунь* (魂) и животные *по* (魄). Эфирные души *хунь* привносятся в организм янским началом – духом *шэнь* (神), животные души *по* зарождаются в человеке витальным началом *цзин* (精). Эфирные души соотносятся с первоосновой *ян* (陽), а животные души – с первоосновой *инь* (陰). В главе девятой «Хуайнань-цзы» «Искусство владычествовать» говорится: «Небесный эфир образует душу *хунь*, земной эфир образует душу *по*» [18, с.142]. Душа *хунь* ответственна за ментальные процессы, душа *по* – за физиологические процессы. С появлением теории существования душ появляется и обоснование, что человек и после смерти может сохранить свою привязанность к человеческому миру, ведь это свойственно его душе. Так, например, авторам танских китайских новелл духи, способные являться людям,

представлялись совокупностью иньских и янских душ или же одних янских душ, которые являли собой аналог человеческого тела, способный к самостоятельному существованию без телесной оболочки. Возможность такого существования определялась состоянием энергии ци и обуславливалась сильным душевным порывом [17, с. 394].

С распространением даосского философского учения, в человеческом сознании сложилась нравственная дихотомия восприятия своих действий в соответствии с общими принципами Вселенной. Духи в данном контексте выступали регуляторами, целью которых было восстановление гармонии, они действовали как мстители или вознаграждающие по приказу Высшей силы. Ведь любое влияние, оказываемое ими непосредственно на жизнь человека, не может быть без согласия с теми принципами и законами, которые доминируют во Вселенной. Так, например, нидерландский синолог и историк религии Ян Якоб Мария де Гроот пишет, что духи могли наказывать или благословлять целые королевства за поведение своих правителей [22, с. 430]. Можно сказать, что они совершали высшее правосудие. Проникновение буддизма в Китай и представления об аде, которые оно за собой принесло, структурировало эту систему принципов. Оно объединило представления об обитателях иньского мира с буддийскими привнесениями [28, с.105].

Комплексное китайское представление о загробном мире сформировалось на базе буддийских верований, которые появились в Китае в I веке н.э. Новое религиозно-философское течение проникло в Китай из Кушанского царства. С каждым годом росло число прибывших буддистов из Индии, Парфии, Согда, городов-государств Восточного Туркестана, а с ними и число неофитов из китайского населения. Уже в середине 3 века обряды посвящения китайских послушников в монахи стало делом регулярным, что ускорило процесс возникновения новых буддийских общин-сангх. Широкое распространение элементов учений буддийских сект, в основном буддизма Махаяны, сутр и различных атрибутов буддизма пришлось на период после правления династии Суй (581-618). Расцвета же буддийское учение достигло в эпоху Тан, оно

оказывало всестороннее влияние на развитие всего китайского общества. [17, с.142]

Стоит отметить, что буддизм в Китае на ранних этапах развития был представлен большим количеством крупных и мелких и по влиянию, и по количеству верующих философских объединений – буддийских сект. Взгляды сторонников учений зачастую сильно различались. [17, с.142] Одновременно с «церковным направлением» развивался и «простонародный буддизм», который с одной стороны популяризировал теоретику буддизма, с другой стороны видоизменял ее путем добавления к ней различных элементов народной религиозной фантазии. В результате происходил синтез буддийского учения с многочисленными небуддийскими элементами. [17, с.169]

Привлекательность буддийского учения в глазах китайцев заключалась, прежде всего, в его способности дать ответы на те вопросы, о которых молчали конфуцианцы и не могли дать конкретного разъяснения даосы. Буддийское учение открыло для китайцев страницу неизвестного дотоле, а от того и пугающего мира, который ждет каждого человека после смерти. Китайское сознание быстро впитало в себя учение о перерождении, учение о карме, в том числе идеи о загробном воздаянии, и учения о достижении нирваны. Наряду с этими чертами, родилась и вера в собственно буддийских божеств-покровителей, будд и бодхисатв.

С распространением в Китае буддийского учения появились и стали развиваться представления об аде, «подземных узилищах» - *диюй* (地獄). Это отдельные области загробного мира, в которых душа очищается от земных грехов через страдание и получает свое перерождение. Сама система представляет собой четко слаженный бюрократический аппарат. [16, с.28] Перерождение по тому или иному пути определяется кармой предыдущих жизней. В Китае буддийская версия ада очень сильно модифицировалась под влиянием местных верований, и от первоисточника сохранились лишь фрагментарные элементы сходства. Единой концепции устройства загробного судилища практически не существует. Со временем буддийские идеи потерпели

качественные изменения, что характеризуется процессом китаизации буддизма, его трансформация под влиянием конфуцианских, дасооских и народных представлений. [16, с.26-38] Что интересует нас, прежде всего, так это как трансформировалось восприятие потустороннего мира в глазах жителей Китая после проникновения буддизма.

Люди продолжали поклоняться своим предкам, а загробная жизнь стала представляться в материальном и бюрократическом плане, что объясняется слиянием привнесенной буддизмом идеи об аде и прагматичности конфуцианского учения. После смерти человеческая душа может попасть в ад, в котором она получала воздаяния за свои грехи и затем могла обрести рождение в одном из миров сансары. Концепция китайского ада детально проработана в «Нефритовых скрижалях» (кит. Юйли баочао, 玉歷寶鈔). «Юйли баочао» можно отнести к разряду *шаньшу* (善書). *Шаньшу* – это жанр религиозной литературы морально-дидактического характера, предназначенный для убеждения паствы отказаться от греховного пути и творить добро. [33, с.91] Здесь мы можем видеть, что ад представляется хорошо организованным, четким бюрократическим аппаратом, состоящим из десяти залов суда, каждый из которых возглавляется отдельным чиновником. На протяжении своей истории текст неоднократно изменялся и дополнялся, поэтому существует большое количество списков. В книгах довольно подробно описывается в какой зал и за что попадает человек после его смерти, а также представлены показательные примеры воздаяния за жизненные грехи человека, попавшего в ад и наставления, касающиеся самых разнообразных сторон жизни.

Впоследствии распространения буддизма в Китае потерпели трансформацию и представления о загробной жизни. Помимо обязательных подношений душам предков в Китае стали проводиться жертвоприношения душам людей не из своего клана. Еще с древности подносить жертвы умершим не из своей линии родства не только не было актом щедрости, но являлось чем-то самонадеянным и нечестивым. Жертва было актом благодарения за благословение и благосклонность, которые человек получил свыше от предка.

Чем в таком случае можно быть обязанным чужому предку? В народе появилось представления о так называемых неприкаянных душах. Это души людей, которые по каким-либо причинам не могут покинуть земной мир, они голодны, потому что не имеют предков, которые приносили бы им жертвоприношения, не имеют пристанища и слоняются в неопределенном положении между мирским и загробным миром и, что самое страшное, могут иметь затаившуюся обиду и жаждать мести. По своим способностям на земле они сродни духам, но не подчиняются никаким законам загробного мира, они оставлены и обречены на скитания среди людей. Такие злокозненные духимогли нанести неисправимый вред людям и во избежание злой участи от нечистой силы люди стремились их задобрить. Поэтому они вынуждены были совершать ритуалы не только по отношению к своим предкам, но и по отношению к душам усопших. Эти привнесения сильно затронули апологетов конфуцианства и многих людей консервативного мышления. Ведь человека должны касаться лишь дела его собственного рода, вторжение в пространства, которые не имеют с тобой связи, не должно быть свойственно благородному мужу. Из-за этого возникали различные споры и идейные столкновения. [35, с. 15-18] Так или иначе, идея о существовании неприкаянных душ имела место быть, и народ искал различные способы решения конфликтов сосуществования с ними.

Так же стоит отдельно коснуться народных верований и особенностей, связанных с ними в эпоху Сун. В начале XII века местные пантеоны состояли в основном из святых, которые до смерти и апофеоза прославились своими чудесами, военной, врачебной или магической деятельностью. Существовало несколько культов животных, так же было распространено поклонение природным явлениям в антропоморфизированной форме [26, с. 34]. Выходцы из элитарного сословия, не поступившие на государственную службу, всячески прославляли богов местности, принося им жертвы, сооружая храмы и молельни в их честь. Такие пантеоны могли включать в себя и духов людей, чьи жизни оборвались в результате несчастного случая или погибших преждевременно. Они появлялись людям во снах, чтобы рассказать о своих силах. Многие

литераторы и ученые, выступающие против популярных культов, особенно порицали этих божеств, утверждая, что они не соответствуют традиционным требованиям к божественности, изложенным в классическом конфуцианском каноне, и не достойны занимать такое же положение как другие авторитетные божества [26, с.7].

На волне урбанизации, с изобретением книгопечатания в эпоху Сун, процесс получения образования стал доступен более широкому кругу людей. Сформировалась новая учебная программа для сдачи экзаменов на государственную службу, и количество кандидатов увеличилось практически в пять раз (с 79 000 кандидатов в XI веке до 400 000 в XIII веке). Однако несмотря на такой рост инициативы, шансы на успех были невелики, ведь количество доступных мест на должности не изменилось. Все кандидаты надеялись получить распределение на государственную службу, и те немногие, кому это действительно удалось, служили чиновниками в самых разных районах империи, переезжая из одной области в другую. Такой уклад привносил изменения и в жизни верующих, а в частности сказывался на местном пантеоне богов [26, с.7].

Чиновники и купцы, путешествующие по разным районам страны привносили свой вклад в развитии местных пантеонов. В древности люди поклонялись только богам из своих родных мест. Но в двенадцатом и тринадцатом веках они начинают поклоняться богам, связанным с другими местами, часто с родными городами чиновников. География небес и география земли перестает быть чем-то единым, вырисовывается новая карта пантеонов, где влияние богов конкретной местности постоянно заимствуется и распространяется [26, с.9]. Если отдельный человек или группа людей хотели основать новый культ или увеличить поддержку определенного божества, которое они поддерживали, им нужно было создать новые изображения и построить новые храмы. Считалось, что это делается чтобы побудить божество совершать больше чудес. Такие действия, что не случайно, также имели эффект убеждения других в могуществе божества [26, с.61].

Рост популярности поклонения местным богам также проходил и на фоне

отрицания центрального правительства, осажденного неханьскими народами, люди видели в местных богах своих заступников и единственную безусловную надежду на помощь и защиту.

Китайская народная религия отличалась от этих текстовых религий в нескольких важных аспектах. Не обязательно было уметь читать, чтобы молиться богам, не обязательно было быть грамотным, чтобы понять принципы, управляющие поведением богов. Само отсутствие письменных материалов в народной религии Сун свидетельствует об участии неграмотных. В некоторых храмах были доступны духовные медиумы для консультации в интерпретации ответа богов на молитвы, но в то же время любой желающий, вне зависимости от уровня образования, всегда мог войти в популярный храм и обратиться с мольбой к богам. Поскольку люди могли напрямую обращаться с прошениями к богам, народная религия, в отличие от буддизма, даосизма и конфуцианства, не имела признанного духовенства и установленного канона текстов, и, соответственно, была более доступной и популярной.

Что касается буддийской и даосской традиций, в официальных религиозных канонах соответствующие религиозные традиции представляются нам такими, какими их хотели видеть высокообразованные монахи - без отклонений от их собственных доктринальных традиций. Таким образом, информации о взаимодействии между духовными и светскими традициями в них содержится крайне мало. Миряне часто не понимали высоких даосских и буддийских принципов молитвы, и молились богам, которые были действенными, которые помогали другим людям [26, с.22].

Основные принципы народной религии передавались через уста самих людей, именно на основании рассказов о чудесах, бытовавших среди простого народа, можно было узнать кому, как и где молиться. Поэтому чтобы окунуться в мир Китайского народного пантеона и местных обычаев, необходимо лишь послушать разговоры людей данной эпохи, но за неимением такой возможности, самым верным способом узнать о том, во что верили и чем жили люди эпохи Сун, для нас остаётся лишь читать, что записывали грамотные люди того времени о

неграмотных народных вещах. Как раз такую роль берет на себя известный литератор эпохи Сун Хун Май, это первый серьезный шаг к исследованию местных культов напрямую с использованием светских источников, опираясь прежде всего не на доктринальные канонические тексты, а на голос самого народа.

2.2. Представления о голодных душах эгуй и неприкаянных душах гухунь

Эгуй (饿鬼 или 惡鬼)- голодные или злые духи, одна из разновидностей неприкаянных душ. Это души умерших, которые по какой-либо причине не могут оставить мир живых или уйти в мир мертвых, озлобленные и бесприютные, они блуждают в мире живых и причиняют людям вред. *Эгуй* являлся особо опасным демоном, оказавшимся в отчаянном положении и не способным контролировать степень вреда, оказанного людям. *Эгуй* часто изображают с тонкими глотками и раздутыми ртами, из которых извергается огонь. Возникновение представлений о таких демонах связано с двумя традициями – буддийской традицией и традицией простонародных верований [16, с.382-383].

По буддийским представлениям *эгуй* (санскр. *прета*)- эта группа мифических существ, отличающихся неутолимимым голодом и жаждой. Таких демонов относят к одной из неблагоприятных кармических состояний Шести миров (кит. *Лю хуэй дао*, 六道輪迴) – *дургати* (кит. *эцюй* 惡趣). Согласно традиционной буддийской концепции бытия, *сансара* (кит. *шэнсы-лунь*, 生死輪) состоит из целого ряда миров, в которых можно родиться согласно одному из шести (или пяти) кругов перевоплощений (кит. *луньхуэй*, 輪迴), само рождение обусловлено кармой прошлых жизней. Переродиться в виде демонов-*прета* суждено людям, которые при жизни были алчными и жадными. В буддизме Махаяны есть представление, что *прета* – это временное состояние в кругу перерождений и его можно облегчить. С этой целью проводятся многочисленные ритуалы [16, с.382].

В народных верованиях сложилось более сентиментальное представление об *эгуи*. Это бесприютные, неприкаянные души *гухунь* (孤魂) – души умерших, забытые своими потомками или по какой-либо причине их не имеющие, погибших насильственной смертью, преждевременно или вдали от дома. Такие души затаили обиду на мир живых людей и жаждут мести. Они очень злы и не контролируют степень вреда, который способны причинить людям. Они стремятся завладеть теми благами земной жизни, которых сами были лишены и могут насильно отнимать их у людей. Особой опасности подвергаются путники, покинувшие свои родные края, где их защищали местные божества и предки. Среди блуждающих демонов выделяют : демонов, которым никто не совершает жертвоприношений (кит. *у сы чжи гуй*, 無祀之鬼), которые в свою очередь делятся на души преждевременно умерших (кит. *сюн сы*, 兇死) и невинноубиенных (кит. *вансы*, 枉死); демонов [из тех, кто] погиб несовершеннолетним» (кит. *шан гуй* 殤鬼); демонов [из тех, кто] умер от эпидемий (кит. *и гуй* 疫鬼) [16, с.383-384].

В целом, в китайском народном представлении сложилась вера, что любой предок, который не получает жертвоприношений от прямых потомков мужского пола обречен на то, чтобы стать голодным духом. Соответственно, каждый китаец стремился оставить наследника мужского пола, чтобы обеспечить себе относительно спокойную загробную жизнь. Так же отсюда рождается страх суеверных китайцев уходить далеко от дома, а также переезжать в другие места. В первом случае есть риск либо стать жертвой голодного духа, либо умереть без должного захоронения и стать неприкаянной душой, во втором случае страх преследования голодных духов-предков, озлобленных из-за отсутствия регулярных жертвоприношений у захоронения [16, с.384]. Однако в зависимости от мирского пути бывали и исключения, когда человек, не оставивший за собой потомства, мог даже приобрести статус божества. Такие люди отличались определенными заслугами при жизни. Примером может служить покровительница моряков и заступница путешественников Мацзу (媽祖) [16,

с.389].

Жизнь под угрозой постоянного взаимодействия с голодными демонами не открывала китайцам светлых перспектив, поэтому была разработана целая система защиты и ритуалов, которая направлена как на избавление от нечистых духов, так и на их умиротворение и облегчение их тяжелой участи. В древнем Китае при дворе и на местном уровне проводился ритуал Великого изгнания [злых духов] (кит. *да но*, 大儺) и жертвоприношений демонам (кит. *цзи ли*, 祭厲), для этого возводили специальные алтари, на которых производился ритуал. Такие ритуалы должны были выполнять специально обученные люди, обычно они занимали отведенный им чиновничий пост в системе ритуалов. Подношения совершались на три так называемых Праздника мертвых: Цинмин, Чжунъюань, и Праздник отправки зимней одежды умершим. В время праздников мертвых чествовались главным образом души предков, но со временем они стали дополняться обязательными подношениями неуспокоенным душам *гухунь*. Помимо официальных церемоний, обычное население могло самостоятельно проводить обряды изгнания нечистой силы, а с привнесением идей буддизма, китайские жители начали самостоятельно производить местные ритуалы и подношения злокозненным духам. Так, начиная с эпохи Тан в седьмой лунный месяц китайцы проводили жертвоприношения духам и литургии, на которых молились о спасении и облегчении мук душ ада [16, с.386-387]. Такая система ритуалов называлась *Лу-ду* (普度), и была она сложена в китайской ритуальной традиции по большей части в соответствии с буддийскими представлениями. Название происходит от буддийского понятия «всеобщее спасение живых существ» (кит. пу-ду чжун шэн, 普渡眾生) [16,с.247].

Обряды, посвященные душам умерших, традиционно было принято проводить в седьмой лунный месяц, когда по народному поверью врата подземного мира открываются, и души умерших получают выйти в мир людей [16, с.279].

Так же ритуал *Лу-ду* производился на месте возведения новых построек, на

месте произошедших катастроф, после природных катаклизмов или войн, чтобы защитить место или население от злых влияний нечестивых духов. Обряды могут отличаться в зависимости от разных условий. Так, буддийский ритуал включает в себя обряд кормления *эгуи*. Священнослужитель поит их благословенной «сладкой росой», чтобы облегчить их муки. Даосский же ритуал направлен на умилоствление неприкаянных душ *гухунь*, которым предки не совершают поклонения [16, с. 248]. Таким образом мы видим, что изначально *эгуи* и *гухунь* являются двумя разными понятиями, которые относятся к двум разным системам представлений. Однако, в народных верованиях два этих понятия сливались в один образ и это объяснимо в силу специфики китайской религии – синкретизма трех учений. Буддийские и даосские обряды могли иметь одну направленность, но быть различными во внешних атрибутах и символических дополнениях. Например, схожий ритуал всеобщего спасения, совершаемый даосскими священниками и буддийская служба «освобождение огненноротых [демонов]» (кит. *фан янь коу*, 放焰口) [16, с.249].

Известно, что с первых веков нашей эры существовала система заупокойных молебнов *чжэй* (齋), которая проводилась даосскими священнослужителями. Такой ритуал спасения неприкаянных душ, именовавшийся заупокойным молебном Желтого реестра (кит. *хуан лу чжэй*, 黃籙齋), был связан с наступлением периода Второй трети годового цикла (кит. *чжунъюань цзе*, 中元節), времени, когда властвует Чиновник земли (кит. *дигуань*, 地官). Дигуань может видеть все грехи людей и волен их прощать. К нему обращались, чтобы он сжалился над неприкаянными душами и отпустил им их страдания. В основе лежала идея о прощении грехов злокозненных духов и их полное освобождение от страшной участи, служба должна была заставить души осознать свои ошибки и раскаяться. В этом и состоит главное отличие даосского ритуала *Пу-ду* от буддийского. Буддийский ритуал направлен лишь на смягчение их прохождения по отведенному им пути, возможности искупления им уже не дано. Однако, повторимся, что направленность у них была

общая, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования даосских священных текстов для проведения ритуалов подношения неприкаянным душам, составленных в VI веке, из буддийской «Сутры об Улламбане» [16, с.259].

Одним из самых важных обрядов в китайском буддизме является «молебен о спасении духов воды и земли» (кит. *шуйлу фахуэй*, 水陆法会), который являлся частью ритуалов Пу-ду. Чаще всего данное религиозное действие совершали в седьмой луне. Ритуал был крайне распространен во времена династии Сун, о чем свидетельствует неоднократное упоминание о нем Хун Мая и других сунских литераторов в своих произведениях. Чтобы провести молебен необходимо было не только потратить большое количество материальных средств, но и привлечь большое количество людей, требовалось около нескольких сотен священнослужителей. Поэтому такие масштабные ритуалы могли позволить себе на регулярной основе лишь крупные и богатые святилища. Форма «большого молебна» предполагала 49-дневный ритуал и привлечение монахов из разных мест. Маленькие провинциальные и сельские храмы не могли себе такого позволить. Поэтому в них проводился «малый молебен», который предполагал меньше затрат. Сам обряд включает в себя чтение тантрических танских текстов, а также «Молитвы милосердия [о существах] Шести путей» (кит. лю дао цы чань, 六道慈懺), «Молитву Лянского владыки» (кит. *цзи лянхуан чань*, 即梁皇懺) и проведение соответствующего церемониал [16, с.254-258].

Несмотря на то, что в повествовательной прозе сунского Китая часто встречаются случаи, когда неприкаянные души самоубийц являются людям, чтобы отомстить за ущерб, причиненный ими при жизни, это не соотносится с буддийской концепцией устройства китайского загробного мира, и скорее является уже народным домыслом. Так в одном их сборников «Юйли баочао» говорится, что те, кто покончили жизнь самоубийством, каждые семьдесят дней и раз в один или два года должны были быть доставлены в свои прежние дома, но им не позволено получить какую-либо часть жертвы. А если душа переполнена жаждой мести, ей не разрешается пугать живых или обвинять их в своем самоубийстве [35, с.24]. Так же здесь сказано, что быстрое освобождение

и право отомстить своим врагам получают только те, чьи добродетельные поступки превышают грехи независимо от пола умершего [35, с.25]. На самом деле, тех, по чьей вине люди когда-либо совершали самоубийство, в любом случае ждет большое наказание в аду. В данном «Юйли баочао» сказано по такому поводу, что тот, кто может напугать человека до самоубийства, какие бы добрые дела он не совершил, или мог бы совершить впоследствии, прощен не будет, и этот грех перевесит все добродетели. Таким образом, самоубийства часто совершались намеренно как акт мести, если у человека не было возможности отомстить при жизни. Часто к угрозе самоубийства прибегали как к последнему средству, чтобы уладить ссору или получить в долг. В таких случаях люди неизменно добивались успеха. Даже нищий мог с помощью такой угрозы добиться своего и насадить богатому человеку [35, с.26].

2.3. Влияние представлений о неприкаянных душах на содержание китайской новеллы эпохи Сун

Система ценностей древних китайцев была организована вокруг представлений о загробном мире, о мире духов, богов, призраков и демонов. В их глазах потусторонние обитатели обладали способностями, намного превосходящими те, которыми обладали простые люди. Когда человек сталкивается с большими и не подвластными его контролю явлениями природы, он чувствует свое ничтожество и безысходность, единственное, что он может сделать в таких ситуациях это покориться им. Китайцы тонко чувствовали эту грань, разделяющую область ими покоряемую и всепроникающую и не всегда предсказуемую область, которая контролирует их самих. Такое мышление порождало свои обязательства со стороны людей и выстраивало этикет взаимоотношения человека с потусторонними силами. Важным аспектом этого этикета являлась организация деятельности относительно своих обязанностей перед предками, чтобы умиловить их и избежать их гнева.

Но в рассказах *чжигуай* внезапно появляются призраки – духи предков других людей, с которыми герои вынуждены контактировать в жизни. И таких

историй становится гораздо больше, чем историй, связанных с духами умерших внутри одного рода. Ма Шутянь в своем труде «Чжунго Су Шэнь» (中國佛神) разделяет всех призраков, существующих в китайском представлении, по внешним характеристикам, причине смерти, месту обитания, чертам характера и поведенческим особенностям, среди них он особенно выделяет неприкаянных духов. Такие одинокие призраки полны обид, что зачастую приводит к хаосу в мире. Ма Шутянь пишет, что среди неприкаянных душ особо опасными являются демоны *лигуй* (厉鬼), заложенные покойники (кит. *Цзяншигуй*, 僵尸鬼) и духи повесившихся (кит. *Дяосыгуй*, 吊死鬼). Эти три типа очень страшны и имеют наибольшее влияние на людей. Духи повесившихся могут искушать людей повеситься, большинство из них – женщины, а их жертвами в основном становятся новоиспеченные жены или богатые семьи. Это также отражает несчастную судьбу женщин в китайском обществе. Многие женщины не выдерживали издевательств со стороны мужей, свекрови или невесток и кончали свою жизнь самоубийством. Искушать своих жертв самоубийством могли и демоны *лигуй*. Самым ужасным среди этих трех типов, по версии Ма Шутяня, является заложенный покойник. Он пишет, что заложенный – это труп, который не гниет, он чувствует янскую человеческую энергию и делает все, чтобы ею подпитаться, он чрезвычайно злобен и жесток [28, с.21]. На страницах китайской новеллы зачастую встречаются все эти три типа призраков.

Уже в период танского Китая устанавливаются новые виды моральных и ритуальных отношений между миром живых и миром мертвых. Меняется и граница, которая отделяет родных от чужих. Теперь люди разных кланов становятся едиными перед большой угрозой потустороннего мира – неприкаянных душ, которые под разными предлогами вмешиваются в жизнь живых людей.

Параллельно с развитием таких идей в прозе идет процесс изменения буддийской и даосской литургических традиций. Новые литургии по умершим, введенные буддийскими и даосскими общинами в IV-VI веках, отошли от классической традиции и предписывали универсальные жертвоприношения

мертвым, совершался ритуал подношений для умиротворения всех душумерших, включая и душ усопших не из родственного клана.

Это значительное изменение в отношениях с мертвыми повлекло за собой появление новых обязательств перед живыми людьми. Такое расширение диапазона отношений между земным миром и миром загробным потребовало прежде всего глубокую перестройку человеческого сознания. Рассказы *чжигуай сяошо* о призраках и загробной жизни сыграли важную роль в этом процессе адаптации к новым порядкам. Здесь следует отметить, что во время появления и становления таких жанров как *сяошо*, новелла такого рода не считалась видом канонической литературы и осуждалась за простоту изложения и тематику произведений. Такие новеллы бытовали обычно в устной форме и быстро передавались из уст в уста. И посредством таких новелл можно было легко воздействовать на коллективное сознание [35, с.20-25].

Граница между живыми и мертвыми стала сложнее, чем это было раньше, это происходило из-за того, что рушилась та стена, которая отделяла мертвых из одной линии родства от живых другой линии. Тексты сунской китайской новеллы не только отражали эти процессы в том виде, в котором они происходили в современном им китайском обществе, но и развивали и укрепляли на практике те виды отношений, которые они описывали в своих произведениях. Придавая повествовательную форму и описательное содержание этой новой области взаимоотношений живых и умерших, авторы помогли создать новую форму реальности и повседневной жизни людей.

Одна из основных проблем при изучении любого феномена с опорой на литературные источники заключается в интерпретации произведений. Культурный код, который формируется коллективно, представляет собой некое содержание, которое авторы облачают в форму слова. Поэтому в литературных произведениях всегда прослеживается традиция восприятия мира в определенный этап развития народа как пишет К. И. Голыгина «...традиция – это мышление категориями культурного кода» [10, с.147]. Считывая в произведениях культурные ходы, условные обозначения, мы можем

воспроизвести парадигму мышления.

Глава 3. Отражение представлений о неприкаянных душах в «Записях Ицзяня»

Человеческая душа никогда не обретает физическую форму бесцельно. На земле ее стремления приобретают материальные формы, но пути, которыми она идет к своей цели, бывают разными. Она появляется, словно искра из большого факела и является частью целого, представляя собой одухотворенность и витальное начало. Физическое бытие тесно взаимосвязано с ее духовной наполненностью, душа способна меняться под воздействием трансформаций, происходящих с ее телом. Обычно такие метаморфозы происходят неосознанно, ведь, например, мы не можем управлять болью, не можем и повлиять на ту реакцию, которую она у нас вызывает. Вопрос в том, сможет ли душа осознать всю иллюзорность материального, подчинить себе тело и управлять процессами, которые на нее воздействуют при жизни.

Физическое бытие заставляет душу играть по своим правилам. И та душа, которая не смогла осознать их обманчивость, постоянно подвержена эмоциям и чувствам, которые глубоко оседают у нее внутри. В «Дао дэ цзин» сказано: «Кто чист и покоен, сможет выправить мир» [14, с.130]. Чистота и покой не значит неразборчиво нестись по течению жизни, а значит плыть, осознавая свой путь, не отрицая своей сущности, преодолевая преграды, но оставаясь на поверхности. Тот человек, который ныряет глубоко, рискует уже не вынырнуть, а тот, кто совсем не ныряет, рискует захлебнуться от волн. Нужно стремиться найти баланс, не плыть против течения, но понимать, куда оно тебя приведет. Души, которые при жизни не смогли найти этот баланс, рискуют не обрести покой, они теряют свою физическую оболочку, но все так же остаются среди живых, желая завладеть их жизненным путем. Такие души неприкаянны, они не сумели справиться с иллюзорными чувствами, и страсти, которые захватили их при жизни, будут преследовать их и после смерти.

Различные чувственные мотивы, мстительность, привязанность или даже

благодарность, мешают таким душам обрести покой и заставляют их вновь и вновь вмешиваться в жизни людей. Они могут брать на себя роль судей и, продолжая играть по правилам мира яви, совершают воздаяние злом за зло и добром за добро. В китайском народном представлении, в котором отсутствует четкая грань между миром живых и миром нави, укоренился страх такого рода «правосудий» и выработалось деликатное и настороженное отношение к душам умерших, по какой-то причине оставшихся и блуждающих рядом с ними.

Неприкаянные души наделены особенностями, характерными для мира нави, и одной ногой завязнув в мире живых, другой ногой они утверждаются в мире мертвых и наделены способностями, им характерными. Опираясь на сборник рассказов сунского литератора Хун Мая «Записи Ицзяня» (кит. «Ицзянь Чжи», «夷堅志») мы проанализируем какими особенностями наделены неприкаянные души и выясним какие модели взаимоотношений между живыми и мертвыми выстраиваются на страницах произведений данных авторов. Но для начала нам необходимо составить представление об авторе и проанализировать путь его творчества, а также историю создания и особенности произведения «Записи Ицзяня».

Хун Май (洪邁, 1123—1202 гг., второе имя Цзин-лу (景廬), литературные псевдонимы Жун-чжай (容齋) и Е-чу лао-жэнь (野處老人) родился в Сючжоу (秀洲) в 1123 году, в период последних беспокойных лет правления династии Северная Сун (960-1126). Семья его жила в уезде Поян (番阳县) со времени позднего правления династии Тан [25, с.4]. Дед Хун Мая Хун Яньсянь (洪彥暹, 1058—?) сделал успешную карьеру на государственной службе, за заслуги перед сунским тронном был пожалован почетной должностью великого наставника императора (кит. *тайши*, 太師), был удостоен титула Циньго гуна (秦国公). Отец Хун Мая Хун Хао (洪皓, 1088-1155) был очень известным чиновником, получившим степень цзиньши (津市) в 1115 году во время правления императора Хуэй-цзуна (1100-1126). В период Сюаньхэ (1119-1125) Хао служил в Сючжоу, где он завоевал уважение местного населения за своевременное оказание

экстренной помощи при наводнении, за что получил прозвище «Будда Хун». После падения Северной Сун в руки чжурчженей Хао получил рекомендацию от Чжан Цзюня (1097-1164), первого великого советника Южной Сун, и был направлен ко двору чжурчженей в качестве посланника мира, где чжурчжэни насильно удерживали его в плену вплоть до 1142 г., безуспешно пытаясь заставить изменить Южной Сун (1127—1279) и перейти к ним на службу [3, с.8]. По возвращении на родину был пожалован должностью тайши, титулом Вэйгогуна.

В семье Хун Май было девять детей. Первые два старших брата Хун Ко (洪适, 1117—1184) и Хун Цзунь (洪遵, 1120—1174) прославились своей блистательной карьерой на государственной службе, а и также своими литературными талантами. Известно, что Хун Ко занимал пост цзайсяна, верховного советника императора, а Хун Цзунь дослужился до помощника цзайсяна [3, с.9].

Юный Хун Май проявил большие способности в учении: как сказано в его биографии в официальной сунской истории, в день он прочитывал по несколько тысяч слов и сумел постичь все, что содержалось в книгах древних мудрецов [32].

После долгих лет усердной подготовки 1145 году Хун Май успешно сдал государственные экзамены (кит. Босюэ хунци кэ, 博學宏詞科) и получил первое назначение на службу в секретариат провинциального финансового управления Лянчжэлу [3, с.10].

В скором времени из-за противоречий во дворе пострадал отец Хун Мая Хун Хао. Хун Хао был отослан от двора на должность начальника области Жаочжоу (совр. пров. Цзянси) и больше ко двору никогда не вернулся, а Хун Мая назначили областным преподавателем в Фучжоу (совр. пров. Фуцзянь). Большое количество письменных свидетельств, полученных из этой местности, по-видимому, было собрано и зафиксировано в течение этого времени [25, с.13].

Хун покинул Фучжоу в 1150 году, чтобы навестить своего отца, который к тому времени находился в Инчжоу. Удивительные истории из Инчжоу, которые фигурируют в «Записях», несомненно, были собраны во время этого пребывания

[25, с.13].

Позднее чиновничья карьера Хун Мая продолжилась — он служил в Департаменте чинов и Департаменте церемоний, работал в императорском секретариате, а также внештатным помощником начальника канцелярии двора, был сверщиком текстов в императорской библиотеке и составителем хроники царствования в Исторической палате [3, с.11]. Сообщения, содержащиеся в материалах, полученных из столицы и окрестностей, указывают на то, что в этот период Хун уже работал над своим первым литературным проектом [25, с.13].

Вероятнее всего Хун Май завершил первую часть «Записей Ицзяня» из двадцати глав уже в 1160 году во время своего пребывания в столице [25, с.14].

В 1161 году Хун Май получил должность *цзебаньши* (церемониймейстер по приему послов) и направлен ко двору цзиньского Ши-цзуна (1161— 1189), однако Хун Май был принят весьма холодно, он отказался следовать требованиям соблюдения этикетных норм, предписанные вассалам, прибывшим ко дворцу сюзерена, за что был содержался три дня под арестом без еды и воды. В итоге Хун Маю была дарована аудиенция, в результате которой ничего не было достигнуто, поскольку возник спор о формулировках документации. По возвращении домой миссия Хун Мая была покрыта клеймом позора и считалась бесповоротным провалом. Успех миссии отца Хун Мая во владениях чжурчжэней и такая неудача сына контрастом очернило всю дальнейшую карьеру литератора и породило много сплетней в высших кругах. Таким образом, в 1162 году Хун Май был отправлен в отставку и вернулся на службу только в 1163 году. Последующие годы, вплоть до 1176 года Хун Май работал на провинциальных должностях, был начальником области Цзичжоу, Ганьчжоу и Учжоу. Во время своей провинциальной службы Хун Май проявил себя как внимательный чиновник, заботящийся о внутреннем хозяйстве своего региона: занимался организацией работ по ремонту дамб, строительством школ, проводил активную политику увеличения уровня местного образования. 1162 год более вероятно является годом начала написания Хун Маем второй части «Записей». [25, с.15].

В 1166 году Хун вернулся в столицу, где был назначен цицзюй шэжэнем, в его обязанности входило вести записи о ежедневной жизни императора Сяоцзуна для последующего составления хроники царствования. В следующем году он занял должность государственного историографа в Исторической палате и работал над «Историей трех дворов» (кит. «Саньчао Гоши», «三朝國史»), а также над подлинными записями императора Циньцзуна. Именно в этот период он представил императору антологию танских стихотворений, следовательно рассказы об удивительном не были единственным объектом коллекционирования Хун Мая. Деятельность литератора вызвала одобрение Сяоцзуна и вскоре Хун Маю были дарованы посты *сюэши* в академии Ханьлиньюань и чжичжигао (придворный чиновник, ведавший составлением черновиков императорских бумаг). Однако близкие отношения с императором, подпитанные, возможно, любовью к поэзии, вызвали зависть в высших кругах, и он был вынужден покинуть столицу по обвинению в лести сановником Чэнь Цзюньцином [3, с.25].

В 1171 году была опубликована третья часть «Записей» в Ганьчжоу, где Хун Май занимал должность губернатора. Четвертая часть Летописи была завершена в 1180 году и была опубликована вместе с первыми тремя. Пятая и шестая части Летописи были завершены в 1190 году [25, с.30].

С 1187 по 1196 года Хун Май занимал должности губернатора в Чжэньцзяне, в Шаосине. Уже в то время он подавал доклады в столицу с просьбой об отставке по старости, но в ответ получал новые более почетные назначения. К тому времени, когда Хонг покинул Шаосин, он закончил десять частей по двадцать глав и начал работу над второй серией. Годы последующие за официальной отставкой Хун Мая в 1196 году Хун Май посвятил написанию «Записей» и «Жунчжай суйби» («容齋隨筆») [3, с.14-15].

Хун Май умер в 1202 году, Императорский двор даровал Хун Маю посмертное имя Вэньминь («Просвещенный и мудрый») и почетную должность гуанлу дафу («Великий муж блистательного преуспевания») [3, с.14-15].

Хун Май принимает на себя роль того, кто слушает и записывает, его

сборник – это запись слухов очевидцев событий. И в своих предисловиях к изданиям он утверждает, что с большим вниманием и ответственностью записывает все, что было ему сказано. Но важно учитывать и тот факт, что рассказы от информантов Хун Май получал на местном наречии и только затем переводил их на лаконичный классический китайский, что в значительной степени отдаляет нас от первоисточника и придает авторский оттенок произведению.

Собирая свои рассказы об удивительных и странных происшествиях, Хун Май использует тот же формат, который использовался при написании официальной истории. Практически в каждом рассказе указывается дата, место происшествия и имена вовлеченных людей, в некоторых случаях описываются истории, где информанты просили сохранить анонимность. Конечно, идентификация информантов сама по себе не исключает возможности того, что Хун Май рассказы являются лишь плодом воображения самого автора[43]. Литераторы часто прибегали к данному приему, обращаясь к официальной литературной традиции данного периода, чтобы придать правдоподобие и историчность рассказу.

Географический диапазон «Записей Ицзяня» достаточно широк, в сборнике рассказов речь идет об историях, произошедших в самых разных районах династии Южная Сун, часто встречаются рассказы из родной области Хун Мая, Цзянси, иногда даже из северного Китая. Это дает важный ключ к пониманию природы книги, рассказы собирались с разных областей страны, что в целом помогает нам взглянуть на общую картину нравов и обычаев того времени [38].

Особенное внимание следует уделить предисловиям к сериям «Записей». В своих комментариях Хун Май пишет о тех принципах, которыми он руководствовался при написании своих рассказов, описывает источники своего вдохновения, а также географию своей коллекции и сведения об информантах. Сам Хун Май по скорости написания сравнивал себя с Су Ши, литератор полагал, что именно скорость письма является признаком высокого интеллекта и мастерства писателя. Неоднократно повторяется идея о том, что писательство –

это стиль жизни, это призма восприятия окружающего мира. Сам Хун Май не мог представить свою жизнь без писательства и несмотря на неоднократные попытки прекратить это занятие, оно не могло покинуть его жизнь, ведь это стало смыслом его жизни, своеобразной привычкой [3, 26].

Предисловия Хун Мая ценны не только тем, что содержат информацию о составлении сборника, но и целым рядом других важных тем, таких как литературная и текстологическая критика, детали публикации, исторические события на фоне которых был написан сборник, аспекты личной жизни автора, вопросы, связанные с жанровыми характеристиками произведений. Таким образом, являя собой беспрецедентным на то время достижение в области литературной критики они вносят в большой вклад в составление истории китайской литературы в целом.

Для примера рассмотрим более подробно предисловие ко второй книге «Записей Ицзяня». Автор пишет: «Из-за моего интереса к «удивительному», люди отовсюду посылают мне свои истории...В общей сложности первая и вторая книги состоят из 600 рассказов, представляющие собой странные и удивительные истории, собранные по всей Поднебесной» [29, с.396]. Таким образом автор упоминает о методе сбора материала, что свидетельствует о совместном характере написания данного произведения. Стремление интеллектуальной элиты помочь Хун Маю в сборе материалов и написании сборника демонстрирует собой не только интерес самого Хун Мая по отношению к удивительному, но и энтузиазм всего литературного сообщества в целом.

Затем в своем предисловии Хун Май упоминает авторов, которые творили в жанре *чжигуай* до него и их произведения: «Записи Ци Се» У Цзюня, работы Чжуанцзы и Чжуан Чжоу (но о них автор пишет «несущественны и призрачны» (虛无幻茫. 不可致诘), Гань Бао «Записки о поисках духов», Нью Сэнжу «Сюань Гуай Лу» («玄怪錄»), рассказы танского писателя Гу Шеньцзы и его сборник «Бо И Чжи» («博异志»), истории из сборника «Хэдун Чжи Цзи» («河东之记»), «Записи из кабинета Сюань», проза танского автора Чжан Ду, «Записи об изучении духов» Сюй Сюаня [29, с.396]. Автор комментирует: «все эти работы не лишены

аллегории (寓言)». Таким образом, он противопоставляет свою работу этим «аллегоричным» произведениям, и далее пишет: «Однако моя книга, которая писалась и дополнялась в течение шестидесяти лет, основана на том, что видели мои собственные глаза и слышали мои уши - и все истории в ней основаны на фактических источниках. Если кто-то мне не верит, они могут пойти к любому из очевидцев «Записей» и спросить его» [29, с.396]..

Однако остается неясно, что Хун Май имел в виду под «юань» (寓言). Древнекитайская концепция вселенной не допускала онтологического дуализма, рассматривая мир как единое целое. В нее не проводились различия между феноменальным миром и метафизическим «иным», вся реальность рассматривалась в одной плоскости.

Существует принципиальная разница между китайским понятием «юань» и западной - «аллегория». Аллегория в западном представлении применялась как прием художественного текста, в то время как в нехудожественных текстах соответственно прием аллегии применяться не мог. Тем не менее китайская «юань» позволяла сохранить историческую целостность текста, даже при том, что выполняла своего рода роль аллегии.

Хун Май проводит различие между текстами, в которых использовался прием «юань» и его собственными рассказами, которые, как он сам утверждал, все основаны на фактических источниках.

Дидактизм «Записей» основан на традиционных китайских концепциях возмездия, и сам дидактический посыл таких историй основывался на неаллегорической интерпретации событий. Когда используется аллегория – дидактизм лишается своей убедительной силы. Другими словами, именно тот факт, что приведенные рассказы могли иметь место на самом деле, сделала «Записи» таким мощным средством пропаганды ортодоксальной морали. Только когда события правдивы из них можно извлечь моральные уроки, следовательно применение аллегорических интерпретаций неуместно.

Хун Май достаточно скрупулёзно относился к сбору материала, для него важна была искренность в отношении получения достоверных данных,

стремление к исторической точности.

Вера в божественное возмездие за проступки, совершенные при жизни, была широко распространена во времена Сун и особенно хорошо задокументирована в «Записях». Просматривая многочисленные сообщения о возмездии, часто бывает трудно, если не невозможно, провести различие между случаями возмездия в его буддийских или даосских формах и теми, которые связаны с народными верованиями [44].

Сюжеты, связанные с неприкаянными душами, неоднократно встречаются в «Записях Ицзяня». Степень художественности рассказов, представленных в сборнике, разная, здесь представлены как необычные происшествия, которые можно свести к *чжигуай сяошо*, так и развернутые повествовательные сюжеты, которые можно причислить к новеллам *чуаньци*. [3, с. 8-11]

Итак, в «Записях Ицзяня» существуют разные модели взаимоотношения призраков с людьми, категории призраков, которые встречаются в новеллах, могут быть представлены следующим образом:

- **Неприкаянные души, которые просят о перезахоронении, подношениях, избавлении от мук**

Одна из услуг, которую призраки часто просят у живых – это перезахоронение их тела надлежащим образом с соответствующими обрядами. Что касается неприкаянных душ, они также могут просить подношений еды и питья. Однако здесь существует двойной этикет: с одной стороны живые обязаны предлагать пищу умершим, не являющимися их родственниками, с другой стороны мертвые не могут есть пищу, которую им предоставляют люди не из клана. В китайской новелле мы же встречаем эпизоды, в которых неприкаянные души могут вкушать еду и питье от чужих людей, в некоторых таких рассказах делаются отдельные замечания насчет этого. Злокозненные духи могут принимать от людей подношения, если люди добровольно преподносят их им с соответствующими ритуалами.

Иногда люди могут на время появляться в загробном мире, чтобы исполнить просьбу мертвых об их избавлении от жестоких мук. Так происходит

в рассказе Хун Мая «Заместитель начальника Цай», в котором у главного героя, некоего Цая, появляются нарывы на спине. С надеждой на избавление от болезни он зовет даоса Вана, чтобы тот прочитал над ним молитвенный текст. Молитвенный текст являлся своего рода бумагой с прошением в загробные инстанции, которую сжигали с соблюдением определенного ритуала, чтобы та дошла по назначению. По назначению бумага действительно дошла. Но просьба не была выполнена. Жизненный путь Цая подошел к концу и тот умер. Вскоре скоропостижно скончался и даос Ван, однако через три дня неожиданно для всех ожил и потребовал позвать жену Цая, которой поведал, что у ее мужа есть к ней просьба. Цай получал большое наказание в загробном мире «за происшествие в Юньчжоу». Действительно, как вспомнила вдова, когда Цай служил главнокомандующим в Юньчжоу, он казнил пятьсот разбойников, сдавшихся добровольно в плен. Жена Цая позвала даоса, чтобы тот написал новое молитвенное прошение с конкретной просьбой – о снисхождении с признанием провинности. Духи умерших людей, пребывая в аду, уже не могут просить помилования, и в загробном судилище они обречены на бесконечные страдания за свои грехи. Данный рассказ поведал нам, что сильная просьба души умершего может дойти до живого родственника через человека, душа которого сумеет на время спуститься в ад. Здесь уместнее сказать «сумеет», потому что душа не каждого человека может преодолеть пространство мертвых и побывать среди них. Так как даосы выполняли духовные практики и были наделены способностями совершать ритуалы, вполне логично, что их душа может быть достаточно окрепшей, чтобы пережить подобные испытания [3, с.129-131].

Души мертвых людей требуют за собой большого ухода и обязательного соблюдения ритуала поклонения и преподнесения даров со стороны живых. Когда этого не происходит, мертвые могут обозлиться и отомстить живым. Так происходит в рассказе Хун Мая «И-нян из Тайюаня». И-нян вместе с супругом Ханем бежали в чужие края и попали в плен к мятежникам. Предводитель мятежников возжелал И-нян, девушка решила покончить жизнь самоубийством и на глазах супруга перерезала себе горло. Однажды некий Ян, друг Ханя,

встретил И-нян, и она сказала ему, что не умерла и живет с женой предводителя мятежников, которая вылечила и пожалела ее. Ян с Ханем отправились на место, где, по рассказу И-нян она должна была проживать. По прибытию оказалось, что И-нян давно уже мертва, как и жена предводителя. Хань пожелал отвезти останки жены на родину. Жена явилась к нему и сказала, что не хочет обременять его, потому что как только он женится второй раз, о ней забудут и не будут заботиться должным образом. В ответ Хань пообещал ей не жениться больше никогда. Останки были перевезены на юг, но своего обещания Хань не сдержал и вновь женился, а уход за могилой жены забросил. Разгневанная жена явилась ему и обвинила в том, что Хань нарушил клятву. Вскоре после этого Хань заболел и умер. Древние китайцы всегда опасались долгих путешествий и переездов, главный их страх - быть похороненным в чужом месте без соблюдения должного ритуала, обреченными на вечное скитание и одиночество. В данном рассказе главный герой наоборот сделал душу умершей одинокой, перевезя ее с собой в родные места, так как позабыл о необходимости постоянно совершать подношения. Уход за мертвыми – всегда очень большая ответственность со стороны живых, порой ее неисполнение может привести к очень горестным событиям, которые уже нельзя будет исправить. Так и получилось с Ханем. Его жена погибла неестественной смертью, окруженная несправедливостью, она может являться другим людям, это наводит нас на мысль, что перед нами неприкаянная душа. Для того, чтобы умиловить такого духа, нужно много усилий и тот, кто с этим не справится, рискует испытать на себе его месть [3, с.199-204].

Неприкаянные души могут обитать в местах, где когда-то были убиты и соседствовать с живыми людьми, постоянно вмешиваясь в их жизнь. Для того, чтобы защититься от злых духов, люди предпринимали разные меры, включая подношения духам предков, поклонения божествам, размещение изображений богам-хранителям и святилищ в их честь. Однако если у призрака есть твердое намерение или просьба, он может миновать все «препятствия», что и происходит в рассказе Хун Мая «Зал регистратора в Сючжоу», в котором призрак погибшего

от голода крестьянина Чжицзю живет рядом с домом семьи Хун Мая и обходя разными хитростями ту защиту, которую они выстроили, пробрался в дом и вселился в служанку. От отца Хуна мы узнаем, что в семье поклонялись богу Истинной воинственности¹, в доме повсюду стояли статуи Будды, изображения Бога Земли и Бога Очага². Призраку же удалось уловками и обманом зайти в дом, чтобы проучить служанку, которая «оскорбляла призраков и духов». Затем призрак рассказывает свою историю и просит преподнести ему еды и вина, чтобы накормить свою семью. Но такая «вылазка» не прошла незамеченной и в итоге призрак был изгнан со двора Богом Земли и отослан в другой район. Неприкаянные души, пострадавшие от бедствий, не всегда несут в себе зло и желание навредить людям, иногда они могут являться для того, чтобы попросить подношений и сосуществовать с людьми без причинения им вреда. Так же этот рассказ позволяет нам понять, что Бог Земли играл важную роль и мог изгонять призраков и контролировать их несмотря на то, что многие неприянные души из-за скопления плохой энергии в них не поддаются ничьим приказам [Приложение 1, 9].

Души умерших людей могут долго тревожить души живых покуда не обретут покоя. Во время войн и природных катаклизмов тела умерших не могут быть должным образом похоронены и по сути дела обречены на вечные муки и неопределенность, однако если люди окажут им помощь и перезахоронят их останки, проведя при этом должные ритуалы, то злокозненные духи могут попасть в преисподнюю и обрести шанс перерождения. Хун Май описывает такую ситуацию в рассказе «Сад Цанлатин». В саду во время нашествия армии Цзинь часто искали убежища мирные жители города Сучжоу, и многие из них в попытках сбежать утонули в пруду. С тех пор в резиденции стали происходить странные явления, каждое полнолуние мертвецы выходили из воды и приводили в ужас местное население. Как и обычные живые люди они разговаривали между

---

¹ Бог Истинной воинственности (кит. Чжэньу, 真武) божество в даосизме, в древнекитайской мифологии так же встречается как Владыка Севера, один из пяти небесных государей (кит. У ди, 五帝).

² Бог очага (кит. Цзаошэнь, 灶神) в китайской религии, отчитывается в загробном мире о поведении семьи, в его власти даровать бедность или богатство отдельным семьям, также является защитником дома от злых духов.

собой, пели, но затем, вспоминая о своей сущности, начинали громко вопить и рыдать. Ночные сторожи в саду рассказали об этом хозяину имения и тот распорядился осушить пруд, выкопать все останки мертвецов и перезахоронить их. В храме был проведен «молебен о спасении духов на земле и воде» и с тех пор подобные явления прекратились. Души людей, умерших во время военных конфликтов и природных катастроф, уже не могут сами позаботиться о себе и зачастую не могут обратиться к своим предкам за помощью, так как погибают всей семьей. Тогда люди могут помочь им обрести второе рождение, таким образом избавляя живых и мертвых от страданий [Приложение 1, 15].

Если человек умирает вдали от дома, родные зачастую не могут позаботиться о похоронах и проведении необходимых ритуалов. Стоит выделить особую группу рассказов, в которых речь идет о призраках, обитающих в монастырях. Буддийские монастыри стали играть все более значительную роль в погребальной деятельности именно во время правления династии Сун и связано это было с тем, что люди стали использовать их в качестве мест для хранения гробов с телами умерших до тех пор, пока не будет организовано погребение. Такие гробы оставались в храмах лишь на короткое время, потому что никто не хотел оставлять тела своих умерших родственников непогребенными и без присмотра, однако на практике случалось и иначе. Многие люди, будучи не в силах или не имея на то желания или средств могли оставить тело умершего родственника в монастыре на неопределенный срок и таким образом такие гробы складывались в специальных помещениях и хранились там долгое время. Иногда гробы также могли храниться годами, десятилетиями или даже поколениями просто потому, что живые не могли выбрать благоприятную дату и место для захоронения. Более того, из-за частых переездов по краткосрочным поручениям многие чиновники Сун не могли отвезти умерших членов семьи обратно в их родной город для похорон и оставляли гробы с покойными в храмах. Буддийские монастыри в таком случае неизбежно становились приютом блуждающих неприкаянных душ. Паломники и путешественники, останавливающиеся в буддийских монастырях, постоянно сталкивались с таким «искушением», даже

монахи и послушники попадались в их ловушку. Привлеченные предложениями бесплатного проживания, питания и спокойной обстановки, многие студенты останавливались в буддийских храмах во время подготовки к экзаменам на государственную службу или по пути в экзаменационные залы.⁷⁰ Многие должностные лица также считали буддийские храмы предпочтительной альтернативой для ночлега, когда переходили с одного поста на другой. С учетом роста городов и высокой мобильности жителей, такая популярность монастырей набирала свои обороты. Здесь присутствовала и особая «романтика таких мест», возможность встречи с призраками часто привлекала юных конфуцианцев и энтузиастов-литераторов, и побуждала их все чаще останавливаться в монастырях «в поисках приключений» [37, с. 111].

В таком монастыре происходит действие рассказа «Кормилица рода Чжу», в котором главная героиня «умерла на чужбине», и ее тело покоилось в буддийском храме в комнате с гробами. Она является во сне своему родственнику Ли с просьбой о захоронении и детально описывает ему, где хранятся ее останки. После этого Ли нашел ее тело, вернул на родину и похоронил. Здесь так же стоит отметить, что одним из способов коммуникации между живыми и мертвыми был сон. Душа может являться во сне с просьбами, угрозами, благодарностью, увещеваниями, будучи обеспокоена делами потомков, она так же может передавать предметы, несущие за собой определенный символический смысл, предостерегать от внешних опасностей. И это логично, ведь в потустороннем мире душа живет вполне материальной жизнью, но эта материальность иного порядка. Эфирная в этом мире душа телесна в мире ином. Но именно она способна пресечь границу миров и оказаться в том мире, и сон в данной ситуации выступает той платформой, где может свободно происходить коммуникация живых и мертвых [Приложение 1, 21].

Неприкаянные души могут являться людям с просьбой о помощи в случае, если у них затаилась обида при жизни, и они хотят предать их истории огласке, для этого они могут использовать самые разные методы. Так, например, призрак У Вана из рассказа Хун Мая «У Ван требует справедливости» для того, чтобы

поведать о своей обиде, вселяется в тело племянницы Чэнь Цзуаня. У Ван по ошибке обвинили в смерти его друга, и за это он был казнен. Призрак хочет возмездия и говорит Чэнь Цзуаню: «...один я не смогу добиться справедливости». Так как Чэнь был близок к людям, которые несправедливо поступили с У Ваном, то его просьба кажется вполне логичной. Так же он просит провести для него «молебен о спасении духов на земле и воде». Чэнь согласился выполнить его просьбу. Племянница, в которую вселился призрак, вскоре умерла. Как мы видим, призраки могут лично являться с прямой просьбой к незнакомым им людям, если человек благороден и в состоянии ему помочь [Приложение 1, 24].

Люди зачастую из-за своего любопытства или по случайности могут потревожить неприкаянную душу, тем самым навлекая на себя беду. Души приходят тогда к людям для того, чтобы высказать свое недовольство и жалобу. Действие рассказа «Дочь пекаря Сяохун» происходит, когда тесть Хун Мая Чжан Юаньдао покупает себе землю в Уси и строит там дом. Старый солдат Лю Вэнь совершенно случайно нашел в земле около стройки золотые украшения и продал их, после этого он сильно заболел и ели как оправился. Однажды семья Чжан Юаньдао временно жила в буддийском монастыре и накануне праздника фонарей проводила ритуал для вызова богини Цзыгу. Богиня Цзыгу – это богиня отхожих мест в китайской народной мифологии. Согласно легенде, Цзыгу была красивой и умной наложницей некоего чиновника в V-VI вв. и погибла в полнолуние первого месяца от руки его законной жены (по некоторым версиям она покончила собой). Во время праздника фонарей (15-й день первой луны) существовал обычай призывать богиню-оракула, китайцы изготавливали из различных предметов домашней утвари тело богини, чаще всего ставили метлу и вешали на нее свою одежду, и вызывали ее в уборной, произнося заклинания и зажигая благовония [12, с. 75]. Возвращаясь к рассказу, семья Чжана нарядила метлу и вдруг в нее «как будто-то бы что-то вселилось, она зашевелилась и стала писать пеплом на полу». Она представилась и сказала, что золото, которое нашел Лю Вэнь принадлежало ей. Не выдержав издевательств злой мачехи, девушка повесилась и была похоронена на месте, где семья Чжан Юаньдао строила дом.

Рабочие повредили ей кости и теперь ей некуда было возвращаться. Семья пообещала провести буддийские ритуалы и помочь девушке, но ее призрак исчез и больше никогда не возвращался. В данном рассказе фигурирует очень любопытный народный обычай вызова духа богини Цыгу. Можно было спросить у призраков несколько интересующих вопросов, или же как в данном случае такой ритуал давал возможность неприкаянным душам выговориться и вступить в диалог с людьми [Приложение 1, 23].

- **Злокозненные души, одержимые жаждой мести**

Речь идет о злокозненных духах, которые не могут обрести покой из-за желания отомстить человеку, нанесшего им обиду. Они жаждут возмездия и не обретут приют, пока его не добьются. Такие призраки стремятся, во что бы то ни стало нанести человеку такой же вред, какой когда-то был нанесен им самим. Так же они могут являться людям, чтобы указать на своего обидчика, чтобы возмездие было совершено на земле [41]. Когда человек умирает, обуреваемый сильной злостью, эта злость после смерти может превратиться в жажду отмщения. Душа не может найти приюта, тем более, если она покинула земной мир раньше положенного ей времени. Так происходит в рассказе Хун Мая «Дочь начальника уезда Би», в котором некий Ли Ши-Чжун, славившийся своими победами над нечистой силой, сталкивается с неприкаянной душой девушки, старшей дочери начальника уезда Би от первой жены. Когда младшая дочь Би от второго брака заболела, оказалось, что она одержима злым духом, который может говорить через нее. Би пригласил Ли с надеждой на то, что дух сможет открыться ему. Так и происходит. Дух, вселившийся в девушку, признается, что он является душой первой дочери Би. При жизни она много потерпела от своей младшей сестры и мачехи, в том числе и отказ от помощи в свадьбе со своим возлюбленным. Брак был расторгнут, а девушка не вытерпела душевных переживаний и умерла. В загробном управлении отказались вносить ее имя в списки, ведь ее жизнь оборвалась раньше отведенного ей срока.

Однажды девушке повстречалась Сокровенная дева девятого неба³, которая прониклась сочувствием к ней и решила ей помочь, используя «собственный чудесный способ». Но и это не помогло ей обрести покой, ведь младшая сестра снова помешала ей, и теперь пришло время умереть им обоим, и младшую дочь никак уже не спасти. Вскоре младшая дочь умерла. Остался непонятен только «чудесный способ Сокровенной девы», и как младшая дочь, будучи живой, могла воспрепятствовать делам мертвых. Оказалось, что во время праздника поминовения усопших, по пути на захоронение, семья увидела открытую дверь в доме ученого и решила зайти к нему полюбопытствовать. В доме они нашли вещи старшей сестры, которые были положены к ней в гроб при погребении. При дальнейшем расспросе ученый поведал, что некая девушка является к нему каждый день и дарит или оставляет у него свои вещи, штопает ему одежду и помогает с домашними делами. Ученому очень понравилась девушка, и он был рад ее появлению в своей жизни. Младшая дочь не поверила ему и уличила его в разграблении могил. Когда семья решила вскрыть гроб, то увидела в нем большую щель, а старшая дочь сидела в гробу, вышивая платок. Нижняя часть ее тела была как живая, а верхняя совсем иссохшая, как у мертвеца. Таким образом, младшая дочь нарушила ее план. Здесь же сказано, что у даосов было представление о возможности души вернуться к жизни, если та долго будет находиться рядом и жить вместе с живыми людьми, они называли этот способ «вернуть кости, воскресить мертвого». Здесь следует отметить несколько важных вещей. Во-первых, здесь иллюстрируется правило загробного судилища диюй, о том, что если срок жизни, predetermined человеку, не закончился - его имя не могут записать в списки прибывших, и тогда душа вынуждена скитаться по земле. Затем, по даосским представлениям, душа и после смерти может восстановить свое тело и ожить. Для этого ей нужно долгое время находиться рядом с человеком. Обычно душа подпитывается энергией живого человека и накапливает ее в себе, а затем, когда ее становится достаточно для того, чтобы запустить энергетические процессы в теле, она оживает. В данном

---

³ Сокровенная дева девятого неба (玄女娘娘) - дочь Паньгу и Тайюань-юйной (Первой Нефритовой Девы). В средневековом Китае к Богине Девятого неба обычно обращались женщины с просьбой благословения на потомство, она была заступница и покровительница женского пола [28, с.132-136].

рассказе мы можем видеть переплетение дасосских и буддийских представлений о загробном мире [3, с.131-136].

Злокозненные духи, привязанные к месту, где они когда-то проживали, могут являться людям и просить у них помощи. Примером может служить рассказ Хун Мая «Удивительная встреча торговца Чжана». Автор повествует о том, как сельский житель Чжан приехал по торговым делам в уездный город и остановился там в комнате на постоялом дворе. Во сне ему явилась девушка и предложила возлечь с нею, после чего на утро Чжан обнаружил эту девушку рядом с собой. Так происходило изо дня в день. И однажды девушка призналась, она является духом девушки, которая некогда повесилась в этой комнате. После того как ее возлюбленный торговец Ян не сдержал обещания и не женился на, она не вытерпела горя и отвращения от нее ее семьи и повесилась. Теперь она не может покинуть комнату, так как когда-то в ней жила и очень привязалась к ней. Она попросила Чжана помочь ей отомстить Яну, в вознаграждение она отдала Чжану пятьсот серебряных монет, которые были спрятаны в комнате. Чжан согласился, привез ее табличку к себе домой и выполнял ей подношения как своим предкам. Затем он отвез ее в областной центр, где жил Ян со своей супругой. Девушка поблагодарила его и исчезла. Не успел он позвать девушку, как в доме Яна начался хаос и беспокойство. Ян скоропостижно скончался. Неприкаянные души иногда не могут оторваться от места из-за сильной привязанности к нему. Они просят людей, чтобы те им помогли. В данном случае душа не может покинуть мир живых из-за сильного желания отомстить человеку, который привел ее к гибели [3, с.217-220].

Мстительные духи являются к виновнику своей смерти, чтобы тот получил наказание. Из рассказов Хун Мая мы узнаем, что, если человек умер преждевременно и его душа жаждала возмездия, чтобы виновник расплатился за свое преступление, она могла подать жалобу на гору Тайшань Владыке Дунъюэ Дади (東嶽大帝), главному распорядителю и управляющему царства мертвых, главе всех загробных служб и департаментов. Так, в рассказе Хун Мая «Ян Цзину воздается за обиду» сын главнокомандующего провинции Ян Цзин не

справляется с заданием, которое дал ему отец, и вместо того, чтобы подарить три ружья, которые Ян Цзин изготовил в знак преданной службы, он продает их и тратит деньги на алкоголь и развлечения. После того, как спустя долгое время Ян Цзин нашел своего сына, тот сказал ему, что его ограбил лодочник Чэнь Лю, который должен был продать ему лодку для поездки. Ян Цзин вызвал лодочника на допрос и обвинил его в преступлении, Чэнь Лю, будучи очень честным человеком не выдержал такого позора и утопился в реке. Спустя некоторое время Ян Цзин внезапно увидел что-то необычное, потустороннее в своем кабинете, упал в обморок и слег. Семья вызвала монаха и тот увидел призрака Чэнь Лю, который жаловался на то, что несправедливо погиб по причине безосновательного обвинения со стороны Ян Цзина. Призрак подал жалобу на гору Дунъюэ, но дело затянулось, он устал ждать и поэтому решил сам явиться за виновником, чтобы тот предстал перед судом. Яна так и не удалось спасти, несмотря на предложения провести ритуалы и попытки задобрить дух лодочника, и он умер. Как мы можем видеть, Ян не является виновным в том преступлении и лжи, которые совершил его сын, однако беря на себя ответственность за его слова, он как будто бы берет на себя ответственность и за его преступление. Ян безосновательно обвинил Лю и несмотря на то, что главнокомандующий должен был быть человеком вдумчивым и рациональным, он не стал подробно разбираться в деле и полагаясь лишь на свои чувства, опозорил лодочника. Призрак явился, чтобы добиться справедливости и забрать своего обидчика в подземное судилище, чтобы не скитаться неприкаянной душой и в скором времени самому предстать перед судом и обрести второе рождение [Приложение 1, 3].

Совершивший преступление может поплатиться такой же участью и по воле злокозненного духа умереть вслед за пострадавшим. Так случается в рассказе Хун Мая «Доклад об убийстве Сун Гу», в котором чиновник Сун Гу убил больного сельского жителя, обокрав и его и сбросив в реку на мосту Ньюинь. Когда императорский двор издал закон об оказании помощи больным, по положениям которого местные чиновники могли стать ответственными за уход

за больными, Сун Гу побоялся, что его заставят ухаживать за единственным больным в его уезде и решил его убить. Он назначил ему встречу и велел взять с собой все имеющиеся у него драгоценности. После такого жестокого убийства Сун Гу случайно оказался вновь на месте своего преступления и «ни с того ни с сего он поскользнулся, упал в воду и утонул». Тело Сун Гу обнаружили вместе с телом больного, они лежали в обнимку. В данном случае озлобленная душа больного отомстила своему обидчику таким же путем, каким он сам некогда его убил [Приложение 1, 6].

Злокозненный дух может являться человеку после смерти и преследовать его повсюду, как в рассказе Хун Мая «Тигрица Ланьцзе». «Тигрица Ланьцзе» - это прозвище женщины-мошеницы, которая отличалась своим грубым поведением, на нее часто жаловались в суд и поэтому она постоянно подвергалась наказаниям, шрамы от розг на ее спине напоминали полоски на теле у тигра. Однажды из-за незначительного проступка Ланьцзе была приговорена к смертной казни, и Чжао Гун, будучи начальником уезда, пропустил это дело, ведь женщина постоянно докучала окружающим и поэтому не стал подробно разбираться. После казни Ланьцзе постоянно преследовала Чжао, не давая ему покоя, тогда он отправился на гору Тайшань, чтобы помолиться Владыке Дунъюэ. Воскурив благовония, он рассказал всю историю, которая с ним произошла и сказал: «Ежели виновен я, то не буду скрываться от наказания. Если нет, то ей следует уйти и больше никогда не появляться рядом со мной». С тех пор призрак женщины больше его никогда не беспокоил. Если человек действительно не виновен в своем преступлении, как это и произошло в данном рассказе, ведь женщина действительно ни раз нарушала закон и заслуживала смертной казни, то он может отстоять свои права и отогнать от себя неприкаянную душу, как это и сделал Чжао Гун [Приложение 1, 11].

Когда человек, совершивший преступление не получает наказание на земле, в дело могут вмешаться злокозненные души, пострадавшие от его рук. Души убиенных стремятся как можно скорее увидеть, как их обидчик получит воздаяние за его поступки. В рассказе Хун Мая «Мечь наложницы Ма»

женщина из рода Чан из-за ревности и злости забила любимую наложницу своего мужа, вскоре после этого случая ее муж умер и Чан снова вышла замуж. Когда женщина забеременела, то долго не могла разродиться, «среди бела дня к ней вилась наложница Ма и Чан увидела, как та, с палкой в руках бьет ее по животу». С помощью даосской магии Чан удалось родить девочку, но та сразу же умерла. С тех пор к Чан каждый день являлась злокозненная душа наложницы Ма и избивала ее. Ее муж вызвал даоса, чтобы тот переговорил с призраком. Но воля наложницы была твердой, и она заявила: «...убийство кого-либо влечет за собой возмездие». Когда Ма умерла, то Чан забрала все ее драгоценности себе, и чтобы искупить вину, она сожгла сто пачек бумажных денег в качестве подношений и сразу же скончалась. Злокозненные души являются за виновником своей смерти и стремятся совершить возмездие над ним [Приложение 1, 14].

Такой же мотив можно найти в рассказе «Жена сановника Цяня», где по воли госпожи Чэнь, отличавшейся своим жестоким нравом, были забиты до смерти несколько слуг. Внезапно она тяжело заболела и не могла вставать с постели. По ночам Чэнь разговаривала с кем-то и находилась в бреду. Однажды, когда все родные собрались вокруг больной, через ее уста заговорил дух пострадавшей от ее жестокости служанки, и выразил намерение убить госпожу Чэнь. Как бы родные ни пытались умиловить злого духа, служанка ни на что не соглашалась и пояснила: «...уже доложили подземным властям, но госпоже Чэнь пришло время самой ответить за свои грехи, только так справедливость восторжествует». Вскоре Чэнь скончалась. Иногда злокозненным душам недостаточно отомстить таким же способом за свою смерть, им важно, чтобы свершилась справедливость, и они являются за душой преступника, чтобы воочию увидеть, как над ним вершится суд [Приложение 1, 20].

Интересна концепция ученой, занимающейся изучением сунского общества Ляо Сяньхуэй, которая предполагает, что месть призраков, встречающаяся в новеллах эпохи Сун могла быть вызвана так называемой «психологической галлюцинацией» и продиктована чувством страха человека за свою жизнь. Человек, который подвергался таким волнениям,

искренне верил в существование призраков с одной стороны и боялся судебного наказания за свои поступки с другой, эти два переживания переплетались между собой и наслаивались на глубокое чувство ответственности, присущее конфуцианцам. В таком случае человек просто боялся скрывать свои грехи и говорил о них открыто, вызывая себя самого на судебную трибуну. Часто именно неизбежные сверхъестественные санкции и вытекающие из них страдания заставляли сунское общество как можно скорее раскрывать свои преступления [37, с. 99].

- **Блуждающие души, призраки, которые находятся между смертью и жизнью**

Обычно такими призраками выступают души людей, умерших раньше своей смерти. Они ждут окончания своего жизненного срока и остаются неприкаянными на время. Между смертью и жизнью могут находиться и души людей, которые не успели выполнить какое-либо обещание на земле и не могут покинуть мир людей, пока их чувство долга не будет удовлетворено.

Цикл жизни состоит из нескончаемых циклов дел, которые человек может не успеть совершить ввиду внезапной смерти. Так, у Хун Мая упоминается эпизод, связанный с мотивом души выполнить незавершенное при жизни дело, мешающее ей обрести покой. Простолюдин Ли Сяо-и внезапно заболел и умер, он явился своему брату знахарю Сюй Цяню и сообщил, что его дочь очень больна, и он не сможет упокоиться, пока ее не вылечит. Тогда по прошествии времени Сюй решил пойти справиться в дом Ли. Выяснилось, что, действительно, девушка была очень больна, но на пике болезни, к ней явился ее отец и передал лекарство, после которого она и поправилась. Если у человека после смерти осталось невыполненное дело в мире физическом, он не сможет упокоиться и будет всеми силами стремиться его завершить. Привязанность к людям в таком случае остается. Особенно она сильна по отношению к своим родным людям, как пишет сам Хун Май: «...хоть у темного и светлого миров разные пути, но сколь

сильна бывает привязанность к детям!» [3, с.101].

Если человек при жизни очень привязался к окружающим его людям, к семье, к друзьям, то после смерти его душа может продолжать жить среди них. В рассказе Хун Мая «Жена Чэнь Ванью» после смерти жены главного героя ее призрак каждую ночь являлся в дом и ложился спать рядом с мужем, и ничего не могло ее остановить. Автор пишет: «Покойница же приходила в дом и вела себя так, будто бы ничего и не произошло». Даже даосы, которые провели обряды экзорцизма, не смогли изгнать ее дух, и через какое-то время скончался сам Чэнь. Иногда привязанность к людям может быть настолько сильной, что она как магнит притягивает душу умершего назад к человеку, в таком случае даже вмешательство высших сил может оказаться бесполезным и душа уведет человека за собой в царство мертвых [40], [Приложение 1, 5].

История о любовной привязанности описывается и в другом рассказе Хун Мая «История выходца из рода Чжао». Жена Чжао Цзыцзюя умерла очень молодой и пара очень любила друг друга. Чжао после смерти любимой жены специально обустроил для нее комнату, как будто бы она все еще была жива. Однажды жена пришла к нему ночью, и с тех пор призрак покойной жена и Чжао стали жить вместе, как и раньше. По прошествии некоторого времени Чжао почувствовал странные перемены в его физическом состоянии, он стал постоянно уставать и чувствовал упадок сил. Однажды один даос, увидев его, сообщил Чжао, что он попал под влияние призраков и научил его некоторым заклинаниям, нарисовал циклические знаки у него в доме, чтобы помочь ему избавиться от наваждения. После этого случая жена стала отдаляться от него и в один день попрощалась с ним и ушла. Чжао продолжал совершенствоваться в своей духовной практике и через некоторое время обрел дар врачевания. В данной ситуации привязанность между влюбленными была очень сильной. Чжао сам не хотел отпускать покойницу продолжал жить так, как будто бы она находилась рядом с ним. Душа умершего человека может оставаться блуждающей, если человек не может отпустить ее и всеми силами старается удержать ее рядом. После того как Чжао предпринял попытки прекратить

отношения с призраком, то дух жены тут же покинул его и не оказал сопротивления. Поэтому данный случай является скорее исключением, так как в рассказах Хун Мая чаще всего встречаются эпизоды, когда душа умершего сама является за близким человеком, потому что привыкла к нему и не может существовать без него и в подземном мире, она продолжает жить рядом с ним, подпитываясь его энергией и в конце концов тянет его за собой [Приложение 1, 8].

Люди могут превратиться в голодного духа, будучи на грани жизни и смерти, тем самым показывая свою истинную сущность. Так происходит в рассказе Хун Мая «Буддийский монах превратился в голодного духа», в котором буддийский монах по причине болезни решил поселиться в монастыре. Через некоторое время он превратился в голодного духа. Его голова стала огромной, а горло узким. Он не мог вкушать пищу, а из его рта извергалось пламя. Тогда монахи пригласили даоса, чтобы тот с помощью магических ритуалов исцелил его. Монах признался, что согрешил в своей жизни два раза. Он воровал вино в монастырской трапезе, когда был заведующим в Лушаньском монастыре, и забирал себе в карман налог, будучи заместителем в Цзянчжоуском департаменте, а на те деньги покупал себе вино. После такой исповеди даос влил монаху в рот заговоренную воду. Монах выздоровел и стал вкушать пищу. В данном рассказе мы видим, что монах при жизни был скуп и алчен, поэтому он превратился в голодного духа, который уже не может вкушать пищу и довольствоваться мирскими благами. Здесь же представлено типичное изображение голодного духа–преты : огромная голова, узкая синяя шея, извергающееся пламя изо рта [Приложение 1, 1].

Загробный мир, в традиционном китайском понимании, имеет такую же структуру, что и мир материальный. Для него так же присущи чиновничья иерархия и бюрократическая структура. Обычно души умерших занимают те должности, которыми они были наделены при жизни. Иногда, они могут быть посланы в мир людей для исполнения какого-либо поручения, но следует уточнить, что являться они могут далеко не всякому человеку. Души, которые

при жизни были очень привязаны к людям и мирским обычаям, которые они совершали вместе, могут навещать людей и при этом являться в привычном для них человеческом облике. Так, например, Хун Май пишет о случае, произошедшем с его знакомым Сунем Цзюдином. Направляясь к своему другу, Сунь натолкнулся на человека в роскошном наряде с пышной свитой на конях, разглядев его, Сунь признал в нем мужа своей младшей сестры Чжан Шэня, который уже давно умер. Чжан предложил Суню выпить и рассказал, о том, что теперь в загробном мире он занимает достаточно высокую чиновничью должность, как это было и при жизни. Чжан являлся своей семье, но те его не приняли и испытали лишь страх, увидя его. После разговора, Чжан предупредил Суня, что в ближайшее время его сразит хворь, ведь он подвергся достаточно сильному влиянию темного начала. Так и случилось. Людям не дано видеть параллельно существующий с ними мир нави, но, когда миры пересекаются, живой человек может подвергнуться сильному влиянию, как физическому, так и духовному. Это может быть и испуг, и последовавшая за ним болезнь. Что же касается душ умерших, особенно занимающих высокий пост, они могут достаточно свободно распространять свое влияния на явный мир и, в угоду своих прихотей, причинять людям вред [3, с. 101-104].

Как уже было сказано выше, буддийские монастыри в эпоху Сун стали местом скопления большого количества призраков, так как люди повсеместно относили туда гробы покойников, которых не могли по какой-либо причине похоронить. Души людей, которые обитали там, можно назвать блуждающими, ведь они еще не обрели места, где бы могли упокоиться и их тела не были надлежащим образом захоронены, поэтому они вынуждены были скитаться и ждать своего часа. Однако, из-за большого скопления нечистой силы в стенах буддийских монастырей могли происходить сверхъестественные явления и выступать своеобразными искушениями для людей, которые там останавливаются. В рассказе «Гэ Шикуй», названного именем уездного регистратора из Унина, главный герой отправился в областной центр по служебным делам и по дороге остановился переночевать в буддийском

монастыре Шаньланьсы. Ночью ему не давал спать мужчина, который лежал на соседней кровати и громко храпел. Утром, когда Гэ Шикуй проснулся, то обнаружил, что рядом с ним все это время лежал мертвец. Он был напуган и позвал всех монахов. Один монах узнал его, и сказал, что это был прихожанин монастыря, которого похоронили за храмом пять дней назад. Когда позвали сына покойника и вскрыли могилу, то оказалось, что в могиле никого не было. Как свидетельствуют рассказы, такие случаи происходили во времена Сун повсеместно. Душа человека по каким-то причинам не могла упокоиться и искала себе приют, и в таком случае буддийские монастыри могли выступать наиболее благоприятным для нее местом [Приложение 1, 10].

Историю, произошедшую в буддийском монастыре, повествует нам Хун Май в рассказе «Девушка из Юйхана», поведал ее автору Тан Синьдао, который во время путешествия до места сдачи императорских экзаменов остановился переночевать в буддийском монастыре и своими глазами увидел девушку, чья душа до сих пор блуждала среди людей. Будучи ученым и приверженцем конфуцианской морали, смелый Тан Синьдао вызвался пойти один в комнату с гробами, что находилась за храмом. Внутри он увидел гроб, который лежал там уже более сорока лет, крышка гроба была открыта, внутри лежало тело девушки: «Девушке, лежавшей внутри на вид было около двадцати, макияж на лице был такой свежий, будто его только что нанесли, и внешность ее ничем не отличалась от внешности живых людей». Это повергло Тана в ужас и по возвращению на родину он рассказал об этом У Юйцаю, который в свою очередь так же поведал ему удивительную историю их одного буддийского монастыря: «в монашеских покоях также стоял гроб с молодой девушкой императорского рода». По ночам она выходила из гроба и делила постель с монахами. О таких похождениях скоро узнал отец девушки и сильно разозлился и намеривался сжечь тело погибшей, однако дочь явилась своей матери во сне и объяснила, что так как она трагически погибла, то ее судьба – быть с монахами. Она была беременна и просила отложить кремацию на три месяца, пока она не родит ребенка. Но даже неоднократные просьбы и мольбы дочери не могли поколебать решения отца. Он

прибыл монастырь и велел сжечь тело. А во время кремации все вокруг видели, что в животе у покойницы лежал уже полностью сформировавшийся ребенок. Души покойников, чьи тела оказались по каким-либо причинам не погребены и покоились в стенах буддийских монастырей, могли часто выходить из своих гробов и продолжать общаться с людьми, вступая с ними в различного рода контакты [Приложение 1, 13].

В рассказе «Мертвая женщина из Сюаньчэна» нам также встречается история, где призрак способен выносить и родить ребенка. В семье одного горожанина умерла беременная жена, ее похоронили за храмом. После этого стали происходить странные явления, местные «видели, как ночью в траве вспыхивали огоньки масляных лампад, и слышали плач ребенка». В булочную стала часто заходить женщина с ребенком на руках, никто не знал кто она такая. Как-то за ней решили проследить, но женщина исчезла, как только заметила следующих за ней людей, она положила на землю ребенка и исчезла. Вскоре удалось разыскать отца ребенка. Он отправился к могиле жены и обнаружил, что «тело женщины выглядело так, словно она все еще была жива, но что странно, не было ни следа беременности». Можно предположить, что душа женщины может быть очень связана с формирующимся в организме ребенком и она не может упокоиться пока не родит [Приложение 1, 26].

К этой категории рассказов так же можно отнести истории, связанные с призраками самоубийц. Так как они умерли раньше отведенного им срока, то часто вынуждены скитаться по земле и питаться энергией окружающих людей. В рассказе «Ювелир Тун Иньцзян» как раз повествуется о таком духе. Ювелир Тун Иньцзян работал в доме семьи Чжанов и изготавливал для них серебряные изделия на заказ. Каждый день под вечер к нему являлась девушка, приносила ему вино и еду, ужинала вместе с ним, а потом делила постель, с первыми лучами она покидала его комнату. Так происходило долгое время, пока Тун не поделился о таких ночных посещениях с одним из слуг. Тот насторожился и рассказал ему, что когда-то в их доме повесилась служанка из семьи Ван. Тун сильно испугался и при следующем появлении таинственной гостьи, решил поинтересоваться, не

знает ли она ничего об этой служанке. Лицо девушки искривилось, она залезла на потолок, высунула язык, длиной в два фута и исчезла. Когда авторы в своих новеллах описывают внешность неприкаянных душ, то часто они бывают наделены каким-нибудь эффектом, например призраки повесившихся встречаются с длинным языком, призраки утопившихся – с синей кожей [42]. Призраки могут продолжать вести себя как обычные люди, как это и произошло в данном рассказе, но, как правило со временем призрачная природа берет верх, и они распространяют свою злую энергию на окружающих людей [Приложение 1, 17].

В рассказе «Призрак колодца Хуаянь» так же ведется повествование о призраке самоубийце. После успешно сдачи императорских экзаменов братья Лю поселились на время в буддийском монастыре. Ночью, когда вся братия спала, братья Лю внезапно исчезли из кельи, оставив после себя открытую дверь. Монах Цзидэн заметил их пропажу и позвал всех слуг, чтобы найти братьев. Они отправились в западный коридор, где обитал призрак колодца Хуаянь, и обнаружили двух молодых людей, сидевших на краю колодца, подталкивая друг друга спрыгнуть в него. Цзидэн ударил в колокол и успел разбудить юношей. После расспросов братья рассказали, что к ним в комнату явился путник и предложил им вместе попить чай. Молодые люди отправились за ним и будто во сне могли перемещаться через стены, видели прекрасные дома и слушали красивое пение девушек. Странник предложил им зайти в роскошный дом, и когда они уже стояли на пороге, уступая друг другу путь, то внезапно проснулись и очутились на краю пропасти. Оказалось, что этот странник был призраком повесившегося в монастыре человека. Мы видим, что призраки иногда пытаются увести за собой других людей, для этого прибегая к разным манипуляциям [Приложение 1, 22].

- **Призраки, имеющие любовную привязанность к живым людям**

В данную категорию можно отнести души людей, которые умерли от горя и тоски по несбывшемуся счастью. Души людей, которые не смогли по каким-либо

причинам быть со своими возлюбленными на земле, являются к ним после смерти. Здесь ситуация может обернуться по-разному. Если душа умерла ранее отведенного ей срока, она может прибегнуть к разным способам, чтобы вернуться к жизни. Например, подпитываясь энергией своего возлюбленного, душа может заставить свое тело ожить [45]. Так же неприкаянная душа, умершая от тоски, может долгое время пребывать рядом со своим возлюбленным, который может и не догадываться о призрачной природе проживающего рядом с ним человека. Но в таких случаях темное начало берет верх и, так или иначе, этот союз сказывается на живом человеке. Его физическое и ментальное состояние начинает ухудшаться. Неприкаянная душа таким образом способна увести человека за собой в царство мертвых, но может и осознать свое негативное влияние и уйти от человека (иногда в таких случаях она дает ему снадобья для излечения от наваждения). В отличие от мстящих призраков, чьи появления были связаны с преступлениями людей, соблазняющие духи появлялись неожиданно. Некоторые ученые связывают такой феномен в литературе с подавлением сексуального в жизни ученых, что порождает компендиумные фантазии о невидимом мире [37, с.107].

Как человек при жизни привязан к своему телу, так и после смерти душа может быть не в состоянии его отпустить. В китайской повествовательной прозе нам встречаются различные случаи, когда душа умершего человека продолжает использовать свое тело. Однако встает вопрос о том, как она может подпитывать тело, в котором уже иссякла энергетическая субстанция цзин, и за счет чего она продолжает восполнять жизненный запас энергии. Ответ на этот вопрос и, каким образом это происходит, мы можем найти на страницах Хун Мая. Литератор рассказывает, как некий юаньвай из богатой семьи У и брата Чжао из столичного императорского рода отправились на озеро и встретили девушку. Они предложили ей выпить вина. У очень понравилась эта красивая незнакомка, и он никак не мог выкинуть ее из головы. Через некоторое время, три приятеля снова решили наведаться в те места, но девушку найти не смогли. Ее родители рассказали, что в прошлом году их дочь пила вино в компании трех молодых

людей и получила за это наказание, ведь если вести себя неподобающим образом, она не сможет обрести достойную пару. Она расстроилась, захворала и умерла. Расстроенные, возвращаясь домой, они наткнулись на ту самую девушку. Оказывается, она не умерла, а переехала жить в другое место. Она пригласила их к себе, а молодой юаньвай У стал постоянно к ней наведываться. Через три месяца он «заметно спал с лица». Братья Чжао, заподозрив что-то неладное обратили к наставнику, умевшему изгонять нечисть, и тот сразу опознал влияние злых сил. Чтобы избежать смерти друга, они поехали далеко на север, как приказал наставник, но дева преследовала их всю дорогу. Выбрав нужный момент, братья убили девушку. Когда стали проводить следствие, выяснилось, девушка, действительно умерла, но в ее гробу была лишь одежда. Таким образом, выясняется, что душа способна подпитывать свое тело за счет жизненной энергии других людей. В таком случае тело жертвы истощается и не способно нормально функционировать. Если душа паразитирует на другом человеке, то тот становится всецело от нее зависим и, бывает, уже не способен сам справиться со своим вампиром. Но в случае, если вовремя не предотвратить этот процесс, человек умрет, а душа снова станет искать себе новую жертву. Чаще всего в роли таких душ выступают умершие девушки, которые заманивают в свои цепи мужчин, воруя у них янскую жизненную силу [3, с. 104-108].

Как уже обсуждалось выше, неприкаянные души могут быть прикованы к месту, где когда-то скончался человек или где покоятся его останки. Среди произведений новеллистов средневекового Китая часто можно встретить такие рассказы, в которых фигурируют соблазняющие призраки девушек, чьи тела были закопаны в доме поддавшегося наваждению мужчины или же дом, в котором поселилась их жертва, был когда-то местом их трагической гибели. В рассказе «Лю Цзыан» из «Записей Ицзяня» как раз встречается такая история. Лю Цзыан, получив назначение на должности начальник области Хэчжоу приехал по месту службы без семьи, чтобы освоиться и из соображений безопасности, так как в то время солдаты Цзинь вновь вторглись во владения династии Сун. В управление, где служил Лю Цзыан стала наведываться

привлекательная девушка и через некоторое время у них завязался роман. Они жили вместе на протяжении долгого времени, когда один даос в храме не подошел к Лю Цзыану и не предостерег его от надвигающейся беды. Он объяснил, что девушка, с которой живет Лю – призрак и нужно немедленно ее выгнать, поэтому дал ему амулет, чтобы тот повесил его на дверь и отогнал злой дух. Однако Лю Цзыан был не в силах противостоять чарам призрака и не смог прогнать ее. Через некоторое время даос навестил дом Лю и обнаружил его в очень плохом и изнеможенном состоянии. Уже нельзя было никак исправить ситуацию, но даос все равно провел обряд, в ходе которого в углу дома раскопали и обнаружили труп девушки, с которой жил Лю. «Тело женщины окоченело, но выглядело оно так, будто она умерла совсем недавно и нисколько не разложилось». Лю Цзыан скончался, однако злой дух больше никогда не станет докучать другим жильцам этого дома. Здесь мы так же видим пример того, что неприкаянная душа на протяжении долгого времени подпитывалась за счет энергии своей жертвы и таким образом ее тело могло выглядеть живым и неразложенным. Если не оборвать этот процесс, то жертва в скором времени может скончаться [Приложение 1, 4].

Когда душу человека переполняют чувства любви, он как никогда уязвлен, и от того, сможет ли это чувство стать для него счастьем на всю жизнь, зависит, порой, вся его дальнейшая судьба. В сунской китайской новелле часто встречаются случаи, когда любовь заставляла человека испытать сильнейшую боль, немногие были в силах преодолеть такие испытания, часто описываются случаи, когда влюбленные умирали от невозможности быть вместе со своими возлюбленными. После смерти, переполненные горем и страданием, души желали воссоединиться со своими возлюбленными и не могли покинуть мир живых. Такая история описывается в рассказе Хун Мая «Девушка с озера Сиху». Автор описывает, как некий приезжий чиновник и молодая девушка полюбили друг друга, но родители девушки отказали им в браке. Чиновник вынужден был вернуться из столицы домой. По прошествии пяти лет чиновник снова приехал в столицу и встретил свою возлюбленную, которая, по ее рассказам, была уже

давно замужем, но ее муж был заключен в тюрьму. Чиновник позвал ее к себе, после чего девушка осталась жить у него. Минуло полгода, но она совсем не вспоминала о своей семье. В итоге девушка призналась, что с тех пор, как чиновник покинул ее, она сильно мучилась от разлуки, и, не сумев совладать с тоской, через год умерла. Девушка объяснила, что ее «одинокая душа жаждала утолить чувство, что было уготовано судьбой... но теперь время радости закончилось»[3, с.227]. Девушка больше не могла оставаться рядом со своим возлюбленным, но к тому времени темное начало уже слишком глубоко поразило его, и чтобы восполнить жизненную энергию, девушка дала ему специальное снадобье, укрепляющее желудок. В лекарстве содержалась вытяжка из дикой хризантемы, которая способна изгнать нечистый дух. Души, которые умерли от тоски по своим возлюбленным, стремятся воссоединиться с ними и уже, будучи неподвластными мирским условностям, быть с ними вместе. Но темное начало неприкаянных духов не может не повлиять на человека и рано или поздно их жизненные силы будут исчерпаны. Не все души могут контролировать этот процесс, и в некоторых ситуациях это может привести человека к смерти. Но, как мы видим, неприкаянная душа может помочь человеку и показать способ, как избавиться от ее наваждения [3, с.224-228].

Блуждающая душа может быть прикована к одному месту, если при жизни совершила большое преступление, она вынуждена скитаться по земле без надежды обрести второе рождение. При этом она может спокойно сосуществовать рядом с людьми и не причинять им вреда, однако, мало кого может устроить такое соседство. В рассказе «Лю Чжэньян» из сборника «Записи Ицзяня» Лю Чжэньян, сын генерала из Шаньси, после смерти отца перевёз семью в большое поместье в столицу. В доме постоянно происходили необычные происшествия, в которых участвовали потусторонние силы. Двоюродный брат Лю решил разобраться в странностях. Он написал письмо и положил его в западную часть дома, где домочадцы сталкивались с приведениями. Через некоторое время дверь отворилась, и «появлялась фигура мужчины в пурпурных одеждах, с головным убором, как у чиновника династии

Тан», рядом с ним стоял мальчик, который всюду следовал за ним. Человек представился и поведал свою историю. Выяснилось, что это призрак знатного чиновника, которые жил в этом месте еще во времена династии Тан и был заточен там, так как совершил в своей жизни тяжкое преступление – заговор против императора, в результате которого погибло около трехсот человек. Как бы ни сожалел чиновник о содеянном, простить его грехи было уже невозможно, и он бродил по стенам дома без всякого смысла, в бесконечном ожидании. Даже проведение «молебна о спасении духов на земле и воде» не могло ему помочь. Несмотря на все это, существовало лишь одно, условие при котором он мог спастись – если найдется человек, который в своей жизни совершит столь же тяжкий грех, и сможет заменить его. С целью помочь чиновнику Лю все же решил устроить церемонию. Монах, читающий сутры, вдруг ни с того ни с сего упал, не закончив до конца. Как рассказывает нам автор, монах убил того мальчика, который всюду следовал за призраком чиновника, и увидев его на церемонии, он сильно испугался и стал читать заклинания по изгнанию злых духов. В завершение автор пишет: «В период правления Гао-цзуна Лю Чжэнъянь был казнен за измену». Кажется, что такой финал дает нам возможность предположить, что судьба Лю Чжэнъяна стала такой же, как и судьба чиновника, чей призрак был заточен в его доме. Смог ли призрак чиновника обрести покой, нашелся ли человек, который заменил его? Об этой истории умалчивает, однако дает нам открытое поле для размышления. Таким образом, мы видим, что призрак человека, заточенного в данном месте, смирилась со своей обреченностью и никак не тревожила окружающих людей. В данных ситуациях блуждающие души не имеют другого исхода, кроме как ожидание и смирение [Приложение 1, 12].

В сборнике «Записи Ицзяня» выделяется группа рассказов, описывающих удивительные истории, произошедшие с призраками животных, среди них встречаются и истории о неприкаянных душах. Рассказ «Женщина в белом» повествует о призраке овцы, которая явилась молодому студенту Дуну в виде красивой девушки в белой сорочке и переночевала с ним. После того, как об

инциденте узнал учитель, он отругал студента и вызвал даоса, который бросил в колодец, в котором когда-то умерла овца, и призрак перестал являться. Однако Дун все равно умер. Соблазнительными призраками могут выступать и животные, они являются в облике человека и заманивают молодых людей, чтобы подпитаться их жизненными силами [Приложение 1, 23].

- **Призраки, требующие признания и уважения**

Призрак здесь наделен такими же правами, как и любой живой человек и может так же взаимодействовать с живыми людьми и требовать к себе должного отношения с точки зрения морали. Он заслуживает внимания и ответа живых. Иногда может порицаться ложное притворство, что человек не боится призраков.

Пример такой модели отношений призраков и человека мы можем встретить на страницах Хун Мая. В рассказе «Вонючий призрак» некий студент по дороге домой встретился с призраком в белой одежде, от которого исходил смердящий запах. Призрак преследовал его изо дня в день, а вонь становилась все больше. В итоге это вынудило студента уехать из города к себе на родину. После возвращения на место своей учебы через некоторое время студент снова встретился с тем же призраком. Призрак был разгневан, что когда-то отпустил его уехать. Вскоре студент заболел и умер. В данном случае студент не намеривался помочь призраку или же выяснить его сущность. Он боялся его и своим отъездом показал свой страх и неприязнь по отношению к призраку, за что был наказан [Приложение 1, 2].

Часто бывает, что в местности, где обитает большое количество призраков и злокозненных душ, постоянно происходят странные явления, что заставляет людей покидать эти места. Когда на территории погибло большое количество невинных людей, то они не позволяют людям селиться рядом с ними и стремятся разными способами показать, что данное место закреплено за ними. Так происходит в рассказе «Монастырь Гуанлу», где речь идет о месте, где раньше располагалась резиденция принцессы Чжао Дофу, там погибло бесчисленное количество слуг и наложниц, с тех пор никто не мог там спокойно существовать.

Когда в здании жила семья У Синя, с потолка постоянно сыпался песок, и домочадцы не могли понять, как такое может происходить внутри дома, пока сверху не раздался голос, который произнес: «Это место называется песчаная впадина Янша. Что может быть странного в песке?» После этого случая семья переехала. Затем в здании стал располагаться монастырь Гуань Лу. Однажды в нем решил остановиться Цзян Аньли. Ночью, когда он молился в своей келье, он чихнул и из носовой слизи на столе, образовались человеческие фигурки, которые были искусно вырезаны из дерева. Когда Цзян чихнул еще раз, фигурки упали на пол. После этого случая Цзян заболел и умер. Таким образом призраки пытаются заявить о своих правах и не позволяют другим людям обитать на своей территории [Приложение 1, 16].

Принципы отношения с призраками и душами умерших, изложенных в китайской новелле эпохи Сун можно охарактеризовать по-разному. На наш взгляд, их можно представить в двух видах.

С одной стороны, это отношения «сосуществования» – здесь возникает проблема столкновения со злыми силами и необходимостью с ними бороться, в новеллах же рассказывается, как это нужно делать. Призраки в данном виде отношений нападают без видимой причины, они не изображены как персонажи с конкретной биографией, нет предыстории их отношений с главным героем.

С другой стороны это «открытый диалог». Призраки наделены особыми правами и могут взаимодействовать с живыми. Перед человеком ставится выбор: либо признать и ответить на их притязания, либо отвергнуть их. Здесь речь идет уже о социально-моральных категориях. Души умерших являются к людям с просьбой о перезахоронении, о помощи с выполнением обязательств, которые они не успели завершить в земной жизни. Также души могут быть переполнены сильными чувствами любви и ненависти, что подталкивает их к постоянному взаимодействию с людьми.

Таким образом, неприкаянные души людей китайской новелле эпохи Сун представляются способными требовать от живых широкого спектра вещей: признания, уважения, еды и питья, перезахоронения и ухода за телом, исцеления,

дружбы, тех вещей, к которым они были привязаны еще при жизни, а также их могла переполнять месть и любовь. Разве не этими же требованиями обладал каждый китаец того периода еще при жизни? Таким образом, души умерших представлялись китайцам отражением их самих, это рождало понимание и сочувствие со стороны живых.

Относительно немного историй в текстах связаны с умершими предками – культ предков был частью нормального обыденного фона жизни, на котором выделялись странные события. События приобретали оттенок «странного» только тогда, когда отношения между предками и их потомками принимали необычайный оборот, выходящий из ряда привычного.

Чжигуай и *чжижень сяошо*, новеллы *чуаньци* проливают новый свет на важную главу в истории представлений о загробной жизни в Китае, потому что они, наряду с другими доступными жанрами культурной деятельности, помогли создать эту историю. Они так же оказали большое влияние на организацию культуры психической деятельности китайцев.

Заключение

Анализируя феномен неприкаянных душ в китайской новелле эпохи Сун на примере сборника новелл Хун Мая «Записи Ицзяня», а также в некоторых философских и религиозных трудах, можно прийти к следующим заключениям:

1. С точки зрения религиозного осмысления существует два вида неприкаянных душ. С одной стороны, это голодные или злые духи *эгуй*, представление о которых связано с двумя традициями – буддийской традицией и традицией простонародных верований. Таких демонов относят к одной из неблагоприятных кармических состояний Шести миров. С другой стороны, судя по народным представлениям, это бесприютные души *гухунь*, затаившие обиду на людей по самым разным причинам. И *гухунь* и *эгуй* представляются очень злыми, они не могут контролировать степень вреда, который способны причинить людям, а оттого они очень опасны.
2. Истории о неприкаянных душах служат средством для изучения тонкого и сложного вопроса отношений между живыми и мертвыми. Авторы сунской повествовательной прозы не только отражали повседневные реалии и представления жителей об отношениях с потусторонним миром, они также выполняли очень важную роль формирования этого мира в глазах людей. Создавая модели отношений с мертвыми на страницах своих произведений, таким образом, они выстраивали макет поведения людей с потусторонним миром, который будет реализован уже в повседневных реалиях.
3. Китайская новелла эпохи Сун, таким образом, транслировала определенные новые культурные и религиозные области. Она проливали свет на те явления человеческой жизни, о которых не говорили в канонических произведениях, и выстраивала координаты, по которым нужно следовать, чтобы справиться с тем или иным жизненным испытанием. Именно китайские новеллисты, привнося в литературный

текст новаторские идеи, как никто другой, с особой тщательностью и чувствительностью, занимались вопросом отношений между живыми и различными обитателями потустороннего мира.

4. В «Записях Ицзяня» можно выделить следующие категории призраков в модели их взаимоотношений с людьми: неприкаянные души, которые просят о перезахоронении, подношениях, избавлении от мук; злокозненные души, одержимые жадой мести; блуждающие души, призраки, которые находятся между смертью и жизнью; призраки, имеющие любовную привязанность к живым людям; призраки, требующие признания и уважения.
5. Сборник новелл «Записи Ицзяня» Хун Мая сыграл большую роль в формировании нового способа религиозной и социальной деятельности. Это было передано путем грамотно организованного повествования, наполненного яркими и иллюстрированными сюжетами.
6. Спорным остается вопрос о характере «фантастичности» китайской новеллы. Ведь, как мы выяснили, с точки зрения древнего китайского мировоззрения, никакой фантастики в произведениях не существовало. Люди воспринимали рассказы как данность, что выступало регулятором их действий и взаимоотношений с духами. В период становления жанра *чуаньци* авторы действительно верили в то, что писали. Они стремились предостеречь людей от возможных опасностей, передать свои чувства, в полной мере открывали для читателей свое сознание, заставляя их уже на подсознательном уровне поверить в происходящее. Для авторов танской новеллы - это часть их мировоззрения. В новелле эпохи Сун мы видим, что значительная часть произведений составляет компиляцию уже всеобщее известных сюжетов танской прозы. Привносятся некоторые изменения, но мотивы остаются все те же. Мы видим, что в сунской новелле сюжет уже не представляет собой отражение духовного состояния автора, он все больше представляет собой характер «чудесного» и «необычного». Авторы отделяют себя от того мира, о котором они пишут, таким

образом, делая свои произведения «фантастичными». Заглянем вперед, и скажем, что параллельно с развитием китайской повествовательной прозы элемент «фантастики» растет, и в дальнейшем станет превалировать.

Список используемой литературы

Источники

На русском языке:

1. Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. / под ред. Р.Ф. Мажокина. М.: Наука, 1978. 594 с.
2. Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Наука, 2008. 284 с.
3. Алимов И. А. Девушка с озера Сиху: Хун Май и его сборник «Записи И- цзяня». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. 336 с.
4. Алимов И. А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 592 с.
5. Алимов И. А. Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII—X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 840 с.
6. Алимов И., Серебряков Е. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Часть 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 272 с.
7. Алимов И., Серебряков Е. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Часть 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 450 с.
8. Баранов И.Г. Загробный суд в представлениях китайского народа. Харбин: Типография Кит. Вост. жел. дор., 1928. 19 с.
9. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература РАН, 2001. 489 с.
10. Голыгина К. И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре I-XIII вв. М.: Восточная литература РАН, 1995. 360 с.
11. Голыгина К. И. Китайская проза на пороге средневековья. М.: Наука, 1983. 240 с.
12. Коллектив авторов. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии.

- Новый год / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 276 с.
13. Лисевич И.С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М.: Наука, 1979. 266 с.
14. Малявин В.В. Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями. М.: АСТ, 2019. 256 с.
15. Старостина А. Б. Золотой шелкопряд: Сюй Сюань и его сборник «Записи об изучении духов». СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 386 с.
16. Сторожук А., Корнильева Т., Завидовская Е. Духи и божества китайской преисподней. Святые и демоны в верованиях Востока. СПб.: КАРО, 2012. 464 с.
17. Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: КАРО, 2010. 552 с.
18. Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы / пер. Л. Е. Померанцевой, сост. И.В. Ушаков. М.: Мысль, 2004. 427с.
19. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / ред. Б.Л. Рифтин. М.: Наука, 1987. 527 с.

На английском языке:

20. Clarke G.W. The Yu-li or Precious Records. Series. 1898. Vol. XXVIII.
21. De Groot J. J. M. The Religious System of China, Vol. I. Book I: Disposal of the Dead. Part I: Funeral rites. Part II: The ideas of resurrection. Leiden: E.J. Brill, 1892. P. 360.
22. De Groot J. J. M. The Religious System of China, Vol. IV. Book II: On the soul and Ancestral Worship. Part I: The Soul in Philosophy and Folk- Conception. Leiden: E.J. Brill, 1901. P. 464.
23. De Groot J. J. M. The Religious System of China, Vol. V. Book II: On the soul and Ancestral Worship. Part II: Demonology. Part III: Sorcery. Leiden: E.J. Brill P, 1908. P. 464.
24. De Groot J. J. M. The Religious System of China, Vol. VI. Book II: On the soul and Ancestral Worship. Part IV: The War against Spectres. Part V: The Priesthood of

Animism. Leiden: E.J. Brill, 1910. P. 414.

25. Inglis Alister David. Hong Mai's Record of the Listener and Its Song Dynasty Context // Albany: State University of New York Press, 2006. P. 237.

26. Valerie Hansen. Changing Gods in Medieval China, 1127-1276 // Princeton University Press, 1990. P. 268.

На китайском языке:

27. Жэньшэнбаоцзянь [人生宝鉴]— Юйлибаочао [玉曆寶鈔: Драгоценное Зерцало Жизни человеческой — Драгоценные копии Нефритовых скрижалей]. Бэйпин, 1953. 165 с.

28. Ма Шутянь [马书田]. Чжунго Су шэнь. [馬書田. 中國佛神: Простонародные божества в Китае]. Пекин, 2007. 222 с.

29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. 802 с.

30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. 800 с.

31. Чуньцю Цзочжуаньчжу [春秋左傳注, «Весны и осени» и «Комментарий Цзо» сосводными комментариями]. Авт. коммент. Ян Бо-цзюнь. Т. 1–3. Пекин, 2000.

Интернет-ресурсы:

32. 宋史。洪迈传。 [История Сун. Биография Хун Мая] // URL: <https://guoxue.httpcn.com/html/book/TBXVCQME/CQCQUYAZPW.shtml> (дата обращения: 01.05.2024).

Научная литература

На русском языке:

- 33.Корнильева Т.И. Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли Баочао». Ортодоксальный буддизм и народные верования // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. 2010. №13 (1). С. 91-105
- 34.Сторожук А.Г. Китайское божество Цэ-шень: генезис образа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2017. Т. 16. № 4. С. 36-43

На английском языке:

- 35.Campany Robert F. Ghosts Matter: The Culture of Ghosts in Six DynastiesZhiguai // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1991. Vol. 13. P. 15-34
- 36.Clarke G.W. The Yu-li or Precious Records // SERIES. 1898. Vol. XXVIII. P. 233–400.
- 37.Liao Hsien-huei. Encountering Evil: Ghosts and Demonic Forces in the Lives of the Song Elite // Journal of Song-Yuan Studies. 2007, № 37. P. 89-134

На китайском языке:

- 38.Дэн Цин-мэн[鄧慶猛]. Лунь «И цзянь чжи» дэ сюши цзегоу синши [論《夷堅志》的敘事結構形式: О структурной и художественной форме «Записей И-цзяня»] // Шэкэ чжунхэн [Обзор общественных наук], 2006. № 6.
- 39.Е Цзин[葉靜]. Лунь «И цзянь чжи» сюйшидэ миньцзяньсин [論《夷堅志》敘事的民間性: О фольклорности повествования «Записей И-цзяня»] // Цзянси цзяоюй сюэюань сюэбао [Вестник Цзянской образовательной академии], 2012. № 1.
- 40.Лю Ли-мин[劉黎明]. Сундай миньцзянь мицзун синьян — и «И цзянь чжи» вэй чжунсиньдэ чубу каоча [宋代民間密宗信仰 — 以《夷堅志》為中心的初步考察: Эзотерические народные верования в эпоху Сун — предварительное исследование на материале «Записей И-цзяня»] // Цзянси шэхуэй кэсюэ [Общественные науки в Цзянси], 2004. № 2.

41. Сунь Ши-цзя [孫世家]. «И цзянь чжи» юаньдуй баоин чжути коучуань гуши чутань [《夷堅志》冤對報應 主題口傳故事初探: Начальный анализ преданий на тему воздаяния для заклятых врагов из «Записей Ицзяня»] // Анькан сюэюань сюэбао [Вестник Аньканской академии], 2016. № 1.
42. Хуан Ай-цзюнь [黃愛軍]. «И цзянь чжи» со фаньиндэ Сундайдэ ушу гуаньянь [《夷堅志》所反映的宋代的巫術觀念: Представления о магии в эпоху Сун, как они отражены в «Записях И-цзяня»] // Вэньсюэ цзяюй [Литературное образование], 2011. № 6.
43. Чжу Цзе, Юй Юэ [朱潔, 余悅]. Хун Май чуанцзо чжути луныцзеси [洪邁創作 主體論解析: Анализ творческого кредо Хун Мая] // Цзинань сюэбао [Вестник Цзинаньского университета], 2011. № 5.
44. Янь Чэнь-синь [顏晨馨]. «И цзянь чжи» яньцзю цзуншу [《夷堅志》研究綜述: Очерк исследований «Записей И-цзяня»] // Мэйюй шидай [Красота и эпоха], 2014. № 1.
45. Янь Юй-мэй, Цю Чан-юань [嚴裕梅, 邱昌員]. Цзяньлунь «И цзянь чжи» чжундэ жэньгуй хуньянь сяошо [簡論《夷堅志》中的人鬼婚戀小說: Коротко о рассказах о браке и любви между людьми и душами умерших в «Записях И-цзяня»] // Муданьцзян дасюэ сюэбао [Вестник Муданьцзянского университета], 2015. № 4.

Приложение 1

1. 法道变饿鬼⁴

绍兴六年三月廿一日。平江虎丘山有常州僧法道。因病入延寿堂。忽变形作饿鬼。头目极大。颈窄咽青。口吐猛火。人以食与之。则呼曰。铁丸也。不可食。如是七日。长洲令为请道法师救之。谓曰。汝生前想有隐。急自言。佛法容人悔谢。我为汝诵咒解释。病僧久之方自言曰。向时在庐山慧日寺作典座。盗常住菜。日换酒一升。后作江州能仁副院。将宽剩米沽酒。有是二罪。法师曰。汝既知过。吾救汝。即抉其口灌咒水。僧婚然遂睡。天明方醒。已索汤粥。渐进食。数日愈。宣僧日智说。时在虎丘寺见之。

Буддийский монах превратился в голодного духа

Двадцать первого марта на шестой год правления под девизом Шаосин⁵, в обитель Хуцю уезда Пинцзян пришел буддийский монах, который по причине болезни решил поселиться в монастыре. Внезапно он превратился в голодного духа. Его голова и глаза стали огромными, его шея сузилась так, что горло посинело, а изо рта извергалось пламя. Когда люди пытались его накормить, он кричал: «Невозможно есть это железо!» Так прошла неделя. Чтобы спасти монаха от наваждения, из Чанчжоу вызвали даоса, сведущего в заклинаниях и талисманах. Тот сказал ему:

– При жизни в твоих помыслах затаилось зло. И тут же добавил:

Буддизм снисходительно относится к тем, кто сожалеет о своих поступках. Чтобы устранить наваждение я прочитаю над тобой заклинание.

Больной монах подождал некоторое время и только потом сказал:

– Раньше я был распорядителем в трапезной при Лушаньском монастыре Хуэйжи и постоянно забирал лишнюю еду себе. День за днем я брал по шену⁶ вина. Затем я стал заместителем в Цзянчжоуском департаменте и взимал

⁴ Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 118

⁵ Девиз правления императора Гао-Цзуна (1131-1162 гг.)

⁶ Шэн (升) - мера объема, равная 1,04 литра

дополнительный налог рисом на случай стихийных бедствий, на что покупал себе вино. Вот мои два преступления.

Даос сказал:

– Ну что ж, ты признал свои грехи. Я помогу тебе.

Тотчас он раскрыл его рот и влил туда заговоренную воду. Монах упал без чувств и тут же заснул. На рассвете, как только он пробудился, сразу же потребовал принести ему густого отвара, и постепенно стал вкушать пищу. Прошло несколько дней, и он поправился.

Монах Сюань рассказал мне об этом случае. Он сам видел этого монаха в монастыре Хуцю.

2. 臭鬼⁷

开封人张俨。说政和末年清明日。太学士人某。与同舍生出郊纵饮。还缘汴堤而上。见白衣人在后。相去十数步。堂堂一丈夫也。但臭秽逆鼻。初犹意其偶相值。已而接踵入学。问同舍皆莫见。殊怪之。逮反室。则立左右。扣之不答。叱之则隐。倏忽复见。追随之。臭日倍前。士人不胜其惧。或教之曰。恐君福浅。或为冤所劫。盍还家养亲。无以功名为念。脱可免。乃如之。甫出京。其人日以远。遂不见。士人居累年。不能无壹郁。二亲复督使修业。心忘前怪矣。遂如京师参告。逾月因送客至旧饮酒处。复遇其人。厉声曰。此度见汝不舍矣。相随如初。而臭益甚。士人登时怵忽。遂卧病旬日卒。

Чжан Янь из Кайфэна рассказал одну историю. Однажды в Чжэнхэ на праздник Цинмин некий студент из Императорской Академии вместе со своим однокашником пошли за город, чтобы выпить вина и повеселиться. Возвращаясь по набережной, он увидел позади себя человека в белой одежде, шел он примерно в десяти шагах от него. Это был высокий статный мужчина, однако от него несло смердящим запахом падали. Сначала студент подумал, что всего лишь случайный попутчик, не было причин беспокоиться. Однако человек в белом продолжал следить за ним вплоть до самой Академии. Спросил у

---

⁷ Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С.399

однокашников, не видят ли они человека позади него, но те никого не видели. Студент был крайне обеспокоен этим. Когда он вернулся к себе домой, то снова увидел этого человека в белом. Студент спросил его кто он, но тот не отвечал. Тогда студент в гневе накричал на него, после чего человек в белом внезапно исчез, но потом снова появился. Призрак всюду следовал по пятам. А вонь все увеличивалась с каждым днем. Студента поглотил невероятный страх. Однокашник сказал ему:

–Боюсь, причина в том, что в тебе очень мало благословения и тебя преследует чья-то неприкаянная душа. Не лучше ли тебе бросить Академию и вернуться к своим родителям, чтобы позаботиться о них? Не беспокойся о своей карьере, возможно, таким образом сумеешь избежать наваждение этого призрака.

Тогда студент бросил Академию, выехал из столицы домой. Человек в белом все так же следовал за ним, но день ото дня расстояние от него становилось все дальше и дальше, пока призрак совсем не исчез.

Студент прожил у себя дома уже несколько лет, и все это время находился в подавленном состоянии. Родители же убеждали его продолжить учебу. Вскоре, забыв все странности, что происходили с ним, он снова отправился в столицу, чтобы продолжить свою чиновничью карьеру.

Через месяц, провожая товарища, он наткнулся на то самое место, где обычно выпивал с однокашниками и снова встретил там человека в белом. Призрак сказал в ярости: «Застав тебя здесь, на этот раз, я тебя уже никуда не отпущу». Человек в белом всюду следовал за ним, как и в прошлый раз, а вонь, исходящая от этого призрака стала просто невыносимой. Внезапно студента охватило тяжелое душевное состояние, он заболел и умер через десять дней.

3.杨靖偿冤⁸

---

⁸ Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 333

临安人杨靖者。始以衙校部花石至京师。得事童贯。积官武功大夫。为州都监。将满秩。造螺钿火鑽三合。穷极精巧。买土人陈六舟。令其子十一郎赍入京。以一供禁中。一献老蔡。一与贯。以营再任。子但以一进御。而货其二于相国寺。得钱数百千。为游冶费。愆期不归。靖望之久。乃解官北上。遇诸宿泗间。子畏父责己。乃曰、所献物皆为陈六所卖。儿几不得免。靖信之。至京、呼陈六诘问。陈答语不逊。靖杖之。方三下。陈呼万岁得释。还至舟。谓其妻曰。杨大夫不能训厥子。翻以其言罪我。我不能堪。遂赴汴水死。靖得州钤辖以归。都转运使王复领应奉局。辟靖兼干官。常留使院中。时宣和七年也。是岁四月某日。靖在签厅。有纲船挽卒醉相殴。破鼻出血。突入漕台。纷纷间。靖矍然如有所睹。急趋入屏后。遂仆地。舁归家。即卧病。语言无绪。不食。时临平镇有僧。能以秽迹法治鬼。与靖善。遣招之。至则见鬼曰。我稍工陈六也。顷年以非罪为杨大夫所杀。赴愬于东岳。岳帝命自持牒追逮。经年不得近。复还白。帝怒。立遣再来。云杨靖不至。汝无庸归。今又岁余矣。公门多神明。久见壅遏。前日数人被血入。土地辈皆惊避。乘间而进。乃得至此。僧谕之曰。汝他生与是人有冤。今世故杀汝。汝又复取偿。翻覆无穷。何时可已。吾令杨氏饭万僧。营大水陆斋荐谢汝。汝舍之何如。鬼拜而对曰。畴昔之来。苟闻和尚此语。欣然去矣。今已贻怒主者。惧□反命。则冥冥之中。长无脱期。非得杨公不可也。僧无策可出。视靖项下有锁。曰。事已尔。姑为启钥。使之饱食。且理家事可乎。许诺。前拔锁。靖即起如平常。然与僧才异处。则复昏困。数日死。富阳人吴兴举。旧为吾家仆。亲见靖病及其死云

Ян Цзину воздается за обиду

Ян Цзин, житель Линьяня, в начале своей карьеры был военным послом в Хуаши, затем благодаря своему таланту и заслугам, его повышали в звании, он служил под началом Тун Гуаня и через некоторое время стал военным губернатором. Он был назначен главнокомандующим провинции при полном жаловании. Как-то он поручил изготовить три ружья, инкрустированные золотом,

жемчугом и драгоценными камнями, ювелир продемонстрировал исключительное мастерство и изделия получились невероятной красоты. Ян Цзин купил лодку у местного жителя Чэнь Лю и поручил своему одиннадцатому сыну доставить ружья в столицу: одно – в императорский дворец, одно – в качестве подарка Лао Цаю и последнее – Тун Гуаню в знак преданной службы.

Однако, сын Ян Цзина не стремился выполнять наказ отца. Лишь одно ружье было доставлено им во дворец, а два других тайно проданы в буддийском монастыре Дасянгосы за несколько сотен тысяч монет. Деньги были получены, и молодой человек отправился тратить их в свое удовольствие на развлечение и алкоголь.

Ян Цзин с тревогой ждал возвращения своего сына, но прошло уже много времени и от сына не было никаких известий. Тогда Ян подал в отставку со своей официальной должности и отправился на север. Когда Ян находился в районе реки Сыхэ, то случайно встретил своего сына. Молодой человек, опасаясь упреков отца, лживо заявил, что все три ружья отобрал у него лодочник Чэнь Лю и ему самому едва удалось сбежать. Ян Цзин поверил ему и, прибыв в столицу, он вызвал к себе Чэнь Лю на допрос. Лодочник в ответ на обвинение лишь грубо рявкнул на Ян Цзина, тогда тот трижды ударил его. Как только он замахнулся, чтобы ударить его в четвертый раз, Чэнь крикнул: «Да здравствует император!»— и был отпущен.

Вернувшись к своей лодке, он сказал жене:

– Ян Цзин не может проучить собственного отпрыска. Он верит его лжи и обвиняет меня. Я честный человек, и всегда им был, поэтому не смогу этого вынести.

Затем он бросился в реку Бянь и утонул. Когда Ян Цзин вернулся домой, то сразу же получил должность заместителя губернатора области. Ван Фу был назначен чиновником в управлении, ведающим перевозками, и пригласил Ян Цзина работать в этом управлении. Ян также был приглашен на дополнительные

государственные должности и постоянно находился при дворе.

В апреле на седьмом году под девизом правления Сюаньхэ⁹, когда Ян находился в здании управления, между двумя пьяными лодочниками, произошла потасовка, одному из них сломали нос, и у него началось сильное кровотечение. Затем они ворвались в кабинет управляющего перевозками, и устроили там беспорядок. Яну показалось, что он увидел что-то сверхъестественное, от испуга он скрылся за ширмой и потерял сознание. Его отнесли домой, но лучше ему не становилось, он постоянно терял сознание и отказывался есть.

В то время рядом с городом Пинчжэнь жил монах, который умел проводить обряды экзорцизма. Он был в хороших отношениях с Яном, поэтому семья решила вызвать монаха, чтобы тот разобрался в чем дело.

Когда монах только вошел в дом, то тут же увидел призрака, который поздоровался с ним и начал рассказ:

– Я лодочник Чэнь Лю. В прошлом году я несправедливо умер из-за господина Яна. Меня обвинили в преступлении, которого я не совершал. Я подал апелляцию на гору Дунъюэ¹⁰, и Владыка¹¹ велел поймать и арестовать его, но с тех пор прошло больше года и он до сих пор не предстал перед судом. Владыка, разгневанный, снова послал кого-то за ним. Я жду правосудия уже больше года, но так как Ян до сих пор не предстал перед судом, мне нет смысла возвращаться. Из-за сложной бюрократической системы дело затянулось, и я устал ждать. На днях здесь было убито несколько человек, и Бог Земли¹² был напуган и покинул это место. Воспользовавшись возможностью, я смог прийти сюда.

– В прошлой жизни у вас были претензии к этому человеку. В этой жизни он несправедливо убил вас. Теперь вы ищите возмездия. Круговорот мести не

---

⁹ Девиз правления императора Сун Хуэй-цзуна (1119-1125).

¹⁰ "Восточный пик" - одна из пяти священных гор Китая (五嶽), другое название горы Тайшань (泰山)

¹¹ Здесь имеется в виду главный распорядитель и управляющий царства мертвых Дунъюэ Дади (東嶽大帝), глава всех загробных служб и департаментов.

¹² Бог Земли (кит. 土地)- бог-покровитель местности, защитник и помощник, может сочетать в себе множество разных качеств и функций.

знает конца. Когда же это прекратится... Я попрошу семью Ян накормить десять тысяч монахов и проведу молебен о спасении духов земли и воды¹³, устроит ли вас такое?

Призрак поклонился и ответил:

– Если бы я услышал ваши слова раньше, я бы принял ваше предложение и ушел. Но теперь, когда я разгневал Владыку, и в преисподней нарушены все сроки по этому делу, без господина Яна вернуться нельзя.

Монах понял, что Яна не удастся спасти, и заметил, что на шее у него висит замок.

– Раз так, позволь мне открыть замок для Яна, пусть он поест досыта и решит все свои домашние дела. Ты сможешь это сделать?

Призрак согласился, затем монах повернул замок, и Ян сразу тут же пробудился и встал, будто ничего не произошло. Однако, когда монах ушел, он снова почувствовал головокружение и слабость. Через несколько дней Ян умер.

У Синцзюй, уроженец Фуяна, был слугой в моем доме. Он лично был свидетелем болезни и смерти Яна.

4. 刘子昂¹⁴

绍兴三十二年. 刘子昂为和州守. 方淮上乱定. 独身之官. 他日见好妇人. 出入郡舍. 意惑之. 招与合. 历数月久. 因诣天庆观朝谒. 有老道士请问. 曰、使君不挈家. 而神色枯悴黧黑. 殆有妖气如何. 刘初讳不答. 再三言之. 乃以买妾对. 道士曰、非人也. 将不可治. 今以二符相与. 逮夜宜悬于户外. 渠当不敢入. 刘以符归. 夜未半. 妇人至. 怒骂曰、相待如夫妇. 何物道士乃尔. 吾去即去. 无忆我. 刘不能割爱. 亟起取符坏之. 终不寤生人何以畏

---

¹³ Молебен о спасении духов земли и воды (кит. Шуйлуфахуэй, 水陸法會) – важнейший ритуал в китайском буддизме, проводился с целью облегчения кармы всех живых существ.

¹⁴ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 339

符。复绸缪如初。又数日、道士入府问讯。望见刘。惊惋曰、弗活矣。柰何柰何。然当令使君见之。命取水数十担覆于堂。其一隅方五六尺许。水至即干。掘之。但巨尸偃然于地。略无棺衾之属。僵而不损。刘审视。盖所偶妇人也。大恶之。不旬日而殁。王嘉叟说。得之于韩璘之子季明。

Лю Цзыян

Шел тридцать второй год Шаосин. Лю Цзыян был назначен начальником области Хэчжоу. В это время цзиньские солдаты снова вторглись во владения династии Сун, и несмотря на то, что в районе реки Хуайхэ было относительно спокойно, из соображений безопасности Лю Цзыян решил обосноваться в Хэчжоу без своей семьи.

В областное управление часто заходила женщина исключительной красоты, и Лю Цзыян был крайне заинтригован ее появлениями. Ему было интересно, кто она такая и он не раз пытался с ней поговорить. Как-то раз во время разговора Лю Цзыяну показалось, что женщина пытается соблазнить его, воодушевленный, Лю стал открыто проявлять к ней больше внимания и в конце концов у них завязались отношения, которые продолжались несколько месяцев

Однажды Лю Цзыян отправился в храм Тяньцин, чтобы поклониться и принести жертвы. Когда Лю потушил благовония и собирался возвращаться, к нему подошел даос и заинтересовался его самочувствием:

– Я слышал вы приехали сюда совсем один, без семьи. Вид ваш изнеможенный, лицо темное. В чем дело? Не злой ли дух вас часом охмутил?

Лю сначала уклонился от ответа и хотел поскорее распрощаться, но даос настаивал. В конце концов, Лю признался:

– Я не привез с собой семьи, поэтому я купил здесь наложницу.

– Эта женщина, которую вы встретили – не человек, если вы и дальше будете с ней жить, то злой дух окончательно завладеет вами и вас уже будет не

спасти. Даос протянул ему что-то в руке:

– Возьмите амулет и повесьте его ночью у его двери, вот увидите, она не посмеет войти.

Лю вернулся домой с амулетом, и сделал как сказал даос. Еще не было полночи, женщина явилась и встала около двери, она была в ярости и стала ругаться:

– Мы так долго жили с тобой как муж и жена и сейчас ты веришь этому старому даосу, а обо мне забыл! Я уйду навсегда и больше не вернусь, так и знай!

Стоило женщине это произнести, как Лю Цзыан тут же выбежал, снял амулет и уничтожил его. Он не смог отказаться от своих чувств, ведь успел сильно привязаться к ней. Женщина вошла в дом, и они продолжили жить вместе, как и было прежде

Через несколько дней даосский священник, с которым общался Лю приехал в областной центр и зашел к нему в дом, чтобы справиться о его состоянии. Он был потрясен, увидев Лю:

– Что вы наделали? Почему вы не поступили так, как я вам велел? Теперь уже никак нельзя исправить ситуацию, но нельзя позволить злomu духу и дальше продолжать вредить людям!

Закончить говорить даос послал людей за водой, и после, произнеся заговор, он влил несколько ведер на землю. Весь зал наполнился водой, кроме одного угла, где влага тут же испарилась. В этом месте стали копать и обнаружили женский труп. Тело женщины окоченело, но выглядело оно так, будто она умерла совсем недавно и нисколько не разложилось. Когда ее лицо разглядели, оказалось, что это была та женщина, с которой жил Лю.

Через десять дней Лю Цзыан скончался. Эту историю рассказал мне Ван Цзясуо, который услышал ее от сына Хань Цзи, Хань Цзимина.

5.陈王猷子妇¹⁵

潮州人陈王猷。为梅州守。子妇死焉。葬之于郡北山之上。其魂每夕归。与夫共寝。夫惧宿于母榻。妇复来即之。不可却。虽家人相见。无所避。一子数岁矣。韶秀可爱。每欲取以去。举家争而夺之。妇出入自若。陈氏甚惧。乃召道士醮设及祷于神。皆不能遣。时绍兴庚午三月也。又三月。陈守卒于郡。

Жена Чэнь Ванью

Чэнь Ванью, уроженец Чаочжоу, был начальником области Мэйчжоу. Жена его умерла, и похоронили ее на вершине горы в северной части уезда. Каждую ночь ее призрак приходил в дом и ложился спать рядом с мужем. Чэнь до того боялся покойницы, что от страха приходил ночевать в комнату матери, и засыпал с ней в одной кровати. Тем не менее, жена возвращалась, и ничто не могло ее остановить. Члены семьи видели ее облик, но им некуда было идти, поэтому приходилось уживаться рядом с умершей. В семье был ребенок, которому было несколько лет, милый и обаятельный мальчик. Однажды жена Чэнь заявила, что хочет забрать ребенка себе, все сильно напугались, это вызвало раздоры и панику, семья боялась ее, но не могла ничего поделать. Покойница же приходила в дом и вела себя так, будто бы ничего и не произошло. Затем они призвали даосских священников для того, чтобы те провели обряд экзорцизма и вознесли молитвы богам, но никто из них не смог изгнать ее дух.

Происходило все это в марте на седьмом году под девизом правления Шаосин. Три месяца спустя скончался сам начальник области Чэнь.

---

¹⁵ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С.373

6.宋固杀人报¹⁶

成都人宋固。为县之文学。乡耆长有病者。困卧境上。时大观四年。朝廷方行安济法。若有病者。则里正当任责。固惮于闻官。诱令过双流县牛饮桥。觉病者怀中有所挟。搜之得银十余两。乃取之。而推堕其人桥下。戒其徒勿得言。居无何。复至前处。失脚堕水中死。其尸出下流五十里外沙碛中。与病者尸合。若相抱持者然。三事王时亨说。

Доклад об убийстве Сун Гу

Сун Гу, уроженец Чэнду, был литературным цензором у себя в уезде. В его деревне жил пожилой сельский житель, который сильно болел уже на протяжении долгого времени, в его роду не было людей, которые бы могли помочь ему. На четвертом году под девизом правления Дагуань¹⁷, императорский двор издал закон об оказании помощи больным, по положениям которого местные чиновники стали ответственны за уход за больными в своем уезде. Гу знал, что в его уезде есть только один мужчина, который нуждается в помощи и побоялся, что его заставят ухаживать за ним. Он заманил больного к мосту Ньюинь в уезде Шуанлю, и наказал взять все имеющиеся у него ценности с собой.

Когда больной пришел, Гу накинулся и отобрал у него более десяти лянов серебра. Затем Гу столкнул мужчину с моста, и пригрозил своим сообщникам, чтобы те никому не проболтались. Прошло некоторое время и Гу, прогуливаясь, случайно набрел на место своего преступления. Ни с того ни с сего он поскользнулся, упал в воду и утонул. Его тело было найдено ниже по течению, примерно в пятидесяти милях от моста Ньюинь, рядом с телом больного. Они лежали в обнимку, будто умерли вместе. Этот случай был описан Ван Шихэном.

---

¹⁶ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上): Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С.479

¹⁷ Девиз правления императора Чжэнь-цзуна (1107-1110)

7.李南金¹⁸

乐平士人李南金、绍兴二十七年登科。才唱名。罢归旅舍。梦二女子执板歌词以侑酒。曰、君是园中杨柳。能得几时青。金明春光尚好。尊酒赏闲情。它年归去。强山阴处。一枕晓霞清。觉而记其语。不晓强山为何处。既调官。得光化军教授未赴。来谒提点坑冶李植。献新发铁山。自督工烹炼。一日见巨蛇仰首向炉。如有所诉。李戒坑户勿得害。既而杀之。它日、又有蛇其大如柱。来冶处。傍小蛇千余随之。结为大团。巨蛇跃起前高丈余。李犹令仆持杖捶之。仆不敢前。又遣人归家取敕告。置地上。蛇径行不顾。李甚骇。即觉体中不佳。遂归。先是其家人梦一姥来寻李教授。曰、枉杀我儿。及是知其不可起。数日而卒。

Ли Наньцинъ

Ли Наньцинъ, ученый из Лэпина, сдал императорский экзамен на двадцать седьмом году под девизом правления Шаосин. Получив признание, он отправился домой, и по дороге решил заночевать на постоялом дворе.

Ночью ему приснились две девушки, с деревянными дощечками в руках, они угощали его вином и слагали стихи:

Уже ивы в саду потеряют свой цвет,

Но ваши побеги еще зеленеют.

Весеннего солнца полуденный свет!

В вине и довольствии нас приютил он.

Наступит пора возвращаться домой,

На склонах Цяньшань, в тени пышных гор

На мягкой подушке из облаков

¹⁸ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 487

На рассвете вы пробудитесь.

Проснувшись, он вспомнил их слова, но не мог понять, о какой горе Цяньшань они говорили.

После распределения на государственную службу Ли Наньцинъ был назначен военным инструктором в Гуанхуа. Еще не приступив к своим обязанностям, он пришел засвидетельствовать свое почтение руководителю горного дела и металлургии Ли Чжи. Тот показал ему груды недавно добытой железной руды.

Ли Чжи лично руководил работами по выплавке и рафинированию. Однажды он увидел, как из печи выползла огромная змея и подняла голову, как будто хотела что-то сказать. Ли предупредил шахтеров, чтобы те не причиняли вреда змее, но позже сам же убил ее. На другой день на месте плавки снова появилась змея, но на этот раз величиной с целый ствол дерева, ее сопровождали тысячи маленьких змеек. Гигантская змея подпрыгнула на высоту более чжана¹⁹. Ли приказал своему слуге ударить ее палкой, но слуга не осмелился к ней приблизиться. Затем он послал кого-то за деревянной табличкой и положил ее на землю. Змея проигнорировала табличку и продолжила свой путь. Ли был в ужасе и не понимал, что делать. Через некоторое время змея исчезла. Когда Ли вернулся домой, то почувствовал себя плохо и слег от болезни, никто не мог сказать, что с ним. Затем выяснилось, что за несколько дней до происшествия одному из членов его семьи приснилось, как к Ли пришла пожилая женщина и сказала: "Ты несправедливо убил моего ребенка". Когда они узнали о его произошедшем, то помочь уже было нельзя. Через несколько дней Ли умер.

8. 赵七使²⁰

---

¹⁹ Чжан (丈) — это китайская мера длины, равная 3,33 м.

²⁰ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 505

宗室赵子举、字升之。壮年时、丧其妻。心恋恋不已。于房中饰小室。事之如生。夜独宿次。觉有从室中启户出者。恐而呼侍婢。婢既寤复寝。须臾间已至床前。牵帐低语曰、莫怕莫怕。我来也。时精爽顿昏。不知死生之隔。遂与共寝。欢如平生。自是日日至。每饮食必对案。仆妾辈从旁窥之。无所见。但器中物亦类有人残余者。缱绻益久。意中愤愤。渐不喜食。行步言气衰劣。然未尝与人言。有道人乞食过门。适见之。叹曰、君甘与鬼游。独不为性命计。吾能行天心王法。今以授君。努力为之。鬼不攻自退矣。子举洒然悟。即再拜传受。绘六甲六丁像。斋戒奉事唯谨。妻犹如故态。颇亦不乐。时时长吁。如不得志者。又半年。涕泣辞诀。曰、久留恐坏君法。吾去矣。遂绝不至。子举从此奉法愈力。为人治病辄验。建炎二年。予妻族张氏、避地自京师南下。寓居扬州龙兴寺。先是有祖姑嫁赵氏。夫为绛州守。未赴。居太原。值虜骑围城。姑陨于炮下。又有八叔者、为贼所得。齑食之。是岁妻祖母田氏病。仿佛见此两人在窗外。子举适同居寺中。外舅以事告之。子举焚香祷请。久而言曰、是一男子。一妇人。皆以非命死。然是公家戚属。不宜加罪。当以酒币善遣之。如其言。病亦寻愈。

История выходца из рода Чжао

Жена выходца из знатного рода Чжао Цзыцзюя умерла в молодом возрасте. Чжао очень любил свою жену и за то небольшое время, что они прожили вместе, он очень привязался к ней. В доме он специально обставил для нее маленькую комнату, как будто она все еще была жива. Однажды ночью, когда он был один в постели, он почувствовал, что кто-то открывает дверь изнутри комнаты. Испугавшись, он позвал свою служанку. После того, как девушка успокоила его и он снова заснул, кто-то подошел к кровати, осторожно отодвинул занавеску и прошептал:

– Не бойся, не бойся. Это же я.

Чжао осознал, что это был голос его покойной жены. Он растерялся и не знал, что ему делать, его сознание помутилось, он не понимал, умер он или жив.

Жена легла рядом и провела с ним ночь. Так продолжалось день за днем, они снова были счастливы, как и прежде. Когда он ел, жена приходила и садилась напротив него. Слуги не замечали ничего необычного, за исключением того, что посуды и столовых приборов после приема пищи оставалось в два раза больше. Так они были неразлучными долгое время. Со временем у Чжао стал пропадать аппетит и силы, казалось, что он стал хуже соображать, с каждым днем он становился все слабее и слабее. Однако сам он никогда никому об этом не рассказывал.

Однажды к его двери подошел нищий даос, просящий милостыню. Увидев его, даос вздохнул и сказал:

– Как вы, господин, можете так открыто водиться с призраками, не заботясь о своей собственной жизни. Я знаю несколько заклинаний, которые могут вам помочь, я обучу вас, только тогда вы сможете избавиться от наваждения.

Цзыцзюй в испуге осознал, о чем говорит даос, поклонился и согласился принять помощь. Даос нарисовал в доме пары циклических знаков и подробно рассказал, что нужно делать. Чжао соблюдал строгий пост и тщательно совершал богослужения. Внешность его жены не изменилась, но она казалась несколько несчастной, часто вздыхала, как будто была разочарована чем-то. Так прошло полгода. В один вечер жена со слезами на глазах подошла к Чжао и поникшим голосом сказала:

– Я боюсь, я должна покинуть вас. Мое длительное нахождение рядом нарушит вашу практику и в конце концов может принести неприятности.

После этого она больше не приходила. С тех пор Чжао Цзыцзюй стал работать усерднее в своей духовной практике, и приобрел дар врачевания.

На второй год под девизом правления Цзяньян²¹ моя жена²² вместе с

---

²¹ Девиз правления императора Гао-цзуна (1127-1130)

²² Автор о себе.

семьей Чжанов бежала от цзиньской армии на юг и поселилась в храме Лунсин в Янчжоу.

В прежние времена предок из рода Чжао взял в жены девушку из семьи Чжанов. Как-то его назначили губернатором Цзянчжоу, и пока он еще не вступил в должность, семья его жила в Тайюане, который находился под осадой вражеских войск. Как раз в то время, когда армия цзиньцев окружила город, предок Чжао был схвачен и съеден, а жена его погибла под обстрелом.

Когда жена моя приехала в Лунсин, ее бабушка, Тянь, тяжело заболела. Ей показалось, что она видела двух покойников за окном своего дома. Об этом рассказали Чжао Цзыцзюю, который в то время находился в храме. Он воскурил благовония и горячо помолился. Через некоторое время он сказал: «Снаружи стоят мужчина и женщина. Это родственники вашей семьи, оба трагически погибли. Мы должны предложить им вина и денег, чтобы они ушли».

В результате семья Чжан последовала совету Чжао Цзыцзюя, и состояние госпожи Тянь улучшилось.

9. 秀州司录厅²³

秀州司录厅多怪。常有著青巾布袍。形短而广。行步迟重者。又有妇人。每夜辄出。惑打更吏卒者。先公居官时。伯兄丞相方九岁。白昼如有所见。张目瞪视。连称水水。移时方苏。后两日、公晚自郡归。侍妾执公服在后。忽大呼仆地。公素闻鬼畏革带。即取以缚妾。扶置床。久之乃言曰、此人素侮鬼神。适右手持一物。甚可畏。谓带也。我不敢近。却不知我从左边来。方幸擒执。又为官人打钟馗阵留我。我即去。愿勿相苦。问汝何人。不肯言。至于再三。乃曰、我嘉兴县农人支九也。与乡人水三者。两家九口。皆以前年水灾漂饿。方官赈济活人时。独已先死。今居于宅后大树上。前日小官人

²³ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 536

所见。乃水三也。公曰、吾事真武甚灵。又有佛像及土地灶神之属。汝安得辄至。曰、佛是善神。不管闲事。真圣每夜被发杖剑。飞行屋上。我谨避之耳。宅后土地。不甚振职。唯宅前小庙。每见辄戒责。适入厨中。司命问何处去。答曰、闲行。叱曰、不得作过。曰、不敢。遂得至此。公曰、常时出者二物为何。曰、青巾者、石精也。称为石大郎。正在书院牕外篱下。入地三尺许。妇人者、秦二娘。居此久矣。公曰、吾每月朔望。以纸钱供大土地。何为反容外鬼。汝为我往问。明日当毁其祠。曰、官岂不晓。虽有钱用。柰腹中饥馁何。我入人家有所得。必分以遗之。故相容至今默默。食顷复言曰。已如所戒。白之土地。怒我饶舌。以杖驱我出。公曰、曾见吾家庙祖先否。曰、每时节享祀。必往观。闻饮食芬芬。欲食不得。列位中亦有虚席者。唯一黄衫夫人。见我必怒。又使往覘。俄气喘色变。徐乃言曰、方及门。为夫人持杖追逐。急反走。仅得脱。所谓夫人者、曾祖母纪国也。公问所须。曰、鬼趣苦饥。愿得一饱饌。好酒肥鹅。与众人共之。无如常时以瘦鸡相待也。语毕竦然倾耳。如有人呼之。遽曰、土地震怒。逐我两家出。今暂止城头。无所归托。愿急放我归。自此不敢复来矣。乃解其带。妾昏睡经日。乃醒。

Зал регистратора в Сючжоу

В зале регистратора в Сючжоу происходили странные явления. Часто здесь можно было встретить низкорослого мужчину в тюрбане и наряде эпохи Тан, он ходил медленными тяжелыми шагами. Была также женщина-обольстительница, которая появлялась каждую ночь и завлекала к себе ночных сторожей и солдат.

Когда мой²⁴ покойный отец занял эту должность, моему старшему брату, будущему старшему советнику, было всего девять лет. Среди бела он вытаращил глаза и уставился на нас так, будто он что-то увидел и закричал: «Воды! Воды!» Через некоторое время он пришел в себя.

Два дня спустя мой отец поздно вернулся домой с работы. Наложница

---

²⁴ Автор о себе.

схватила его сзади за халат, громко вскрикнула и упала на землю. Отец сразу заподозрил что-то неладное, он взял кожаный ремень, которого так боялся призраки, связал им наложницу и отнес ее на кровать. Наложница долго молчала, и после заговорила не своим голосом:

– Эта особа и раньше оскорбляла призраков и духов, сейчас я хочу наказать ее. Только что она держала что-то в правой руке, и сначала я не осмелился к ней приблизиться, но потом я подошел слева и поймал ее. И тут вы, со своими методами Чжун Куя²⁵ заманили меня в ловушку. Если вы отпустите меня сейчас, то я сразу же уйду и обещаю, что никогда не посмею снова вас беспокоить.

Его спросили:

– Кто ты такой?

Призрак отвечать отказался, пока, наконец, после нескольких попыток его разговорить не сказал:

– Меня зовут Чжицзю, я крестьянин из уезда Цзясин. В нашей деревне у меня и у моего знакомого Шуйсяня две семьи по девять человек погибли год назад. Мы пострадали от наводнения и голодали, но, когда правительство выделило продовольствие для оказания помощи, мы все уже умерли от голода. Теперь я живу на большом дереве за вашим домом, на днях ваш сын видел моего знакомого Шуйсяня.

Отец ответил:

– Я поклоняюсь богу Истинной воинственности²⁶, в доме повсюду стоят статуи Будды, изображения Бога Земли и Бога Очага²⁷. Как тебе удалось сюда пробраться?

---

²⁵ Чжун Куй (鍾馗) - даосское божество в китайской мифологии, традиционно считающееся победителем призраков и злых существ, сильнейший защитник от бесовских наваждений.

²⁶ Бог Истинной воинственности (кит. Чжэнью, 真武) божество в даосизме, в древнекитайской мифологии так же встречается как Владыка Севера, один из пяти небесных государей (кит. У ди, 五帝).

²⁷ Бог очага (кит. Цзаошэнь, 灶神) в китайской религии, отчитывается в загробном мире о поведении семьи, в его власти даровать бедность или богатство отдельным семьям, также является защитником дома от злых духов.

– Будда – доброе божество, и его не беспокоят такие мелочи как мы, призраки. Владыка Чжэньбу, вооруженный посохом и мечом, каждую ночь пролетает над крышей. Я старательно избегаю его. Что касается Бога Земли, чье святилище стоит на заднем дворе, то он плохо справляется со своей работой. Только выстроенное святилище в честь предков перед домом может преградить мне путь. Когда я захожу на кухню, Бог Очага спрашивает у меня, куда я иду. Я отвечаю: "Просто брожу по окрестностям. Он лишь наказывает мне: "Ты не должен плохо себя вести". А я ему говорю: "Я и не смею", - и таким образом ухитряюсь попасть сюда.

– Знаешь ли ты тех двух призраков, которые часто появляются здесь?

– Тот, что в синем тюрбане, – это каменный дух, которого называют Даланом. Он часто ходит возле библиотеки и прячется примерно в трех футах под землей. А женщину зовут мачеха Цинь, она живет здесь уже давно.

– Пятого числа каждого месяца я сжигаю бумажные деньги для Бога Земли, но он позволяет чужим духам входить и выходить по своему желанию. Как же так получается? Завтра же я пойду и уничтожу его святилище, предупреди его.

– Разве чиновник не знает? Хотя у Бога земли есть деньги, которыми он может распоряжаться, ему часто нечего есть. Когда я захожу к вам в дом, я преподношу ему еды и вина, так что мне удается задабривать его.

Призрака отпустили, чтобы тот поговорил с Богом Земли, и когда он снова вернулся, то был очень расстроен:

– Бог Земли назвал меня болтливым и хочет прогнать меня прочь. Мне больше нельзя здесь оставаться.”

Отец снова спросил, видел ли он предков нашей семьи. Призрак ответил:

– Всякий раз, когда вы приходите к святилищу, чтобы принести жертву предкам, я бываю там. Я просто чувствую запах вина и риса, но не осмеливаюсь даже подойти. Среди ваших предков есть госпожа в желтой рубашке, она

сердится всякий раз, когда видит меня. Она посылает кого-то прогнать меня, и я едва успеваю убежать.

Женщина, описанная призраком – это моя прабабушка, госпожа Цзи Го. Мой отец спросил, что ему нужно, и он ответил:

– Призраки страдают от голода и жажды. Я бы хотел вкусно поесть и выпить вина вместе со своей семьей. Было бы хорошо, если бы вы смогли приготовить для меня гуся, это лучше, чем, как обычно, довольствоваться тощим цыпленком.

Сказав это, он вздрогнул и стал прислушиваться, как будто кто-то его окликнул. Внезапно он сказал:

– Бог Земли разгневан и изгоняет обе наши семьи вон. Теперь мы временно остановились на городской стене, и нам некуда идти. Пожалуйста, позвольте мне поскорее вернуться. Я больше не осмелюсь сам прийти сюда.

Отец развязал наложницу, та проспала несколько дней, и только потом очнулась.

10. 葛师夔²⁸

葛师夔、为洪州武宁簿。入府白事。泊于上蓝寺。欲以迟明上谒。时方六月。恶从吏同室挠睡。独设一榻。扃户而寝。但小吏在户外。余皆宿水陆堂。就枕未几。闻蹋床上人鼾睡。叱之稍止。才欲寐。则声复厉。葛伸手取溺器。正触其身。甚怒。须天明治之。洎鸡唱。外报可起。既下床。鼾者尚不动。葛出户。呼小史以灯入。验为何人。史骇叫曰、死汉也。奔出外。尽呼宿直者与主僧来观。乃一男子。戴乌帽皂袍束带。偃然其上。奄奄无喘息。僧识之。惊曰、是寺中素所往来者。死已五日。昨敢于寺后。何以能至此。急邀其子视窆处。棺空矣。他日。又至寺。憩方丈中。主僧相就夜语。葛偶及故人刘

²⁸ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 541

县丞数岁无消息者。僧盖与刘善。指卧榻曰。丞死于别室。其妻则终此榻也。葛初不知此。颇惧。然不克徙。既寝。展转不寐。闻击床屏者三。心矍然。强呼曰、若是故人。何惜明告。即连扣数声。大呼葛字曰、鸣道安乐否、葛蒙被亟走出。明日迁居。绍兴甲子。葛为余干丞。与予言。今追书之。失刘丞姓字矣。

Гэ Шикуй

Гэ Шикуй был уездным регистратором в Унин, что в области Хунчжоу, однажды летом он отправился с докладом в областной центр, чтобы сообщить о служебных делах. По дороге он остановился заночевать в буддийском монастыре Шаньланьсы, и планировал задержаться там до рассвета, чтобы утром просить аудиенции. Он не хотел, чтобы сопровождающие его чиновники жили с ним в одной комнате, и чтобы хорошо выспаться он оставил в комнате лишь свою лежанку и запер дверь. Остальная свита жила в зале для проведения молебна о спасении духов земли и воды.

Как раз в тот момент, когда он собирался заснуть, он услышал, как кто-то громко храпит на соседней кровати. Он прикрикнул, и храп ненадолго прекратился. Однако, стоило ему снова задремать, как храп возобновился, и на этот раз еще громче. Гэ протянул руку за ночным горшком, но случайно коснулся тела мужчины на кровати. Гэ очень разозлился и решил разобраться с ним утром. Пропели петухи, Гэ Шикуй проснулся и заметил, что человек, который храпел на кровати, все еще лежит неподвижно. Гэ вышел и позвал своих подчиненных, чтобы те принесли лампу и опознать храпящего. Слуга в испуге воскликнул: "Это же мертвец!" – он выбежал на улицу, призывая ночных сторожей и старшего монаха прийти и посмотреть.

Покойник лежал неподвижный и бездыханный в подпоясанной черной рясе, на голове - черная шляпа. Монах узнал его и в ужасе вскрикнул:

– Этот человек умер пять дней назад. Он часто посещал наш монастырь.

Вчера его похоронили за храмом. Как он мог здесь оказаться?

Они пригласили сына покойника, чтобы осмотреть место захоронения, но когда гроб открыли, внутри никого не оказалось.

Прошло некоторое время и Гэ Шикуй снова оказалась в тех краях, он остановился в храме и заночевал в келье настоятеля. Ночью Гэ и монах разговорились, и наш чиновник поведал ему историю о том, что недавно случайно встретил старого друга, уездного судью Лю Сяньчэна, который пропал без вести несколько лет назад. В ответ на эту историю монах указал ему на кровать, сказав:

– Вы, наверное, что-то путаете. Судья Лю умер в другой комнате, а его жена умерла на той кровати, на которой спите вы.

Гэ обуял неистовый ужас, он остолбенел и не мог пошевелиться. Когда он немного успокоился, то долго ворочался и не мог уснуть. Вдруг он услышал три удара в полог кровати, и его сердце бешено заколотилось. Собравшись с духом, он громко крикнул:

– Если ты мой старый друг, почему ты стесняешься предстать передо мной?

Под кроватью снова застучали, раздался голос, который позвал Гэ по имени. Голос спросил:

– Счастлив ли ты, Гэ Шикуй?

Гэ Шикуй испугался, выбежал, завернувшись в одеяло, и на следующий день покинул храм Шаньланьсы.

В годы под девизом правления Шаосин Гэ Шикуй служил судьей уезда Юйгань и рассказал мне эту историю.

11. 栏街虎²⁹

赵清宪公父元卿。为东州某县令。有妇人亡赖健讼。为一邑之患。称曰栏街虎。视笞挞如爬搔。公虽知之。然未尝有意治也。会其人以讼事至廷。诘问理屈。遂杖之。数至八而毙。即日见形为厉。行步坐卧。相追随不置。虽饮食亦见于杯盘中。公殊以为苦。既罢官。过岱岳入谒。女鬼随之如初。暨登殿。焚香再拜。犹立其旁。公端笏祷曰、元卿受命治县。以听讼为职。此妇人自触宪罔。法当决杖。数未讫而死。邂逅致然。非过为惨酷杀之也。而横为淫厉。累年于兹。至于大神之前。了无忌惮。神聪明正直。愿有以分明之。使曲在元卿。不敢逃谴。如其不然。则不应容其久见苦也。祷毕又拜而起。遂无所见。赵公之孙恬说。

Тигрица Ланьцзе

Когда Чжао Гун был начальником уезда в Шаньдуне, там жила женщина-мошеница со свирепым деспотичным характером. Люди часто подавали на нее судебные иски, за что ее избивали розгами на глазах у всего уезда. В народе ее прозвали "Тигрица Ланьцзе", так как следы от розг на ее спине напоминали полосы на теле у тигра. Чжао Гун слышал о ней давным-давно, но никогда не придавал этому делу большого значения. Однажды на нее подали в суд за какой-то незначительный проступок, но так как жаловались на тигрицу Ланьцзе постоянно, и обуздать ее буйный нрав обычными наказаниями было невозможно – ее приговорили к смертной казни. После восьмого удара розгами женщина скончалась.

В тот же день в уезде начали происходить странные явления, призрак тигрицы Ланьцзе стал появляться и сеять хаос среди мирных жителей, пока наконец не нашел свою добычу в лице Чжао Гуна и стал неотступно следовать за ним. Куда бы он ни пошел, Ланьцзе шла позади, даже во время еды её

²⁹ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 548

присутствие было ощутимо. Это было невыносимо, и Чжао Гун не мог этого терпеть. Он ушел в отставку и отправился на гору Тайшань, чтобы поклониться и совершить ритуалы. Призрак женщины всегда был рядом. Поднявшись в храм, он зажег благовония и дважды поклонился. Держа в руках свою табличку, он в молитве обратился к Владыке Дуньюэ:

– Мне было доверено управлять уездом, и рассмотрение судебных исков было моей обязанностью. Эта женщина сама нарушила закон и была справедливо наказана розгами, хотя и умерла до того, как приговор был приведен в исполнение. Ее смерть стала следствием справедливого наказания за преступление, а не преднамеренным жестоким убийством. Тем не менее, ее дух остается неустанным, и преследует меня годами, не испытывая страха даже в присутствии великих божеств. Я молю Вас о справедливости. Ежели виновен я, то не буду скрываться от наказания. Если нет, то ей следует уйти и больше никогда не появляться рядом со мной.

Закончив молитву, Чжао Гун поднялся и обернулся, призрака рядом не было, с тех пор он больше его никогда не видел. Эту историю рассказал мне внук Чжао Гуна, Тянь.

12. 刘正彦³⁰

宣和初. 陕西大将刘法. 与西夏战死. 朝廷厚恤其家. 赐宅于京师. 其子正彦. 既终丧. 自河中徙家居之. 宅屋百间. 西偏一位素多鬼. 每角门开. 必见紫衣金章人. 如唐巾帻. 裴回其中. 小童拱立于后. 亦时时来宅堂. 出没为人害. 正彦表兄某. 平生尚胆气. 无所畏. 独欲穷其怪. 乃书刺往谒. 置于门外. 少选门自开. 紫衣端笏延客入. 设茶相对. 仪矩殊可观. 询其何代人. 何自居此. 曰. 居此三百年. 在唐朝实为汴宋节度使. 以臣节不

---

³⁰ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 556

终。阖宗三百口。并命此处。至今追思。虽悔无及也。客曰、岁月如许。胡为尚沦鬼录。曰、负罪既重。受生实难。非得叛臣如吾者相代。未易可脱。客曰、为公徼福于释氏。作水陆法拯拔。以资冥路若何。曰、无益也。然且试为之。客退语正彦。他日。呼阇梨僧建道场于厅事。甫入夜。紫衣者据胡床而观。小童在傍几。执事之人无不见。僧独惧。振杵诵降鬼神咒。才出口。紫衣已觉。厉声呼小童曰、索命去。童趋而前。僧即仆地。如为物搏击。乃告曰、我实杀汝。焚其骨。以囊贮灰。挂寺浮图三级下砖隙中。无一人知之。今不敢隐。愿舍我。逾时乃醒。紫衣与童皆不见。问之元不知所言。此童盖为僧所捶杀。死后乃从紫衣者。僧见之故惧。至建炎中。正彦卒以逆诛。

Лю Чжэньян

В первые годы под девизом правления Сюаньхэ генерал из Шэньси Лю Фа погиб в битве против Западного Ся. Двор щедро вознаградил его семью, предоставив им большое поместье в столице. Его сын Лю Чжэньян после смерти отца перевез туда всех родных. Дом был огромным, в нем можно было насчитать более ста комнат, но в западной части всегда происходили необъяснимые вещи, и никто не осмеливался там жить. Люди, которые бывали в западной части, говорили, что там бродят приведения. Всякий раз, когда открывалась ворота, появлялась фигура мужчины в пурпурных одеждах, с головным убором, как у чиновника династии Тан. Он бродил по дому, а вслед за ним шел мальчик в полупоклоне. Они появлялись и потом вновь исчезали, часто пугая слуг.

Двоюродный брат Чжэньяна был человеком бесстрашным и решил сам разобраться в происходящем. Он написал письмо, в котором представился и выразил свои намерения, и просунул его в дверное отверстие. Вскоре дверь открылась сама по себе, и мужчина в пурпурных одеждах с табличкой в руках вежливо пригласил его войти, предложив чаю. Мужчина вел себя очень почтительно, он был крайне учтив и соблюдал все правила этикета. Двоюродный брат спросил:

– Из какой вы эпохи? Как давно вы живете здесь?

Мужчина в пурпурном рассказал:

– Я прожил здесь более трехсот лет. Во время династии Тан я служил военным губернатором в области Бяньчжоу. Я участвовал в заговоре против императора, в результате которого в этом месте погибло более трехсот человек. И как бы я ни сожалел о содеянном сейчас, все жертвы, включая меня приговорены к этому месту, уже нельзя ничего исправить.

– Прошло уже много времени, почему вы не можете переродиться?

– Мои преступления против двора были слишком тяжкими, такие поступки непрощительны, поэтому переродиться в таком случае практически невозможно, только если столь же плохой чиновник, как я займет мое место.

– Мы могли бы обратиться за благословением к буддийским монахам и провести для вас молебен о спасении духов земли и воды, это должно помочь вам обрести второе рождение.

– Я очень признателен вам, вы можете попробовать, однако, я думаю, это бесполезно в моем случае.

Тогда двоюродный брат рассказал об этом Чжэньяню. Позже они пригласили буддийского монаха, чтобы провести все необходимые ритуалы.

Как только наступила ночь, мужчина в пурпурном пришел на место церемонии и стал наблюдать. Маленький мальчик стоял рядом с ним, некоторые присутствующие могли их видеть. Монах, который руководил молебном, также увидел мужчину в пурпурной одежде и маленького мальчика. Лицо его в момент исказилось от ужаса, и вместо сутр по погибшим он внезапно стал читать заклинания по изгнанию злых духов. Как только заклинание было произнесено, мужчина в пурпурной одежде крикнул мальчику: «Иди, убей его!» Маленький мальчик немедленно подбежал к нему, и монах упал на землю, как будто его что-то сбilo с ног. Монах был без сознания, но через некоторое время заговорил как

в бреду:

– Да, это правда, это я убил тебя, а затем сжег твои кости, собрал твой пепел в мешок и положил его в трещину в стене храма. Никто не знал об этом. Теперь я не смею этого скрывать. Пощади меня!

Когда монах пришел в себя ни мужчины в пурпурной одежде, ни мальчика уже не было. Когда его спросили о том, что произошло, но он не мог вымолвить ни слова.

Оказалось, что ребенок был убит когда-то этим монахом и после своей смерти мальчик присоединился к мужчине в пурпурных одеждах, вот почему монах испугался и прервал церемонию молебна.

Период правления Гао-цзуна ³¹ Лю Чжэньян был казнен за измену.

13. 余杭宗女³²

唐信道、宣和五年。自会稽如钱塘。赴两浙漕试。馆于普济寺。寺后空室有旅榭。欲观之。僧止之曰、是中乃一妇人。棺半开半阖。时时出与人往来。非数人同入视不可。唐曰、岂有秀才畏鬼者乎。竟独往。棺上志曰、某王宫几县主之柩。盖距是时已四十年矣。一女子可二十许岁。粉黛铅华。如新傅者。容色与生人无少异。惊叹而出。还会稽。以语吴械材老。材老曰、是乌足为异哉。吾居余杭县寺中。亦有宗女柩寄僧坊者。每夕与僧饮酒歌笑。旁若无人。通衽席之好。迟明就木。僧必送之以往。如是二年。事浸闻其父。父怒。谋举而焚之。母梦女悲泣告曰、儿不幸死。而冥数当与僧合。自知淫秽。以贻父母羞。然腹已有孕。倘不得生子。则沉沦幽趣。长无脱期。愿少缓三月。使毕此缘。然后就焚。无害也。母亦泣而寤。以告夫。夫愈怒。曰、儿已死。乃与庸僧游。又欲为生子。吾不能受此辱。必焚之乃可。是夜母及一家人悉梦女来。如前诉之语而加苦切。申言至数四。明日合词白其父。父坚忍人

³¹ 1127-1130 гг.

³² 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上): Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 565

也。愈益怒。不俟所择日至。立呼凶肆之人。與薪厝火。斧棺而爇之。其腹蟠然。少焉折裂。果有嬰兒。已成形矣。信道说。

Девушка из Юйхана

На пятом году правления под девизом Сюаньхэ Тан Синьдао отправился из Гуйцзи в Цяньтан, чтобы принять участие в императорских экзаменах в Чжэцзяне. По дороге он остановился в буддийском монастыре Пуцзи. Один монах рассказал ему, что за храмом было пустое помещение, где хранились гробы, и Тан захотел заглянуть внутрь. Но монах предупредил:

Внутри помещения есть один женский гроб, его крышка наполовину открыта. Иногда покойница встает из гроба и выходит пообщаться с людьми. Нельзя ходить в комнату одному.

– Как может ученый бояться призраков?

И вопреки уверением монаха Тан пошел внутрь один. На гробу была надпись «Гроб такой-то принцессы второго ранга такой-то императорской фамилии», гробу было уже сорок лет. Девушке, лежавшей внутри на вид было около двадцати, макияж на лице был такой свежий, будто его только что нанесли, и внешность ее ничем не отличалась от внешности живых людей. Тан был не на шутку напуган и, вернувшись в Гуйцзи, он рассказал об этом У Юйцаю.

– Что в этом странного? Когда я жил в храме в уезде Юйхан, в монашеских покоях также стоял гроб с девушкой императорского рода. Каждый вечер она пила вино и ужинала с монахами, как будто так и надо. Она даже делила с ними постель. Когда наступал рассвет, монахи провожали ее обратно к гробу. Так продолжалось два года. В конце концов, ее отец узнал об этом и пришел в ярость. Он собирался приехать и сжечь тело, но ее мать увидела во сне как девушка плакала и умоляла: «Я трагически погибла и теперь моя судьба – быть с монахами. Я знаю, что навлекла позор на своих родителей своим аморальным поведением, но я беременна, и если я не смогу родить ребенка, то еще долго не

смогу переродиться. Пожалуйста, подождите еще три месяца, чтобы я смогла закончить то, что мне предначертано». Мать заплакала и проснувшись, рассказала об этом отцу девушки. Но отец еще более рассердился, закричав: «Наш ребенок уже мертв, а она продолжает ходить среди обычных людей как ни в чем не бывало и развлекается с монахами по ночам! Вон, хочет ребенка родить! Я не переживу такого позора! Я сожгу ее тело!» В ту ночь матери и всей семье приснилось, что дочь, как и прежде, пришла к ним, еще более настойчиво повторяя свою просьбу. Четыре ночи она являлась им во сне. На следующий день вся семья пытались уговорить отца не делать этого, но отец был непоколебим. Он пришел в ярость, и не дожидаясь благоприятного дня, он немедленно вызвал людей, которые принесли дрова, раскололи гроб и подожгли тело. Живот девушки был большой, и во время кремации люди увидели, что внутри него был уже полностью сформировавшийся ребенок.

Тан Синьдао сам рассказал мне эту историю.

14. 马妾冤³³

蜀妇人常氏者、先嫁潭州益阳楚椿卿。与嬖妾马氏、以妒宠相嫉。乘楚生出。捶杀之。楚生仕至县令死。常氏更嫁鄱阳程选。乾道二年二月。就蓐三日。而子不下。白昼见马妾持杖鞭其腹。程呼天庆观道士徐仲时咒治。且饮以法水。遂生一女。即不育而妾怪愈甚。常氏日夜呼晷。告其天曰、鬼以其死时杖杖我。我不胜痛。语之曰、我本不杀汝。乃某婢用杖过当。误尽汝命耳。鬼曰、皆出主母意。尚何言。程又呼道士。道士敕神将追捕之。鬼谓神将吾负至冤以死。法师虽尊。柰我理直何。旁人皆见常氏在床。与人辨析良苦。道士念终不可致法。乃开以善言。许多诵经咒为冥助。鬼颌首即舍去。越五日复出。曰、经咒之力。但能资我受生。而杀人偿命。固不可免。常氏曰、如是吾

³³ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 660

必死。虽悔之。无可柰何。然此妾亡时。有钗珥衣服。其直百千。今当悉酬之。免为他生之祸。呼问之曰、汝欲铜钱耶。纸钱邪。笑曰、我鬼非人。安用铜钱。乃买寓镪百束。祝焚之。烟绝而常氏殂。时三月六日也。

Месть наложницы Ма

Женщина по имени Чан родом из Сычуани вышла замуж за Чу Чуньцина из уезда Иян, что в области Танчжоу. Из-за ревности и соперничества она, обуянная завистью, забила до смерти любимую наложницу своего мужа по имени Ма, когда тот был в отъезде. Чу тогда служил уездным судьей и вскоре умер. Чан снова вышла замуж за Чэн Сюаня из Пояна, после чего сразу же забеременела.

В феврале на второй год правления под девизом Цяньдао³⁴, когда у нее вот-вот должны были начаться роды, она промучилась в течение трех дней, но так и не смогла разродиться. Среди бела дня к ней вилась наложница Ма и Чан увидела, как та, с палкой в руках бьет ее по животу. Чэн отправился в Тяньцингуань, чтобы разыскать даоса Сюй Чжунши.

Даос произнес заговор и дал ей выпить освященной воды. Позже она родила девочку, но та сразу же умерла. Чан плакала днями и ночами, а призрак продолжал появляться и мучать ее. Она кричала от сильной боли и беспокоила этим своих родных. Не выдержав, она рассказала мужу:

– Я больше не могу терпеть, это призрак наложницы Ма, она бьет меня той же самой палкой, от которой когда-то умерла. Мне так больно, уж лучше не жить, чем так мучиться.

Когда призрак снова пришел, чтобы ударить Чан, то та в отчаянии закричала:

– Я не хотела убивать тебя, это произошло случайно! Это служанка сильно

---

³⁴ Девиз правления императора Сяо-цзуна (1165-1173)

избила тебя, я здесь ни при чем!

– Ну уж нет, она делала это, потому что это вы повелели ей бить со всей силы! Что еще вы выдумаете?

Позже Чэн Сюань снова позвал даоса, который приказал духа-стражам проследовать и поймать призрака. Дух наложницы явился и высказал свои намерения, сказав:

– Я умерла несправедливо, у меня есть причина, чтобы мстить.

Другие видели, как Чан лежала в постели, обсуждая с кем-то свои страдания. Даос понял, что к призраку нельзя применить никакой закон, и поэтому попытался его задобрить. Он предложил прочитать заговоры и провести ритуалы, чтобы помочь наложнице. Призрак кивнул и удалился.

Пять дней спустя Ма вернулась со словами:

– Сила заклинаний может помочь мне только в перерождении, но убийство кого-либо влечет за собой возмездие.

– В таком случае я должна умереть. Хотя сейчас я и сожалею о сделанном, но уже ничего нельзя поделать. Когда ты умерла, то оставила после себя драгоценности и одежду стоимостью в целое состояние. Я должна вернуть их тебе, чтобы избежать неприятностей в следующей жизни. Могу ли я отдать тебе монеты?

– Я призрак, а не человек. Зачем мне ваши монеты?

Итак, они купили сто пачек бумажных денег и сожгли их в качестве подношения. Когда дым рассеялся, Чан скончалась. Это произошло шестого марта.

15. 沧浪亭³⁵

姑苏城中沧浪亭。本苏子美宅。今为韩咸安所有。金人入寇时。民入后圃避匿。尽死于池中。以故处者多不宁。其后韩氏自居之。每月夜。必见数百人。出没池上。或僧或道士。或妇人。或商贾。歌呼杂沓。良久必哀叹乃止。守宿老卒方寝。为数十人舁去临入池。卒陕西人。素胆勇。知其鬼也。无惧意。正色谓之曰。汝等死于此。岁月已久。吾为汝言于主人翁。尽取骸骨。改葬于高原。而作佛事救汝。无为守此滞窟。为平人害何如。皆愧谢曰。幸甚。舍之而退。卒明日入白主人。即命牛车徙池水。掘污泥。拾朽骨。盛以大竹槎。凡满八器。共置大棺中。将瘞之。是夕。又有一男子。引老卒入竹丛间。曰。余人尽去。我犹有两臂在此。幸终惠我。又如其处取得之。乃葬诸城东。而设水陆斋于灵岩寺。自是宅怪遂绝。二事皆子温说。

Сад Цанлантин

В городе Сучжоу находится сад Цанлантин, в котором когда-то жил Су Цзымэй, сегодня он принадлежит Хань Сяньаню. Во время нашествия в город армии Цзинь люди в панике искали убежища и прятались в саду за домом, многие из них в попытке сбежать утонули в пруду, и с тех пор в саду Цанлантин стали происходить странные вещи.

Когда в резиденции стала жить семья Хань, каждый месяц в полнолуние, как только наступала ночь, на поверхности водоема появлялись сотни людей, которые свободно гуляли вдоль сада. Среди них были монахи, даосские священники, женщины и торговцы, они пели и смеялись, создавая громкий гул. Через некоторое время песни сменялись горькими возгласами и вздохами, они падали на землю, словно пьяные. Под утро ночные сторожи, которые дежурили возле пруда, уносили их тела назад к водоему. Они знали, что имели дело с призраками, но вели себя храбро и бесстрашно, противостоя темной силе. В одну

³⁵ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 702

ночь они обратились к духам:

– Вы все здесь давным-давно умерли. Прошло много лет. Я поговорю с хозяином этого дома, и он соберет ваши кости, перезахоронит их на возвышенности и совершит буддийские обряды, чтобы вы упокоились и больше не появлялись здесь. Вам не следует приходить сюда и приводить в ужас обычных людей.

Призраки смутились:

– Большое спасибо вам, мы немедленно уйдем.

На следующий день охранники сообщили господину Хань о произошедшем. Он тут же заказал тележки и нанял людей. Воду из пруда высушили, выкопали грязь и глину – на дне водоема оказалось большое количество гнилых разложившихся человеческих костей. Их собрали в бамбуковые корзины, и когда все восемь корзин были заполнены доверху, все они были помещены в большой гроб и захоронены.

В тот вечер одному сторожу явился мужчина и повел его в бамбуковую рощу, сказав:

– Все мои родные уже спасены, но я не могу уйти вместе с ними. В этом месте хранятся две моих руки. Я прошу вашей милости помочь мне и захоронить их вместе с другими моими останками.

Его просьба была исполнена. В храме Линьянь провели молебен о спасении духов на земле и воде. С тех пор странные происшествия в резиденции прекратились. Оба инцидента были описаны Цзивэнем.

16. 光祿寺³⁶

---

³⁶ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 734

临安光禄寺。在漾沙坑坡下。初为官舍。吴信叟尝居之。其妻昼寝。有沙纷纷落面上。拂去复然。惊异自语曰。屋下安得此。则有自屋上应者曰。地名漾沙坑。又何怪也。吴氏惧。即徙出。蒋安礼为光禄丞。斋宿寺舍。因喷嚏。鼻涕堕卓上。皆成小木人。雕刻之工极精。揽取之则已失。顷之复尔。凡堕木人千百。蒋一病不起。杭人云。旧为伪福国公王宅。华屋朱门。积杀婢妾甚众。皆埋宅中。是以多物怪。今无敢居之者。王嘉叟说

Монастырь Гуанлу

Монастырь Гуанлу, что в Линьане, расположен чуть ниже песчаной впадины Янша. Первоначально в здании располагалась резиденция чиновников, но когда-то в нем жила семья У Синя. Однажды днем, когда его жена дремала, неожиданно с потолка на нее посыпался песок. Не придав большого значения, она смахнула его рукой, однако песок продолжал сыпаться. Она удивилась и пробормотала про себя: "Да как может в доме песок с потолка сыпаться?"

В этот момент сверху раздался голос, который произнес:

– Это место называется песчаная впадина Янша. Что может быть странного в песке?

Это происшествие повергло жену У в ужас, и вся семья их немедленно уехала из этого места.

Когда Цзян Аньли служил в Гуанлу, он жил в монастыре. В одну ночь, когда Цзян молился в своей келье, он чихнул и его носовая слизь попала на стол, образовав маленькие деревянные фигурки людей. Мастерство резьбы по дереву было чрезвычайно тонким и филигранным. Когда он попытался поднять их, они исчезли, но вскоре появились снова. Он снова чихнул, и деревянные человечки упали на землю. Сразу после этого случая Цзян заболел и так и не оправился.

Местные жители говорят, что резиденция раньше принадлежала принцессе Чжао Дофу. Здесь было множество великолепных зданий и богатых построек. Но

огромное количество убийств и издевательств над людьми превратили его в кладбище служанок и наложниц, похороненных на территории резиденции. Там обитает множество сверхъестественных существ, и постоянно происходят странные явления, и теперь никто не осмеливается там жить. Эту историю рассказал мне Ван Цзя.

17. 童银匠³⁷

乐平桐林市童银匠者。为德兴张舍人宅打银。每夕工作。有妇人年二十余岁。容貌可观。携酒肴出共饮。饮罢则共寝。天将晓乃去。凡所持器皿。皆出主人翁家。疑为侍婢也。不敢却。亦不敢言。往来月余。他人知之者。谓曰。吾闻昔日王氏少婢。自缢于此。常为惑怪。尔所见得非此鬼乎。幸为性命计。童甚恐是夜复以酒至。即迎告之曰。人言汝是自缢鬼。果否。妇人惊对曰。谁道那。遽升梁间。吐舌长二尺。而灭。童不敢复留。明日辞去。

Ювелир Тун Иньцзян

На рынке Тунлинь уезда Лэпин был ювелир по имени Тун Иньцзян. Как-то он поехал в Дэсин, чтобы изготовить серебряные изделия для дома семьи Чжан, где он и поселился пока выполнял заказ. Каждый вечер, к нему заходила девушка лет двадцати привлекательной наружности. Она приносила ему вино и еду, ужинала вместе с ним, они выпивали, после чего спали вместе до рассвета, но как только всходило солнце она тут же уходила.

Вся посуда, которую она приносила, была из дома хозяина, поэтому Тун думал, что это просто служанка, и ни разу не заподозрил неладное. После месяца таких посещений Тун поведал одному слуге об этой девушке и тот насторожился:

– Говорят, что в прошлом здесь повесилась молодая служанка из семьи Ван. Из-за нее часто происходят странные происшествия. Мог ли призрак, которого

---

³⁷ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 748

вы видели, быть ею?

Охваченный страхом, Тун наконец-то все осознал. В тот вечер к нему снова явилась молодая особа и принесла вина и еды. Тун аккуратно спросил:

– Люди говорят, будто в доме есть призрак повесившейся горничной, из-за него здесь порой происходят необычные явления. Не встречали ли вы его?

– Кто вам рассказал такое? – лицо девушки исказилось от ужаса. Она быстро вскарабкалась вверх по стене, высунула язык длиной в два чи³⁸, и исчезла.

Тун не осмелился больше оставаться в доме Чжанов и уехал на следующий день.

18. 蜀州女子³⁹

彭州人苏彦质。为蜀州录事参军。有女年八九岁。因戏于床隅。视地上小穴通明。探之以管陷焉。走报其父。持长竿测之。其深至竿抄不能极。及取出。有败绛帛挂于上。大异之。呼役夫斫其地。逾丈许。得枯骸一躯。首足皆备。即敛而葬诸原。明日。忽有好女子游于室中。家人逼而问之。辄避入壁罅。终莫得致诘。是时郡有陈愈秀才者。从阆中来。善相人。且能以道术却鬼魅。召使视之。俄一妇人至。曰。妾本汉州段家女。许适同郡唐氏。将嫁矣。而唐氏以吾家倏贫。竟负元约。既不得复嫁。遂卖身为此州费录曹妾。不幸以颜色见宠于主人。为主母生瘞于地下。阅数年矣。非苏公改葬。当为滞魄。但初出土时。役者不细谨。锄妾胫骨欲断。今不能行。不得已留此。非有他也。陈曰。欲去何难。吾为汝计。取纸翦成人形。曰。用以馱汝。乃笑谢而退。是夜彦质嫂。梦一仆夫背负此女来。再拜辞去。二事皆黄仲秉说

Девушка из Шучжоу

³⁸ Чи (尺)- китайская мера длины, равная 33,33 см.

³⁹ 29. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(上)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 1)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С.765

Су Яньчжи, уроженец Пэнчжоу, служил писарем в армии Шучжоу, у него была дочь девяти лет. Однажды, играя дома у кровати, она заметила на полу небольшое отверстие. Это было очень странно, они вызвали рабочих, чтобы те провели раскопки в этом месте. и на глубине одного чжана нашли человеческий скелет, кости не были повреждены. Они достали останки и похоронили его на возвышенности.

На следующий день в доме внезапно появилась красивая девушка.

Члены семьи спросили у нее:

– Кто ты, что ты здесь делаешь?

Но девушка испугалась, забилась в угол в стене и ничего не ответила.

В то время в уезде жил некий сюцай по имени Чэнь Юй, родом из Ланчжуна. Он разбирался в физиогномике и умел отгонять злых духов даосскими методами. Его пригласили, чтобы он разобрался в этих странных явлениях. Как только Чэнь Юй вошел в дом, девушка неожиданно явилась и представилась:

– Моя фамилия Дуань, родом я из Ханчжоу. Моя семья хотела выдать меня замуж за человека из семьи Тан из той же области. Однако, когда семья Тан узнала, что моя семья внезапно обнищала, они разорвали помолвку. У меня больше не было возможности снова выйти замуж, мне пришлось продать себя в наложницы некому Фэй Луцао из Шучжоу. К несчастью, Фэй Луцао благоволил ко мне из-за моей привлекательной внешности. Его жена сильно ревновала его ко мне и однажды, когда Фэй Луцао не было дома, она похоронила меня заживо. Мое тело пролежало под землей несколько лет. Если бы господин Су не перезахоронил мои останки, моя душа навсегда осталась бы здесь и стала бы неприкаянной душой. Я премного благодарна вам, однако когда меня выкапывали, один рабочий был очень небрежен и мотыгой сломал мне берцовую кость. Теперь я не могу ходить и у меня нет другого выбора, кроме того, как остаться здесь.

– Я подумаю, как можно тебе помочь, - сказал Чэнь.

Он вынул лист бумаги и вырезал из него человеческую фигуру, сказав:

– Возьми это, он будет поддерживать тебя, и ты сможешь ходить.

Девушка улыбнулась, поблагодарила всех, и затем покинула дом Су. В ту ночь невестке Су Яньчжи приснилось, что слуга принес девушку Дуань на спине, она поклонилась, и они пошли дальше.

Оба этих случая были описаны Хуан Чжунбином.

19. 利国圩工⁴⁰

政和中. 太平州修利国圩. 工徒甚众. 忽有鸦千数. 噪集于别埂之傍. 主役者异之. 使人验视. 乃一役夫已毙. 而鸦衔土以覆之. 蔽瘞几半. 又令启土. 于死者胸臆间. 得小卷轴. 乃金刚经也. 众莫不敬叹. 为徙诸高原. 敛而葬之. 旧事多有此比者.

Случай на плотине Лигосю

В период по девизом правления Чжэнхэ⁴¹ на строительстве плотины Лигосю в области Тайпинчжоу было занято большое количество рабочих. Внезапно возле одной из насыпей собралось тысячи ворон, они кричали и шумели, наполняя все пространство непрерывным гулом.

Начальник работ никогда не видел такого явления, он послал людей разобраться, что там произошло. Когда они пробрались сквозь море черных птиц, они обнаружили тело мертвого рабочего, которого вороны засыпали землей. Его тело уже было наполовину погружено в землю. На груди покойного обнаружили небольшой свиток. Это была Алмазная сутра. Все присутствующие проявили

---

⁴⁰ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С.903

⁴¹ Девиз правления императора Хуэй-цзуна (1111-1118).

большое уважение и восхищение. Затем покойника перенесли на возвышенность и похоронили со всеми полагающимися ритуалами. В прошлом было много подобных инцидентов.

20. 钱大夫妻⁴²

钱令望大夫之妻陈氏. 天性残忍. 婢妾虽微过. 必捶之. 数有死于杖下者. 其后卧疾. 有发语于冥暗中. 自言为亡妾某人. 具道欲杀陈之意. 钱君具衣冠. 焚香拜之. 且许诵佛饭僧助其超生以赎妻过. 妾答曰. 妾贱隶尔. 何敢当. 官人之拜. 但已诉于阴官. 必得县君一往乃可. 功德虽多. 无益也. 陈竟死.

Жена сановника Цяня

Госпожа Чэнь, жена сановника Цянь Линвана, отличалась жестоким нравом. Она наказывала горничных и слуг и по любому поводу велела бить несчастных плеткой. Несколько человек скончались, не выдержав побоев.

Позже, она сильно заболела и не могла вставать с постели. Ночью она разговаривала с кем-то в темноте, сознание ее помутилось, казалось, она не понимает, где сон, а где реальность. Вся семья беспокоилась о ней, и не знала в чем могла быть причина такого наваждения.

Однажды, когда все родные собрались вокруг больной, через уста ее заговорило приведение, которое представилась умершей служанкой и выразило свое намерение убить госпожу Чэнь.

Господин Цянь в полном церемониальном облачении воскурил благовония и совершил богослужение, пообещав читать буддийские писания и раздавать милостыню монахам, чтобы помочь ее душе переродиться и искупить грехи его

---

⁴² 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 903

жены.

На что служанка ответила:

– Я всего лишь скромная прислуга. Я не смогу этого принять. Не беспокойтесь, господин, о вашей милости, уже доложили подземным властям, но госпоже Чэнь пришло время самой ответить за свои грехи, только так справедливость восторжествует. Ваши старания бесполезны.

В конце концов, госпожа Чэнь вскоре умерла.

21. 朱氏乳媪⁴³

乡人朱汉臣。宣和中为太学官。其乳母死。 殓于僧庵。及还乡里。不暇焚其骨。朱妻弟李元崇景山。入京舍客馆。梦老妇人彷徨室中。明夜又梦。且泣诉曰。我朱家乳母也。不幸客死。今寄某坊某庵中。甚不便。愿舅挈我归。李白、庵中鼓柩不少。何以为志。曰、在庵之西偏。冢上植竹两竿。南者长而北者短。柩上所题字尚存。索之当可得。李既觉。不复寝。急取纸笔书之。迟明往访。寻至其处。如所言。以告守僧。出柩而焚之。裹遗烬付一仆。僧因言此中瘞者以百数。初来时。每夜闻歌叫嘻谑声。终则多叹泣。至明、所供器或东西易位。月夕尤甚。殆不安寝。今久矣。亦不复畏也。李归番阳。未至之三日。朱氏梦姬来。有喜色。曰、久处异乡殊寂寞。赖李二舅挟我归。将至矣。一家皆为哀叹。遣人迎诸涂。盛僧具以葬焉。

Кормилица семьи Чжу

Деревенский житель Чжу Ханьчэнь служил в столичном училище Тайсюэ в годы под девизом правления Сюаньхэ . Когда его кормилица скончалась, гроб с ее телом поместили в буддийский монастырь. Когда Чжу вернулся в родной город, у него не было времени кремировать ее останки.

⁴³ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下) : Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 976

Младший брат жены Чжу, Ли Юаньчун, отправился в столицу и по пути остановился на постоялом дворе. Ночью ему приснилась старая женщина, которая молча бродила по комнате. На следующий день она снова явилась ему во сне и заплакала:

– Я кормилица семьи Чжу. К несчастью, я умерла на чужбине и сейчас проживаю в таком-то квартале такого-то храма. Мне очень тяжело, и я бы хотела, чтобы Чжу отвез меня домой.

– Но в скиту находится немало гробов с телами, как мы сможем найти вашу могилу? – спросил Ли.

– Мое захоронение находится в западной части скита на холму, там, где стоит два бамбуковых столба - один пониже, другой повыше, вы увидите надпись с моим именем, так что сможете легко найти его.

Ли проснулся и сразу же записал все детали своего сна. На рассвете он отправился на поиски и нашел то место, о котором говорила старушка. Он рассказал обо всем местному монаху и тот помог ему извлечь гроб и затем они кремировали тело кормилицы. Пепел завернули и передали слуге.

Монах поведал, что в скиту том было около сотни подобных захоронений. Первое время каждую ночь они слышат пение и смех, но со временем они сменяются горькими вздохами и плачем. Расположение предметов в комнате меняется, особенно в полнолуние, из-за шорохов тяжело уснуть. Однако со временем они привыкли к этому и такие явления уже не приводят их в ужас. Через три дня после возвращения Ли в Поян жена Чжу увидела во сне старую кормилицу, которая поблагодарила за то, что дядя Ли привез ее обратно. Вся семья была рада ее возвращению и прислала людей, чтобы организовать погребение с буддийскими обрядами.

Через некоторое время Чжу Ханьчэню явилась во сне старушка с радостным выражением лица, и рассказала ему, что благодаря дяде Ли она вернулась домой.

22. 华严井鬼⁴⁴

刘彦适、登第归。与其弟设水陆斋于永宁寺泗州院。会散、宿院中。阍黎僧继登、督其徒收拾供具。见客户不闭。责问僮奴。皆云二刘掩关寝久矣。秉烛巡视。室空无人。衾裯亦不见。疑为它往。而三门又已扃钥。登吒曰、必华严鬼也。亟命取铃杵往访焉。先是西廊华严院一行者、合缢于院后井旁栗树上。时出为物怪。继登过西边。得遗被。及华严墙畔。又得一履。院僧熟睡。排闥而入。径趋井所。二刘果对坐井上。互举手推搡。为逊让之状。即扶以归。既醒。扣其故。曰、终夕倦局。恰登床欲寝。而行者来传阍梨之意。云夜尚早。正煎汤相待。幸可款语。遂随以行。了不知墙壁之留碍。俄闻妇人歌笑声。朱门华屋。赫然焕耀。或导使入门。念兄弟同行。义难先后。方相撝避。忽冥然无所睹。非师见救。皆堕井死矣。彦适、字立道。

Призрак колодца Хуаянь

После успешной сдачи императорских экзаменов Лю Яньши со своим младшим братом возвращались в родной город и поселились на время в храме Юннин в Сичжоу для проведения молебна о спасении душ умерших на земле и воде. Ночью монах-наставник Цзидэн, которому было поручено присматривать за братьями и готовить подношения для ритуалов, заметил, что гостевой домик не заперт. Он спросил у слуг, почему домик открыт, но те утверждали, что братья Лю уже давно спят, заперев двери. Взяв свечу, он зашел внутрь, в комнате никого не оказалось, исчезли даже подушки с одеялами. В храме было лишь три двери и все они запирались на ночь, так что люди не могли свободно гулять по другим помещениям.

Цзидэн будто что-то вспомнил и громко закричал:

---

⁴⁴ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 978

– Это, должно быть, призрак колодца Хуаянь!

Он немедленно приказал слугам принести колот, и повел людей прямо к западному коридору. Ранее один путник повесился на каштановом дереве возле колодца в задней части двора Хуаянь. После этого происшествия в монастыре часто стали происходить необычные явления. Проходя по западному коридору, Цзидэн, увидел на земле одеяло из комнаты братьев Лю, когда группа подошла к к стенам внутреннего двора Хуаянь, то обнаружила их разбросанную обувь. Видимо, братьям Лю удалось пробраться туда в то время, когда все монахи крепко спали. Цзидэн поспешно толкнул дверь, и та распахнулась настежь. Тогда вся братия увидела двух Лю, сидевших на краю колодца, подталкивая друг друга, будто уступая место и предлагая спрыгнуть.

Цзидэн тут же ударил в колокол, и братья очнулись. Монахи помогли им вернуться в комнату и после расспросили о произошедшем. Старший Лю объяснил:

– Сегодня был очень трудный день и уставшие мы вернулись в комнату, собираясь тут же лечь спать. Мы только легли в кровати, как вдруг появился странник и сказал, что еще слишком рано, чтобы спать, и пригласил нас к себе выпить чая. Мы согласились и последовали за ним. Когда мы шли по коридорам монастыря, то заметили, что можем легко перемещаться через стены, будто стали невидимыми. Отовсюду доносился смех и пение женщин. Мы подошли к большому красивому зданию, внутри все казалось роскошным. Нас подвели ко двери. Я предложил брату войти первым в знак уважения, но он так же уступил дорогу мне. Так мы стояли у входа подталкивая друг друга. Затем внезапно все погрузилось в темноту, и мы очнулись. Если бы не ваше появление, мы бы спрыгнули в колодец и погибли.

23. 白衣妇人⁴⁵

---

⁴⁵ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей

宣和中、乡人董秀才。在州学、因如厕。见白衣妇人。徘徊于前。问其故。曰、我菜圃中人也。良人已没。藐然无所归。董留与语。且告以斋舍所在。至夜、遂来并寝。未几得疾。同舍生或知之。以白教授。教授造其室。责之曰、士人而为异类所冯。何至此。扣其所有。曰、但尝遗一相服。取胝之。秽而无缝。命投诸火。遣诸生踪迹焉。一老圃曰。向者小儿牧羊。一牝羊坠西廊井中。不可取。今白衣而出。岂其鬼欤。呼道士行法。咒黑豆投于井。怪乃绝不至。然董亦死。

Женщина в белом

В годы под девизом правления Сюаньхэ студент уездного училища Дун направился справлять нужду и столкнулся с женщиной в белом. Она бродила вокруг здания, и студент решил с ней заговорить:

– Откуда вы?

– Я живу в окрестностях, мой муж скончался, и теперь я совсем одна, мне некуда идти.

Дун сообщил ей, где он живет. В ту ночь она пришла и переночевала там с ним. Вскоре после этого он заболел. Его соседи по комнате узнали о произошедшем и сообщили наставнику. Учитель зашел к нему в комнату и отругал его, сказав:

– Ты же ученый, почему ты общаешься с такими странными людьми?

Он обыскал его вещи и нашел поношенную женскую рубашку. Он взял ее, грязную, без швов, и приказал бросить в огонь. Затем он велел студентам разыскать эту женщину.

Пожилой садовник рассказал им историю: "Раньше здесь часто бывал мальчик, который пас овец, одна овца упала в колодец в западном коридоре. Ее не смогли вытащить. Теперь появляется женщина в белом. Могла ли она быть

призраком той овцы?"

Они позвали даосского священника для совершения ритуала, и после того, как он бросил заговорённые черные бобы в колодец, призрак перестал появляться. Однако Дун все равно умер.

24. 吴旺诉冤⁴⁶

绍兴十五年. 陈祖安为吴县宰. 甥女陆氏病困. 为鬼物所凭. 陈欲邀道士禁治. 鬼云、无用治我. 我抱冤恨于幽冥间. 几二十年不获伸. 是以欲展愬. 问其故. 云、我姓名曰吴旺. 南京人. 遭兵火南渡. 家于府子城下. 以货绌自给. 尝与乡人蔡生饮. 沿河夜归. 蔡醉甚. 误溺水死. 逻卒适见之. 疑我挤之于河. 执送府. 下狱讯治. 不胜痛. 自引伏. 有司处法. 杖死于雍熙寺前石塔下. 衔冤久矣. 今日聊为公言之. 陈曰、当时之事谁主此. 答曰、狱官亦无心. 其事尽出狱吏. 盖吏惮于推鞠. 姑欲速成. 不容辩析. 而狱官不明. 便以为是. 竟抵极法. 因历道推吏狱卒及行刑人姓名. 陈曰、审如是. 何为独愬于我. 曰、寺与县为邻. 乃本府祷祈之所. 平时公入寺. 我必见之. 故熟识公. 今事已久. 不能复直. 弟欲世人一知之耳. 陈曰、汝骨安在. 吾为汝寻瘞. 使安于土可乎. 曰、遗骸零落. 所存仅十一二. 葬之亦无益. 公幸哀我. 愿丐水陆一会. 以资受生. 陈曰、此费侈. 吾贫不能办. 曰、然则但于水陆会中入一名. 使人至石塔前密呼吴旺. 俾知之. 亦沾功德. 可以托生矣. 陈曰、何处最佳. 曰、皆有功德. 而枫桥者尤为殊胜. 幸就彼为之. 陈许诺. 鬼巽谢. 陈问病者可痊否. 曰、陆氏数尽. 恐不能逃. 医药祈禳. 皆无所用也. 后数日. 女果死. 明年. 王葆彦光往枫桥作斋. 陈以俸钱. 为旺设位.

У Ван требует справедливости

На пятнадцатом году под девизом правления Шаосин Чэнь Цзуань стал

⁴⁶ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2) / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 997

начальником уезда Усянь. Его племянница, госпожа Лу была одержима злым духом и серьезно болела, Чэнь намеревался пригласить даосского священника, чтобы тот помог ей избавиться от наваждения. Даосский священник еще не явился, однако призрак предупредил через госпожу Лу:

– Это бесполезно. Вам не удастся меня изгнать. Я почти двадцать лет терпел горечь обиды в подземном мире, и мои жалобы так и не были разрешены. Теперь я хочу рассказать о своей проблеме вам.

Чэнь попросил призрака излить свою обиду, и тот поведал ему:

– Меня зовут У Ван, моя семья родом из Нанкина. Когда солдаты Цзинь вторглись в город, я бежал на юг, чтобы избежать разгрома. Моя семья поселилась в уезде Пинцзян около городской стены. Мы зарабатывали на жизнь продажей шелка, и этого едва хватало нам на пропитание. Однажды я выпивал с приятелем по имени Цай Шэн, и после, охмелевшие, мы побрели домой вдоль реки. Была уже поздняя ночь и Цай Шэн был настолько пьян, что случайно упал в воду и утонул. Эту сцену увидели стражники и заподозрили, что это я столкнул Цай Шэна в реку. Они арестовали меня и допрашивали в тюрьме. Не выдержав пыток, я признался в преступлении. Чиновники приговорили меня к смертной казни и забили палками рядом с каменной пагодой в монастыре Юнси. Я долго вынашивал обиду, и хочу предать это дело огласке.

– Кто в то время отвечал за это дело? – спросил Чэнь.

– Чиновник, ответственный за это дело, не имел тогда ясного представления о произошедшем. Во всем виноваты тюремные надзиратели. Они боялись получить выговор, поэтому хотели побыстрее завершить дело, не дав мне возможности защититься. Ответственному чиновнику было все равно, так меня и приговорили к смертной казни.

У Ван перечислил имена чиновников, тюремщиков и палачей, которые вели его дело.

– Если все действительно так, как вы рассказываете, почему вы хотите поделиться правдой именно со мной?

– Монастырь Юнси находится рядом с вашим уездом. В храм часто приходят помолиться местные чиновники, и вы тоже, как мне известно, посещаете этот храм. Это дело уже долгое время остается нераскрытым, и один я не смогу добиться справедливости.

Чэнь расспросил, где находятся его кости, и предложил найти для него место захоронения.

– Мои останки разбросаны по разным местам, хорошо если одну десятую найти удастся. Хоронить их бесполезно. Я надеюсь, что вы проявите милосердие и сможете совершить для меня молебен о спасении духов на земле и воде, это помогло бы мне переродиться – объяснил У Ван.

– Это слишком дорого, я беден и не могу себе этого позволить.

– Тогда просто внесите мое имя в ритуальные списки, и попросите того, кто будет проводить обряд, тайно произнести имя перед каменной пагодой, чтобы я узнал о проведении молебна. Тогда я смогу присутствовать на церемонии, и это поможет мне обрести второе рождение.

– Где лучше всего провести молебен?

– Подойдут все места, но, если удастся провести его на мосту Фэнцяо, это было бы наиболее удачным решением. Возможно, вам удастся провести его именно там.

Чэнь согласился выполнить его просьбу, и призрак У Вана поблагодарил его. Затем Чэнь спросил, когда его племянница сможет выздороветь.

– Жизнь госпожи Лу уже подходит к концу. Боюсь, что смерти не избежать. Лечение и молитвы бесполезны.

Несколько дней спустя девушка скончалась. На следующий год Ван Баоян

отправился в Фэнцяо, чтобы совершить ритуал. Чэнь использовал свое жалованье, чтобы устроить молебен о спасении душ на земле и воде для У Вана.

25. 饼家小红⁴⁷

张外舅寓无锡。买隙地数亩。营邸舍。方役土工。老兵刘温、戏拈块给众。曰、我正获黄金一块。众争观之。非也。笑而掷之。乃真得金块一双方于碎土中。卖得钱数千。即日感疾。半年乃愈。时张氏居南禅寺。鬼降于紫姑箕上。书灰曰、我乃公家所营邸处士中人也。名曰小红。居于西门。姊妹二人。吾父为饼师。不幸后母无状。虐遇我。我二人不能堪。皆自经死。今我重不幸。朽骨为公隶人所坏。圻中物可直万钱。刘老翁悉取之。我无所归。今只在牕外胡桃树下。依公家以居不可复去矣。人曰、汝坐后母以死。胡不求报耶。曰、已诉于天。既报之矣。许以佛经不肯受。人曰、大仙方至、汝安得久此。答曰。如是且归树下。续当复来。张氏多赂以佛事。及焚钱设馔祭之。乃绝。

Дочь пекаря Сяохун

Когда мой⁴⁸ тесть Чжан Юаньдао жил в Уси, он купил несколько акров земли и нанял рабочих, чтобы построить себе дом. Когда земля была выровнена, старый солдат по имени Лю Вэнь решил разыграть толпу, он схватил камень с земли и в шутку крикнул: «Смотрите, я только что подобрал кусок золота!» Люди столпились вокруг, чтобы разглядеть, но, оказалось, что это просто кусок почвы. Посмеявшись, он выбросил комок, однако, когда тот упал на землю и разбился, внутри действительно оказалось несколько золотых колец. Он продал их за несколько тысяч монет. В тот же день Лю Вэнь заболел, и ему потребовалось еще полгода, чтобы прийти в себя.

---

⁴⁷ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下): Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 1001

⁴⁸ Автор о себе.

В то время семья Чжан Юаньдао временно жила в буддийском монастыре Наньчань. Однажды во время праздника фонарей, члены семьи совершали ритуал богине Цзыгу⁴⁹, как вдруг в метлу, как будто-то бы что-то вселилось, она зашевелилась и стала писать пеплом на полу: «Меня зовут Сяохун, я уроженка того района, где ваша семья строит дом. Раньше, когда я была жива, мы с сестрой и отцом жили около Западных ворот, где мой отец торговал лепешками. К сожалению, наша мачеха была очень жестокой и издевалась надо мной и моей сестрой. В конце концов мы не выдержали и повесились. Но недавно со мной случилось несчастье. Люди, работающие в вашем доме, повредили мои кости и разграбили мое имущество. Ценности, похороненные вместе с нами, стоили десять тысяч монет. Старик Лю забрал их все. Теперь мне некуда возвращаться, и единственное, что остается - бродить под вашим окном у орехового дерева, полагаясь на вашу благосклонность»

Тогда ее спросили:

– Твоя мачеха довела тебя до смерти, так почему бы тебе не отплатить ей тем же?

– Я уже обратилась в загробный суд, и справедливость восторжествовала.

Семья Чжана пообещала читать буддийские писания и приносить подношения, но призрак отказался, сказав, что скоро туда явится великий небожитель, и он не сможет долго находиться у алтаря. Семья Чжана еще раз попыталась задобрить его буддийскими ритуалами и подношениями, но тот исчез и больше никогда не появлялся.

---

⁴⁹ Цзыгу (紫姑 — «Пурпурная дева») — богиня отхожих мест в китайской народной мифологии. Согласно легенде, Цзыгу была красивой и умной наложницей некоего чиновника в V-VI вв. и погибла в полнолуние первого месяца от руки его законной жены (по некоторым версиям она окончила собой). Во время праздника фонарей (15-й день первой луны) существовал обычай призывать богиню-оракула, китайцы изготавливали из различных предметов домашней утвари тело богини, чаще всего ставили метлу и вешали на нее свою одежду, и вызывали ее в уборной, произнося заклинания и зажигая благовония. В основном такой обычай бытовал среди деревенских женщин. [12, с.75]

26. 宣城死妇⁵⁰

宣城经戚方之乱。郡守刘龙图被害。郡人为立祠。城中蹀血之余。往往多丘墟。民家妇任娠。未产而死。瘞庙后。庙旁人家。或夜见草间灯火。及闻儿啼。久之。近街饼店。常有妇人抱婴儿来买饼。无日不然。不知何人也。颇疑焉。尝伺其去。蹶以行。至庙左而没。他日再至。留与语。密施红线缀其裙。复随而往。妇觉有追者。遗其子而隐。独红线在草间冢上。因收此儿归。访得其夫家。告之故。共发冢验视。妇人容体如生。孕已空矣。举而火化之。自育其子。闻至今犹存。荆山编亦有一事小异。

Мертвая женщина из Сюаньчэна

После беспорядков в Сюаньчэне, устроенных Ци Фаном, был убит начальник уезда Лю Лунту. Жители воздвигли святилище в его честь. В городе, где погибло бесчисленное количество людей, появилось множество новых могил.

В семье одного горожанина была беременная жена, которая умерла еще до рождения ребенка. Ее похоронили за храмом. Позже некоторые жители, жившие рядом, видели, как ночью в траве вспыхивали огоньки масляных лампад, и слышали плач ребенка; Необычные явления продолжались, в булочной на соседней улице стала часто навещаться незнакомая женщина с ребенком на руках, чтобы купить хлеба. Она приходила каждый день, и никто не знал кто она такая, все жители в окрестности относились к ней очень подозрительно.

Однажды кто-то решил тайно последовать за ней и проследить, где она живет, но когда женщина дошла до западной части храма, то тут же исчезла. На следующий день женщина снова пришла за хлебом, беседуя с торговцами она не заметила, как те тайно привязали красную нить к подолу ее платья, и как только она вышла, они тут же последовали за ней. Женщина сразу почувствовала, что кто-то идет позади, она опустила ребенка на землю и исчезла, оставив на

⁵⁰ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюаньши «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньбэй с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 1187

поросшем травой холмике после себя только красную нить. Люди забрали брошенного ребенка и разыскали дом его отца, чтобы поведать ему эту удивительную историю. После того как отец ребенка услышал о произошедшем, они все отправились к могиле его жены. Открыв крышку гроба, они обнаружили, что тело женщины выглядело так, словно она все еще была жива, но что странно, не было ни следа беременности. Мужчина забрал тело жены и кремировал его, после чего растил ребенка сам. Эта история дошла до наших дней. Аналогичный случай также можно встретить в сборнике «Цзиншань», с незначительными отличиями.

27. 梁统制⁵¹

鄂州选锋军统制梁兴。尝以厅前水斛竭。呼舍中卒诃问。卒谢罪。已而复然。梁大怒。欲加捶。卒曰、每日满贮水。其敢慢。有如公弗信。愿至晚一临视可知矣。乃释之。但命辇水满斛。然后退。明日复空。颇讶其异。戒使谨伺之。才二更。一大蟒从屋背垂首下饮。顷刻而尽。遽入曰。梁遣小校迹其所往。历历见过江至大别山下。直入深窟中。居人咸言此物穴居有年。未尝为人害。人亦莫敢近也。明旦、梁呼帐下赵諄。领数十壮卒。操劲弓。傅毒矢。渡江。又令一人登山吹笛。少焉蟒出。立射杀之。数夕后。梁梦妇人来。作色言曰、我何罪于君。枉见杀。今相从索命。趋而前欲搏梁。梁大窘。即与之斗。妇人不胜。曰、姑以大郎君为代。未几长子果卒。诸兵死者数辈。余亦大病。赵諄惧。昼夜焚香祷谢。仅得免。越四岁梁亡。汉阳人谓蟒为山神。故能报仇如是。然生不能庇其躯。舍江水不饮。而远恋斛中。以自取祸何也。

Главнокомандующий Лян

Главнокомандующий Эчжоу Лян Син совершая утренний обход, обнаружил, что резервуары с водой, стоявшие по обыкновению перед казармами,

⁵¹ 30. Хун Май [洪迈]. Вэньбай дуйчжао цюань «Ицзянь Чжи» (Шан) [文白对照全译夷坚志(下)]: Полное собрание «Записей Ицзяня» на вэньяне с переводом на байхуа (часть 2)] / Издательство древних книг Чжунчжоу. Чжэнчжоу, 1994. С. 1210

полностью опустели. Заподозрив неладное, он тут же вызвал солдат к себе, чтобы их допросить. Солдаты, не имели представления куда могла исчезнуть вода, но всё же принесли свои извинения за произошедшее, ведь то могло произойти только по их собственному недосмотру. Резервуары же наполнялись каждый день без всяких исключений и дабы избежать наказания со стороны разгневанного военачальника, солдаты предложили Ляну лично проследить этим вечером, чтобы тот убедился в их невиновности. Лян отпустил солдат, но приказал, чтобы до полуночи ёмкости с водой были наполнены до краёв.

На следующий день резервуары были найдены пустыми, что весьма озадачило Ляна. Он рассказал своим людям о произошедшем и распорядился провести расследование, чтобы подкараулить виновных. Около полуночи те увидели, как огромный питон сполз с крыши дома, в один миг осушил емкость с водой и быстро улизнул обратно. Лян послал разведчиков по его следу, и тот привел их в темную глубокую пещеру к самому подножию гор Дабешань. Местные жители поведали им, что питон жил там уже много лет, и никогда никому не причинял вреда, и по этой причине никто его не трогал.

Утром Лян вызвал в свой шатер Чжао Чжуна и несколько десятков сильных воинов, вооруженных мощными луками и отравленными стрелами, и повел их за собой переправляться через реку. Он также отдал приказ кому-то подняться на гору и играть на флейте, чтобы приманить змею. Вскоре из пещеры появился питон. Лян выстрелил и убил его. Несколько дней спустя Ляну приснилась разозленная женщина, которая обвинила его в том, что он несправедливо ее убил. В гневе она прошептала:

– Теперь я вернулась за твоей жизнью.

Лян пытался сбежать от нее, но женщина всякий раз настигала и как будто сдавливала в своих тисках, принося ему невыносимую боль. Все его попытки сопротивляться оказались тщетными, и в конце концов женщина одолела его. Она предложила сохранить ему жизнь в обмен на жизнь его старшего сына.

Вскоре после этого случая умер его старший сын, за которым последовали смерти нескольких солдат, а сам Лян серьезно заболел. Чжао Чжунь, опасаясь за свою жизнь, горячо молился день и ночь, и так ему едва удалось избежать наказания. Четыре года спустя Лян скончался. Жители Ханьяна верили, что питоны – это божества гор, способные таким образом отомстить. Однако наш питон не смог защитить свою жизнь, он отделился от природы, осушая человеческие резервуары, что в результате привело его к собственному падению.